

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2019. Т. 27(1–4). № 1

ISSN 1999-9917

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019.

Главный редактор А. А. Крымов

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru/>

Дата выхода в свет 28.03.2019. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.aipk.org) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

Российский индекс научного цитирования;
КиберЛенинка;

Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук.

© Академия ФСИН России, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL BOARD

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugueva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведаы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

3 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement; free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange; compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 10** *Маликов Б. З.* Преступление, наказание, судимость – основные правовые факторы уголовной ответственности
- 18** *Нудель С. Л.* Тенденции современной российской уголовной политики в контексте криминализации
- 27** *Южанин В. Е., Григорян И. Г.* О понятии содействия государственных органов и общественности в работе уголовно-исполнительных инспекций
- 33** *Белянская О. В.* Правовая самоидентификация иностранного лица к российской правовой системе

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 40** *Режапова И. М., Заборовская Ю. М.* Зарубежный опыт работы с заключенными с целью их дальнейшей ресоциализации (на примере законодательства Соединенных Штатов Америки и Канады)

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 47** *Бабичев Д. А.* Прокурорский надзор в сфере оперативно-розыскной деятельности: к расширению границ правоприменения
- 52** *Кимачев А. Н., Горбань Д. В.* Актуальные проблемы правовой регламентации внутреннего распорядка воспитательных колоний
- 59** *Огрызков А. В., Сулейманов Т. А.* Практика рассмотрения вопроса о приеме и регистрации сообщений о преступлениях в деятельности дежурных смен исправительных учреждений
- 66** *Султанова Р. М.* Актуальные вопросы обеспечения правопорядка органами государственной власти субъектов Российской Федерации

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 71** *Шамсунов С. Х., Лакина И. А.* Современные меры пресечения в деятельности уголовно-исполнительных инспекций
- 76** *Нестерова О. И., Гнедова Н. П.* Использование оперативно-розыскных данных при установке обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании побегов из исправительных учреждений
- 80** *Нечаева Е. В., Латыпова Э. Ю., Гильманов Э. М.* Посягательства на цифровую информацию: современное состояние проблемы

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 87** *Киселев А. М.* Критерии и показатели уровня готовности сотрудников правоохранительных органов к действиям в кризисных ситуациях
- 94** *Фомин В. В.* Некоторые психологические аспекты производства обыска и продуктивность его проведения
- 98** *Демко Т. Н.* Об использовании интерактивных методик при проведении занятий по учебным дисциплинам гуманитарного цикла в образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 108** *Malikov B. Z.* Crime, punishment, criminal record as the main legal factors of criminal liability
- 108** *Nudel' S. L.* Trends in modern Russian criminal policy in the context of criminalization
- 110** *Yuzhanin V. E., Grigoryan I. G.* About the assistance concept of state bodies and the public in work of Penal inspections
- 111** *Belyanskaya O. V.* Legal self-identification of a foreigner to the Russian legal system

ABROAD

- 112** *Rezhapova I. M., Zaborovskaya Yu. M.* Foreign experience of working with convicts for their further re-socialization (on the example of the United States of America and Canada legislation)

MANAGEMENT VECTOR

- 114** *Babichev D. A.* Prosecutorial supervision in the field of operational-investigative activities: expansion of law enforcement boundaries
- 115** *Kimachev A. N., Gorban' D. V.* Relevant problems of legal regulation of internal work rules in correctional colonies
- 116** *Ogryzkov A. V., Suleymanov T. A.* The practice of considering the reception and registration of crimes reports in the activities of duty shifts of correctional institutions
- 118** *Sultanova R. M.* Topical issues of law enforcement by public authorities of the Russian Federation

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 119** *Shamsunov S. H., Lakina I. A.* Modern preventive measures in the activities of Penal inspections
- 119** *Nesterova O. I., Gnedova N. P.* Use of operational-search data in establishing the circumstances to be proved in the investigation of prison breaks
- 120** *Nechaeva E. V., Latypova E. Yu., Gil'manov E. M.* Attacks on digital information: the current state of the problem

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 122** *Kiselev A. M.* Criteria and indicators of law enforcement personnel level of readiness to act in crisis situations
- 124** *Fomin V. V.* Some psychological aspects of the search and its efficiency
- 124** *Demko T. N.* About the use of interactive methods in conducting humanitarian disciplines in educational institutions of Federal Penitentiary Service of Russia

УДК 343.222

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.010-017

БОРИС ЗУФАРОВИЧ МАЛИКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Уфимский юридический институт МВД России,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация,
e-mail: malikov_bz@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, СУДИМОСТЬ – ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Для цитирования

Маликов, Б. З. Преступление, наказание, судимость – основные правовые факторы уголовной ответственности / Б. З. Маликов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 10–17. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.010-017.

Аннотация. Уголовная ответственность в законодательной форме находит свое выражение в трех правовых явлениях: преступлении, наказании и судимости. В статье представлено авторское видение проблемы судимости как неотъемлемого связующего правового элемента между общественно опасным деянием (преступлением) и наказанием в целях расширения границ познания о данном правовом явлении, его значении и не решенных в теории уголовного права и на законодательном уровне проблемах. Сущность судимости трактуется как уголовно-правовое отношение, юридическим фактом которого является приговор суда, вступивший в законную силу, утрачивающий свое правовое значение только после снятия с осужденного судом судимости либо погашения ее истечением срока таковой. Рассматривается уголовно-правовое и общесоциальное значение судимости, ее свойства (признаки) как правового и социального фактора.

Ключевые слова: преступление, наказание, судимость, рецидив, статус судимого лица, правоограничения в механизме судимости.

Общественно опасные деяния в социуме имеют объективную природу как отражение в поведении человека противоречий бытия, проявление его эго и неразвитости личной культуры, безнравственности, правового нигилизма и безответственности. Такое поведение – антипод добропорядочному поведению.

Деяния – это исторически сложившийся, деструктивный, негативный и неодобряемый в социуме тип внешнего проявления человека. Их социальная сущность выражается в агрессивном, аморальном и противоправном поведении, причиняющем существенный

© Маликов Б. З., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

вред личности, обществу и государству, влекущем за собой наступление юридической ответственности в форме наказания. Объективируют данный тип поведения людей социальные условия бытия и противоречивая сущность самого человека как носителя биологических и социальных начал и потребностей, удовлетворение и реализация которых порой бывает неадекватной с учетом личных данных, индивидуальных возможностей и способностей, осуществляемых вопреки здравому смыслу, логике позитива, нормам морали и права.

Криминальный характер те или иные деяния обретают путем специальной деятельности государства (криминализации) по выражению в законодательной форме их признаков, определяющим среди которых является их общественная опасность, а также по установлению наказания за их совершение. По российскому уголовному законодательству криминальным поведением является виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Соответственно законодатель определил и задачи уголовного законодательства: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

Исходя из указанных задач, а также необходимости реализации принципов законности и справедливости, в науке уголовного права достаточно значимыми и, безусловно, актуальными проблемами в контексте реализации уголовной ответственности являются положения уголовного законодательства о преступлении, наказании, судимости и рецидиве.

Судимость в широком значении оценки этого правового явления как основной формы реализации уголовной ответственности в виде применения судом к виновным лицам уголовно-правового принуждения за совершенные преступления – это акт правосудия (официальной юридической оценки деяния и установления ответственности за такое) как юридический факт, порождающий правоотношения судимости, а также наличие специального статуса судимого лица. Правоотношения судимости в соответствии с уголовным законодательством лежат в основе механизма ответственности за рецидив преступлений.

Неординарность государственного принуждения в форме судимости по факту совершения преступления очевидна, а востребованность такого в механизме уголовно-правового воздействия объективно обусловлена. Однако, на наш взгляд, это правовое явление в должной мере с учетом своего реального социального и уголовно-правового значения в теории права и отраслевом законодательстве еще не получило достаточно точного и полного сущностного выражения, к тому же не определен в должной мере нормативный регламент действия его правоограничений.

Вместе с тем следует отметить, что в формате реализации требований задач уголовного законодательства двуединая уголовно-правовая диалектика сущности ответственности, указывающая на неразрывную связь объективных социальных явлений – преступления и наказания, отражает лишь преимущественно охранительно-предупредительный аспект таковой, оставляя правосудную ее форму и правовые последствия судимости в определенной мере вне динамики государственно-правового воздействия – правосудия. Ведь уголовный закон закрепляет положение о том, что основанием уголовной ответственности является преступление, содержащее все признаки состава

преступления (ст. 8 УК РФ). Окончательное решение о наличии состава преступления в деянии устанавливается судом, а вопрос о применении наказания или иной меры уголовно-правового характера к виновному лицу либо освобождении от наказания зависит только от судебной оценки характера и степени общественной опасности деяния, а также личности подсудимого.

В понятии преступления присутствует признак виновности (ч. 1 ст. 14 УК РФ), который по факту совершения преступления подлежит установлению судом. Это положение вытекает из требования ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, в которой закреплено, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Тем самым судебная процедура о наказании виновного в совершении преступления представляет собой акт осуждения, порождающий правоотношения судимости (ч. 1 ст. 43, ч. 1 ст. 86 УК РФ).

В формате охранительно-предупредительного значения сущность непосредственной связи таких правовых явлений, как «преступление» и «наказание», не вызывает сомнения. Однако уголовный закон является нормативно-правовым актом для применения. Он не только закрепляет перечень общественно опасных деяний, за которые наступает уголовная ответственность и возможность применения наказания за совершение преступлений, но и указывает на сущность уголовной ответственности за совершенное преступление, которая выражается в судимости виновного лица – осуждении за преступление и наказании. Тем самым в правоприменении связь таких правовых явлений, как «преступление» и «наказание», опосредуется уголовно-правовым отношением в форме судимости.

Судимость как правовое явление представляет собой результат судебной оценки содеянного виновным лицом и применения к нему наказания или условного осуждения. Судимость – это деятельность по применению государственного принуждения, которая отражает объективно-субъективную реальность, связывает преступление и наказание воедино, как результат и сущность уголовной ответственности. Она выступает в качестве конструктивного уголовно-правового элемента в механизме ответственности за рецидив преступлений, а также в социуме является основанием для возникновения у физического лица дополнительного статусного признака – судимости. С учетом отмеченного значения судимости в механизме реализации уголовной ответственности считаем, что в задачах уголовного закона, а точнее, в механизме их реализации должно найти отражение именно указанной триединой и неразрывной связи уголовно-правовых явлений: преступления, судимости (как правоотношения, порожденного обвинительным приговором суда) и наказания.

Как уголовно-правовое отношение, возникающее вследствие осуждения лица судом к отбыванию наказания или условному осуждению, судимость, пока она не снята или не погашена, придает индивиду статус судимого лица и ограничивает его в правах, а при совершении таким лицом нового умышленного преступления влечет за собой уголовно-правовые последствия в форме повышенной уголовной ответственности в связи с рецидивом преступлений и применение более строгого наказания (ч. 5 ст. 18, п. «а» ч. 1 ст. 63, ст. 68 УК РФ).

Правоограничительный формат судимости, а точнее, правоограничения, обусловленные правовым статусом судимых лиц, выходят за рамки отраслевого уголовно-правового регулирования. Видимо, поэтому институт судимости определяют как сложную юридическую конструкцию [1, с. 69].

В силу указанной особенности правового регулирования общественных отношений в различных сферах социального проявления судимость не представляет собой комплексный институт, но она порождает правовое состояние судимости физического лица. Оставаясь институтом уголовного законодательства, судимость временно изменяет общегражданский статус судимого лица нормами других отраслей права. Это соответствует нормативному установлению ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, так как комплекс правоограничений судимого лица направлен на реализацию конституционных положений, что подобные правоограничения могут иметь место в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Исходные правоограничительные признаки и целевое предназначение института судимости определяются нормами уголовного законодательства. Судимость, как результат судебной оценки, отражает факт уголовно-правового противоправного и наказуемого конфликта физического лица с другими лицами, обществом и государством. Уголовно-правовая упречность судимого лица имеет срочный характер и форму уголовно-правовых правоотношений. Более того, криминальная упречность судимого лица является основанием для временного сужения сферы его конституционных прав. Такое лицо утрачивает на период судимости доверие социума на предмет наличия должного уровня общегражданской ответственности, способности выдерживать и соблюдать требования морали и права в личной жизни и профессиональной деятельности, а также в иных социальных отношениях. Криминальная упречность в форме судимости имеет место с момента вступления приговора суда в законную силу и до погашения или снятия судимости. В уголовно-правовом значении криминальная упречность является обременением в интересах судимого лица в целях коррекции его поведения и удержания от совершения нового умышленного преступления, а в целом в социуме она имеет значение в интересах обеспечения безопасности, правопорядка, нравственности, справедливости.

Вместе с тем в социальном пространстве судимость, как и уголовное наказание, несет в себе и позитивные, и негативные начала. Судимость, как уголовно-правовое отношение, в определенной мере «блокирует» конституционные пределы свободы личности. Она усложняет взаимодействие судимого лица и социума. Объем правоограничений судимого лица в период исполнения наказания зависит от вида наказания, своеобразен он для условно осужденных. В постпенитенциарный период (в это понятие мы вкладываем смысл того, что после завершения уголовно-исполнительных процедур осужденный утрачивает свой специальный статус субъекта уголовно-исполнительных правоотношений, при этом он остается судимым лицом в уголовно-правовом и гражданско-правовом значениях) судимость имеет уголовно-правовое значение, а также оказывает в форме правоотношений моральное и правоограничительное воздействие на судимых лиц, позиционируя в социуме их уголовно-правовую упречность. Все судимые лица до погашения или снятия судимости испытывают государственное принуждение в форме судимости, выражающееся в признании судимого лица субъектом уголовно-правовых отношений в механизме ответственности за рецидив преступлений и в действии правоограничений, вытекающих из специального статуса судимого лица с пониженным уровнем социального доверия, не адаптированных полностью к социальным реалиям, сохраняющих отчасти потенции противоправности. В отношении отдельных категорий судимых лиц имеет место применение административно-предупредительного воздействия (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре

за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»). Постпенитенциарный период судимости – это период действия правоограничений, уголовно-правового воздействия и социального контроля в интересах полной социальной адаптации судимого лица, а также предупреждения рецидива преступлений.

Как правовое явление судимость обладает рядом свойств (признаков) для целей безопасности и антикриминального воздействия в социальном пространстве:

1) регулятивно-статусный аспект (правоотношение) – проявляется в том, что судимость, будучи правоотношением, корректирует деятельность государственных органов и иных социальных структур во взаимодействии с судимыми лицами с учетом наличия у них специального статуса;

2) принудительно-ограничительное воздействие – выражается в императивной форме правоотношений, опосредующих принудительно-ограничительное содержание исполнения наказания, условного осуждения и постпенитенциарного воздействия;

3) информативно-побудительное значение – проявляется в отражении факта осуждения конкретного лица за преступление, как правило, к наказанию, в официальных учетах и судебно-криминальной статистике с момента вступления приговора суда в законную силу, а также внесения в персональные данные изменений в общегражданский статус лица, влекущих за собой признание его субъектом уголовно-правовых отношений, с правовым статусом осужденного и судимого лица;

4) антикриминальная направленность правового формата судимости – выражается в совокупности уголовно-правовых установлений о повышенной ответственности судимых лиц за совершение ими новых умышленных преступлений;

5) морально-этическая соотносимость криминальной упречности, ответственности и доверия для обеспечения целей профессиональной этики. Данный аспект ориентирован на формирование у лица, совершившего преступление, осознания факта осуждения судом в части оценки виновности, возложения на него обязанности понести уголовную ответственность в форме наказания или условного осуждения, отсрочки исполнения приговора, а также правовые последствия таковых. Судимость сужает сферу личной свободы, возможности самореализации и вариативность поведения в социуме судимого лица. Такое лицо испытывает на себе психологическое воздействие официального порицания, данное ему судом за совершенное преступление, информация о котором в фиксированной форме доступна правоохранительным органам и иным лицам для целей обеспечения безопасности, предупреждения криминального и аморального влияния в учреждениях педагогической, правоохранительной и социально значимой профессиональной деятельности.

Исходя из наших оценок судимость представляет собой уголовно-правовой институт, нормы которого отражают сущность и содержание уголовно-правовых отношений осужденного и государства, действующих с момента вступления в законную силу приговора суда и до момента погашения или снятия судимости в виде применения государственного принуждения в форме наказания либо условного осуждения или отсрочки исполнения приговора, характеризующегося применением к нему правоограничений, предусмотренных уголовным и иным законодательством Российской Федерации.

Исследователи проблем судимости Т. Г. Понятовская и Г. Х. Шаутаева, оппонировав авторам различных оценок сущности судимости, отмечают: «Судимость – это правовое состояние лица, возникающее при осуждении его судом к конкретной мере наказания за совершенное им преступление, влекущее при условиях, указанных в законе, наступление

для него определенных последствий общеправового и уголовно-правового характера и выступающее правовым средством, содействующим достижению целей наказания» [2].

Мы полагаем, что сущность любого правового состояния находит свое выражение в нормах права, порождая определенный вид или систему (комплекс) правоотношений. Осужденный либо лицо, отбывшее наказание, являются субъектами в уголовно-правовых отношениях общего формата в качестве судимого лица.

Судимость не может оцениваться как состояние лица после отбывания наказания, условного осуждения, отсрочки отбывания наказания, а также рассматриваться в качестве средства достижения целей наказания [3, с. 116]. Судимость – это уголовно-правовые отношения, действующие на основании приговора суда, целью которого является упреждение рецидива преступлений. Наказание как основная форма реализации уголовной ответственности имеет свои цели (ч. 2 ст. 43 УК РФ). В период отбывания наказания правовой формат судимости отражает карательные черты наказания, кроме того, угрозу повышенной уголовной ответственности за рецидив преступления. После отбытия наказания уголовно-правовой режим судимости несет в себе лишь угрозу повышенной уголовной ответственности за рецидив преступления.

Наиболее приемлемое с позиции положений общей теории права понятие судимости дает профессор В. К. Дуюнов, который трактует ее как особое уголовно-правовое отношение, возникающее между государством и лицом, осужденным за совершение преступления к уголовному наказанию [4, с. 262].

В современном уголовном законодательстве определены основные признаки правового механизма судимости, сроки и последствия ее погашения и снятия (ст. 84, 85, 86 УК РФ). Лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу и до момента погашения или снятия судимости. Судимость в соответствии с УК РФ выступает в качестве квалифицирующего признака преступлений (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132 УК РФ). В форме рецидива судимость является обстоятельством, отягчающим наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), препятствующим применению условного осуждения (пп. «б», «в» ч. 1 ст. 73 УК РФ). Наличие судимости влечет за собой иные правовые последствия в случаях и в порядке, которые установлены федеральными законами (ч. 1 ст. 86 УК РФ). Однако законодательное выражение судимости как правового явления остается до сих пор не совсем полным и точным. На наш взгляд, это понижает его значение в механизме правосудия как средства индивидуализации ответственности, а также как значимого фактора уголовно-правового воздействия в механизме предупреждения преступности в целом и рецидивной преступности в частности.

Следует отметить, что понятие «судимость» как уголовно-правовое явление обрело официальное толкование в постановлении Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда г. Москвы и жалобами ряда граждан». Пункт 1.2 данного постановления указывает, что «судимость представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему наказания по приговору суда за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые

последствия; имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности». Конституционный Суд Российской Федерации раскрывает сущность судимости через понятие «правовое состояние», порождающее при совершении судимым лицом новых преступлений уголовно-правовой рецидив. Судимое лицо признается субъектом с повышенной общественной опасностью. Действительно, судимость представляет собой правовое состояние, которое отражает содержание публично-правовых отношений, возникающих и действующих из факта осуждения за совершение преступления. Правоограничительную основу состояния судимости составляют уголовно-правовые отношения. На эту особенность Конституционный Суд Российской Федерации указывает слишком витиевато.

В уголовном праве зарубежных государств проблемы судимости имеют отражение, но решаются своеобразно. Например, в Англии и Германии проблема судимости оценивается с позиции представлений об опасном состоянии лиц, ранее подвергавшихся уголовному наказанию, но на законодательном уровне решается по-разному. В Англии с принятием в 1908 г. Закона «О предупреждении преступлений» действует институт привычных преступников. Этот закон определяет понятие опасного состояния конкретного лица – осужденного, к которому может применяться превентивное заключение. В Германии Закон о привычных преступниках от 24 ноября 1933 г. к осужденным к наказаниям, не связанным с изоляцией, предусматривает применение дополнительных ограничительных мер: а) установление надзора, б) лишение водительских прав, в) запрещение заниматься определенной профессиональной деятельностью.

В Японии более 500 лет ведется работа по ограничению владения оружием. Закон «О контроле над огнестрельным оружием и мечами», принятый в 1958 г., запрещает владение оружием лицам с криминальным прошлым [5].

В российском уголовном праве нет понятия «привычный преступник», но уголовно-правовое предупредительное воздействие на осужденных и лиц, отбывших наказание, обеспечивается посредством норм институтов судимости и рецидива.

В последние годы в теории уголовного права вновь стали появляться на уровне публикаций оценки и выводы, ставящие под сомнение институт судимости [6; 7, с. 91]. К таким поспешным предложениям следует относиться предельно взвешенно. Ведь совершение судимым лицом умышленного преступления – это трагедия и самого виновного лица, и социума в целом, и потерпевших от преступления лиц. Рецидив преступлений дискредитирует правосудие и демонстрирует слабость государства в обеспечении правопорядка и безопасности.

Проблема судимости кроме уголовно-правового аспекта отражает негатив личности, а точнее, деформацию его социального статуса – утрату должного уровня социальной ответственности, который не может не учитываться в социальной организации с точки зрения реализации принципов и требований: справедливости, моральной допустимости, педагогической безупречности, соответствия критериям должной персональной ответственности.

Социум – это сложная организация взаимодействий и отношений. Вопросы обеспечения правопорядка и безопасности в нем заставляют государство прибегать на основе Конституции Российской Федерации к ограничению прав и свобод отдельных катего-

рий граждан (ст. 55). Судимость – это тот формат правоограничений, который обеспечивается в интересах всего социума в целях обеспечения правопорядка. В уголовно-правовом значении судимость имеет строго определенные рамки, установленные законом (ст. 86 УК РФ).

Как объективный негатив для конкретной личности судимость не имеет давности. Нести бремя судимости и ее последствий – это удел судимого лица, даже со снятой и погашенной судимостью. Только безупречность посткриминального поведения судимого лица способна быстро и наиболее полно «погашать» последствия уголовно-правовых отношений.

Однако прекращение уголовно-правовых отношений путем снятия и погашения судимости не устраняет самого факта судимости как объективной реальности. Как к этому относиться? Однозначного ответа ни в теории права, ни на уровне законодательных установлений пока нет. Защитить интересы ранее судимого лица от криминальных последствий может только его личное поведение и положительное позиционирование себя в обществе, а также свойства «угасания» в социальном пространстве даже самой резонансной информации по «частным» случаям, сводящим на нет противоречия индивида и общества.

Уголовно-правовой и социальный контроль за ранее судимыми лицами действует на основе законодательства Российской Федерации лишь в пределах срока судимости.

Время отказа от института судимости и ответственности за рецидив преступлений в России пока еще не пришло. Об этом свидетельствуют данные криминальной статистики, которые указывают на достаточно высокий уровень и устойчивость динамики рецидива преступлений.

«Преступление», «наказание» и «судимость» – это уголовно-правовые категории, отражающие суть уголовной ответственности и необходимость уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступление, объективную диалектику правосудия в противодействии криминалу, а также сущность и содержание уголовно-правовых и социальных посткриминальных восстановительных процедур по преодолению негатива криминального события, противоречий судимого лица с потерпевшими лицами от преступления, устранению дестабилизации правопорядка общественно опасными деяниями, сглаживанию возмущения социального спокойствия и стабильности.

Библиографический список

1. Зельдов С. И. Освобождение от наказания и от его отбывания. М., 1982. 136 с.
2. Понятовская Т. Г., Шаутаева Г. Х. Правовое значение судимости. Ижевск, 2003. 240 с.
3. Голина В. В. Роль и значение судимости в предупреждении преступлений // Личность преступника и уголовная ответственность : межвуз. науч. сб. Саратов, 1981. С. 115–121.
4. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. В. К. Дуюнова. 4-е изд. М., 2015. 695 с.
5. Филиппов В. В. Контроль над огнестрельным оружием в Японии: ежегодный аналитический отчет. URL : <http://www.kiev-security.org.ua/box/4/85.shtml> (дата обращения: 28.05.2018).
6. Степичев С. Нужен ли институт судимости? // Социалистическая законность. 1965. № 9. С. 14–18.
7. Архенгольц И. А. Необходимость учета личности преступника при применении института судимости как реализации принципа справедливости // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. Вып. 6. 2016. Т. 26. С. 89–94.

УДК 343.2
DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.018-026

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВИЧ НУДЕЛЬ,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: slnudel@gmail.com

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Для цитирования

Нудель, С. Л. Тенденции современной российской уголовной политики в контексте криминализации / С. Л. Нудель // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 18–26. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.018-026.

Аннотация. В статье на основе доктринальных подходов к определению уголовной политики проведен анализ современных тенденций процесса криминализации. Особое внимание уделено вопросам криминализации общественно опасных деяний в связи с обеспечением национальной безопасности в информационной и экономической сферах, а также в области противодействия терроризму и экстремизму. Определено, что процесс криминализации характеризуется разнонаправленностью. Сделан вывод о том, что совершенствование уголовно-политических механизмов обеспечения национальной безопасности должно выстраиваться в едином комплексе мер по обеспечению безопасности с учетом национальных интересов, внутренних и внешних угроз.

Ключевые слова: уголовная политика, криминализация, преступление, уголовная ответственность.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, обоснованно отмечено, что, несмотря на созданную основу для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов России, повышения ее роли в формирующемся полицентричном мире, укрепление государства происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер.

Данные угрозы вызваны негативным воздействием множества факторов внешней и внутренней среды, которые обусловлены процессами глобализации, изменением геополитической обстановки, преобразованиями в политической, экономической и техно-

© Нудель С. Л., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

логической сферах, а также структурными и социальными проблемами, препятствующими формированию высокого уровня общественного развития.

Противодействие наиболее опасным угрозам национальной безопасности следует обеспечивать мерами не только социально-экономического, политического и идеологического, но и уголовно-политического характера. Уголовная политика должна обеспечивать роль государства в качестве гаранта безопасности, способствовать реализации стратегических национальных приоритетов и эффективной защите национальных интересов.

В научной литературе термин «уголовная политика» употребляется в различных контекстах, при этом авторы вкладывают в него совершенно различное содержание, что часто приводит к подмене понятий [1, с. 51]. В целом эволюция воззрений на данное понятие детально изучена [1, с. 18–60; 2, с. 24–29; 3, с. 8–26; 4, с. 17; 5; 6, с. 3–18], и сформированы две основные обобщенные позиции относительно его содержания.

Первая характеризует уголовную политику как часть внутренней правовой политики и направление деятельности государства в лице органов государственной власти по противодействию преступности [2; 5, с. 7; 8, с. 7; 9, с. 74]. Вместе с тем с данной позицией нельзя полностью согласиться в связи с тем, что уголовная политика в этом случае толкуется слишком узко – лишь как некая государственная деятельность, что не учитывает все особенности ее формирования и субъектный состав.

Вторая позиция, которая является наиболее содержательной и многоплановой, заключается в определении уголовной политики как «системы принципов, политических и политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального цикла, криминологических программ и программ ресоциализации преступника, выработанных на научной основе и осуществляемых государством совместно с субъектами российского гражданского общества по обеспечению правопорядка, предупреждения и борьбы с преступностью, безопасности личности, в необходимых случаях – национальной безопасности» [1, с. 12]. В целом соглашаясь с данным определением, необходимо отметить возможность его дополнения рядом признаков – указанием на ее реализацию в результате государственной деятельности и направленности на минимизацию и возмещение вреда, причиненного преступлениями.

Таким образом, в качестве уголовной политики России можно определить выработанную на научной основе систему принципов, политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального характера, направленную на обеспечение национальной безопасности в области противодействия преступности и возмещение вреда, причиненного преступлениями, которые реализуются в деятельности уполномоченных органов государственной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества.

Эффективность уголовной политики государства напрямую зависит от степени достижения задач по охране важных, «выгодных государству общественных отношений» [10, с. 7], благ, ценностей (социальных интересов) [11, с. 16], установленных в ст. 2 УК РФ [12, с. 19–21]. В связи с этим необходимость защиты указанных социальных интересов обуславливает стремление органов власти к интенсификации уголовно-правового воздействия, поэтому проблема повышения эффективности современного арсенала уголовно-правовых средств борьбы с преступностью входит в число важнейших задач уголовной политики [13, с. 11–14].

В качестве важнейшего элемента уголовной политики Российской Федерации следует признать процесс криминализации, то есть признания тех или иных деяний пре-

ступными и наказуемыми [14, с. 14; 15; 16; 17]. При этом следует согласиться с В. Н. Кудрявцевым, что «объем и содержание криминализации общественно опасных деяний в конечном счете определяют характер тех уголовно-политических стратегий, которые были бы наиболее эффективными с учетом существующей в стране преступности. Деяние признается преступным только в результате соответствующей социальной акции – законодательной оценки. Иными словами, человеческое общество в лице законодателей отделяет преступное от непроступного» [14, с. 21].

Ряд ученых в качестве основного средства противодействия преступности часто предлагают усилить тяжесть уголовного наказания за отдельные виды преступлений [18, с. 11–15; 19, с. 16–21]. По мнению А. Э. Жалинского, такие предложения нередко представляют собой «ничем не обоснованное мнение отдельных авторов, что подтверждается поступающими в Государственную Думу РФ многочисленными проектами федеральных законов, содержащими, как правило, предложения об усилении уголовной ответственности» [20, с. 24]. Причинами таких законодательных предложений является отсутствие реальных данных об общественной опасности того или иного противоправного деяния, а также достоверных сведений о социальных и иных последствиях возможных изменений уголовной репрессии, ресурсных затратах в связи с принятием законопроекта и о том, согласно ли общество его финансировать, без чего в странах с устоявшимися системами уголовного правосудия не принимается ни один уголовный закон, устанавливающий преступность или усиливающий уголовное наказание за преступное поведение [21].

Соответственно «российское уголовное законодательство должно адекватно отражать реалии социально-экономической действительности, оперативно реагировать на их изменения, в особенности на расширение сферы проявлений негативных процессов и явлений, укрупнение их масштаба и возрастание на этой основе степени общественной опасности» [22, с. 69]. В связи с этим нельзя не отметить позицию Э. Ф. Побегайло, согласно которой «уголовная политика любого государства должна основываться на четком и ясном понимании того, каких изменений в состоянии, структуре и динамике преступности можно будет добиться, совершенствуя соответствующие институты и нормы. Иначе нельзя исключить возможности принятия законодателем решений, которые могут осложнить криминологическую обстановку в стране, вызвать рост рецидивной преступности и отрицательно повлиять на состояние общественного порядка» [23, с. 132].

Рассмотрим детально основные тенденции в области криминализации.

1. Согласно Доктрине информационной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, с расширением применения информационных технологий, которые являются фактором совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, возникают и информационные угрозы. Возможности оборота информации все чаще используются для достижения террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей.

В соответствии с указанной Доктриной государство призвано обеспечить реализацию таких важнейших национальных интересов в информационной сфере, как защита конституционных прав и свобод человека и гражданина, поддержка демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, сохранение культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей, функционирование информационной инфраструктуры, развитие информационных технологий и электронной промышленности и др.

Государство также призвано обеспечить и информационную безопасность детей, то есть защиту ребенка от дестабилизирующего воздействия информационной продукции, посредством создания условий информационной среды для позитивной социализации и индивидуализации, оптимального социального, личностного, познавательного и физического развития, сохранения психического и психологического здоровья и благополучия, а также формирования позитивного мировосприятия.

В 2017 г. российскими правоохранительными органами зарегистрировано 90 587 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий.

Нормы об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации включены в гл. 28 УК РФ. В целях обеспечения безопасности объектов критической информационной инфраструктуры, а также сетей электросвязи, используемых для организации взаимодействия таких объектов, УК РФ также в 2017 г. был дополнен ст. 274.1. Помимо этого, в 2017 г. в УК РФ включены ст. 110 «Доведение до самоубийства» (в новой редакции), ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», ст. 151.2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего». Внесение указанных норм направлено на обеспечение безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних посредством создания мер, способствующих предотвращению широкого распространения в сети Интернет негативной информации, побуждающей к совершению самоубийств или иной деструктивной деятельности, самоубийств среди детей и подростков, и борьбы с различными формами содействия суицидам и вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для их жизни.

В 2012 г. в ст. 242 «Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», ст. 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», ст. 242.2 «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов» УК РФ были включены квалифицированные составы преступлений, в которых была установлена ответственность за совершение указанных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Таким образом, компьютеризация российского общества, увеличение числа несовершеннолетних пользователей международной компьютерной сети Интернет привели к необходимости совершенствования российского уголовного законодательства с целью обеспечения не только информационной безопасности детей, но и их жизни и здоровья.

Уголовно-правовой механизм обеспечения безопасности в информационно-коммуникационном пространстве включает в себя и нормы об уголовной ответственности:

– за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. В 2013 г. ст. 137 УК РФ дополнена ч. 3, в которой была установлена ответственность за «незаконное распространение в... информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего 16-летнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий, повлекшее причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия». Это стало одной из убедительных форм защиты права несовершеннолетних на получение информации и

доступ к ней, а также защиты от негативных последствий злоупотреблений иными лицами [24, с. 23–25];

– за преступления в сфере экономики. В 2018 г. исходя из расширения применения информационных технологий в финансовом секторе ч. 3 ст. 158 УК РФ была дополнена п. «г», в котором установлена ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ).

В 2015 г. в связи с тем, что Федеральным законом «О национальной платежной системе» введено определение электронного средства платежа, ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей» в целях усиления уголовной ответственности за преступления, совершаемые в целях хищения денежных средств с использованием высоких технологий в банковской сфере, была изложена в новой редакции. Так, в ч. 1 ст. 187 УК РФ, помимо ответственности за изготовление в целях сбыта и (или) сбыт поддельных платежных карт, была закреплена ответственность за совершение тех же действий в отношении поддельных распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты, а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Таким образом, описанные изменения уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере экономики обусловлены возникновением новых способов совершения противоправных деяний, сопряженных с незаконным использованием международной компьютерной сети Интернет. Процесс информатизации общества породил и новые формы террористической и экстремистской деятельности, следствием чего стало внесение изменений в УК РФ.

В 2016 г. в ч. 2 ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» были внесены изменения в целях создания дополнительных механизмов противодействия террористическим и иным экстремистским проявлениям посредством установления ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, оправдание или пропаганду терроризма, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Кроме того, в 2014 г. ст. 280, 282, 280.1 УК РФ, исходя из задачи противодействия экстремизму в условиях развития технологий обработки и передачи информации, были изменены. Так, в ч. 2 ст. 280 УК РФ была установлена ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет; в ч. 1 ст. 282 УК РФ – за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет; в ч. 2 ст. 280.1 УК РФ – за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

В последние годы участились факты незаконного распространения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также сильнодействующих или ядови-

тых веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ с использованием сети Интернет. В связи с этим в 2012 г. в целях совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» была установлена ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Несмотря на то что в ст. 228.4, 234, 234.1 УК РФ также установлена уголовная ответственность за сбыт прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, либо оборудования для их изготовления или переработки, новых потенциально опасных психоактивных веществ, в данных статьях УК РФ не закреплён квалифицированный состав соответствующего деяния, связанный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Таким образом, вследствие проникновения информационных технологий в различные сферы жизнедеятельности общества в последние годы происходит совершенствование уголовно-правовых механизмов обеспечения безопасности в информационно-коммуникативном пространстве путем установления уголовной ответственности за совершение ранее криминализованных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (квалифицированные составы преступления).

2. В Стратегии национальной безопасности также отмечено, что российская экономика является весьма уязвимой для различного рода угроз, что особенно остро проявляется в условиях существующего режима международных санкций в отношении России, нестабильности на энергетических и сырьевых рынках. Исходя из этого в качестве стратегической цели обеспечения национальной безопасности Российской Федерации было определено повышение конкурентоспособности национальной экономики и закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, а также обеспечение собственной экономической безопасности. В связи с этим противодействие данным угрозам становится важной государственной задачей.

Так, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на 3,4 % сократилось количество преступлений экономической направленности. Всего выявлено 105,1 тыс. преступлений данной категории, их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 5,1 %, материальный ущерб от них – 234,3 млрд рублей.

С 1996 г. в гл. 21 и 22 УК РФ было включено значительное количество норм, в которых установлена ответственность за покушения на экономические отношения. Например, в 2003 г. – ст. 199.1, 199.2 (налоговые преступления); 2012 – ст. 159.1–159.6 (новые виды мошенничества); 2014 – ст. 200.2 (контрабанда алкогольной продукции и табачных изделий); в 2014 г. – ст. 171.3, 171.4 (преступления, связанные с оборотом алкогольной продукции), ст. 199.3, 199.4 (новые составы налоговых преступлений) и др. При этом из данных глав УК РФ исключены лишь 4 статьи: 182 «Заведомо ложная реклама», 200 «Обман потребителей» (2003), 173 «Лжепредпринимательство» (2010), 188 «Контрабанда» (2011). Данную меру нельзя назвать в полной мере декриминализацией в связи с последующей криминализацией незаконного образования юридического лица (ст. 173.1), незаконного использования документов для образования юридического лица (ст. 173.2),

контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1), а также алкогольной продукции и (или) табачных изделий (ст. 200.2).

В большинство статей УК РФ, в которых установлена ответственность за экономические преступления, неоднократно вносились изменения. Уточнялись диспозиции, изменялись в сторону увеличения размеры ущерба и др. Например, из диспозиции ст. 172 УК РФ исключено словосочетание «с нарушением лицензионных требований и условий», в ст. 199 УК РФ увеличен крупный размер.

Таким образом, возможно продолжение работы по корректировке уголовно-правовых норм в целях своевременности ответа на вновь возникающие угрозы экономической безопасности (деофшоризация, коррупция, незащищенность сферы страхования и др.) и согласованности с другими нормами уголовного, гражданского, административного права.

3. Обоснованное внимание законодатель уделяет проблеме противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности. Несмотря на то что доля указанных преступлений в общем количестве совершаемых в России преступлений достаточно невелика [в 2017 г. выявлено 1871 преступление террористического характера (– 16,0 %) и 1521 преступление экстремистской направленности (+ 4,9 %)], их динамика не может не вызывать озабоченность.

Как отмечается в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, каждое из этих преступлений вызывает повышенный общественный резонанс и может дестабилизировать социально-политическую обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

Повышенная степень общественной опасности террористической и экстремистской деятельности послужила основанием установления в 2002 г. уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), а в 2013 г. в УК РФ включены нормы, регламентирующие ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4) и организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5).

Повышенное внимание уделяется также противодействию финансированию терроризма и экстремизма. В 2014 г. УК РФ был дополнен ст. 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности», а в 2017 г. увеличена санкция за финансирование терроризма в рамках ст. 205.1 УК РФ.

Оценивая сложившуюся российскую уголовную политику, нельзя не согласиться с мнением В. Д. Зорькина, что «нестабильность законодательства... неизбежно ведет к нарушению его системности и подрывает ключевой принцип правовой определенности. В период кардинальных перемен исторического масштаба трудно обеспечить надлежащую стабильность правового регулирования. Тем не менее, надо по возможности уходить от метода проб и ошибок, повышать научное обеспечение законотворчества» [25].

Говоря о характере процесса криминализации в настоящий период, следует отметить разнонаправленность, то есть установление уголовной ответственности с последующим изменением данных норм в сторону смягчения. В этом тренде прослеживается идея не только гуманизации и либерализации, но и дифференциации уголовного законодательства, что в целом может быть оценено положительно.

Таким образом, с учетом сложившихся тенденций совершенствование уголовно-политических механизмов обеспечения национальной безопасности должно выстраи-

ваться в едином комплексе мер по обеспечению безопасности с учетом национальных интересов, внутренних и внешних угроз.

Библиографический список

1. Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методические, организационные и правовые основы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 350 с.
2. Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. 2-е изд., перераб. М., 2004. 303 с.
3. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. 176 с.
4. Воронин М. Ю. Уголовная политика: понятие, история возникновения и развития : лекция. М., 2000. 40 с.
5. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел : учебник / под ред. Л. И. Беляевой. М., 2003. 245 с.
6. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. 608 с.
7. Малышева О. А. К вопросу о понятии «уголовная политика» // Российский следователь. 2005. № 9. С. 28–30.
8. Стахов Я. Г. Современная уголовная политика и совершенствование взаимодействия правоохранительных органов субъектов Российской Федерации при ее реализации : монография / под науч. ред. В. П. Ревина. М., 2003. 163 с.
9. Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. 100 с.
10. Наумов А. В. Теоретические вопросы применения уголовно-правовых норм : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1975. 50 с.
11. Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. 36 с.
12. Голубов И. И. Стабильность норм уголовного закона – условие эффективной уголовной политики (на примере главы 31 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Российский следователь. 2012. № 20. С. 19–21.
13. Аминов Д. И., Полищук Д. А. Секреты эффективности уголовно-правовой политики // Российский следователь. 2013. № 18. С. 11–14.
14. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. 366 с.
15. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 46–50.
16. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2018. 280 с.
17. Кашепов В. П. Концепция развития уголовного законодательства // Концепция развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М., 2004. С. 271–299.
18. Милюков С. Ф. Место наказания в системе мер государственного принуждения // Проблемы борьбы с экономической преступностью и наркобизнесом при переходе к рынку : в 2 ч. СПб., 1994. Ч. 2. С. 11–15.
19. Кубов Р. Х. Развитие уголовной политики на современном этапе // Российский следователь. 2009. № 3. С. 16–20.
20. Жалинский А. Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1. С. 21–24.

21. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. 208 с.

22. Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : учеб. пособие. М., 1989. 119 с.

23. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 3. С. 132–135.

24. Дархаева И. В., Иванова Н. В. Ограничение права несовершеннолетних на доступ и получение информации // Законность. 2015. № 12. С. 23–25.

25. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Российская газета. 2014. 18 дек.

УДК 343.847

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.027-032

ВЯЧЕСЛАВ ЕФИМОВИЧ ЮЖАНИН,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: yuzanin@mail.ru;

ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ ГРИГОРЯН,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: vg-83@inbox.ru

О ПОНЯТИИ СОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В РАБОТЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Для цитирования

Южанин, В. Е. О понятии содействия государственных органов и общественности в работе уголовно-исполнительных инспекций / В. Е. Южанин, И. Г. Григорян // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 27–32. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.027-032.

Аннотация. В статье разъясняется понятие содействия, оказываемого уголовно-исполнительным инспекциям Федеральной службы исполнения наказаний, со стороны государственных органов и общественности. В литературе содействие обычно рассматривается как форма взаимодействия или в виде оказания помощи основному субъекту деятельности. Содействие правоохранительных органов уголовно-исполнительным инспекциям происходит в виде взаимодействия, так как они решают единую задачу – борются с преступностью. Однако в некоторых случаях содействие правоохранительных органов уголовно-исполнительным инспекциям может осуществляться в форме оказания им помощи в решении задач, стоящих перед последними. Это будет взаимопомощь, так как она выгодна обоим субъектам. Другие государственные органы и органы местного самоуправления, не входящие в систему правоохранительных органов, оказывают одностороннее содействие уголовно-исполнительным инспекциям в виде помощи. Однако в некоторых случаях такое содействие может обладать признаками взаимопомощи (например, при определении органами местного самоуправления объектов обязательных работ). Субъектом содействия уголовно-исполнительным инспекциям

© Южанин В. Е., Григорян И. Г., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

является общественность, которую представляют внешние по отношению к уголовно-исполнительным инспекциям общности людей в виде физических лиц, общественных объединений, коммерческих организаций. Указанные общественные субъекты оказывают содействие только в форме содействия-помощи (оказание социально-правовой помощи в контроле за поведением осужденных, соблюдении их прав, в трудоустройстве). Их содействие в форме взаимодействия исключается, так как они не связаны с выполнением единых задач в области борьбы с преступностью. В настоящее время содействие общественности в деятельности уголовно-исполнительным инспекциям не урегулировано нормами права, в статье предлагается восполнить этот правовой пробел.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, правоохранительные органы, государственные органы, органы местного самоуправления, содействие, взаимодействие, оказание помощи, исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Статья 23 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) предусматривает оказание содействия общественных объединений в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, а иные нормы – государственных органов (ч. 1 ст. 25, ч. 1 ст. 39 УИК РФ и др.). Определенный в ст. 8 УИК РФ принцип демократизма предполагает участие в исправлении осужденных различных государственных и общественных институтов. В связи с этим особую актуальность представляет использование названных институтов в оказании содействия уголовно-исполнительным инспекциям (УИИ).

При исследовании данного вопроса нас прежде всего интересует само понятие этого содействия, не получившего до сих пор определения в научной литературе, от которого может зависеть определение принципов, форм и способов содействия названных органов и организаций.

В Толковом словаре русского языка термин «содействие» обозначен как «помощь, поддержка в какой-нибудь деятельности» [2, с. 907]. Однако некоторые современные авторы считают содействие формой взаимодействия, способствующей взаимному сохранению, развитию и функционированию двух и более сторон.

Таким образом, содействие рассматривается как самостоятельная форма совместной деятельности, связанная с оказанием помощи основному субъекту деятельности, либо как форма взаимодействия, когда оба субъекта выступают на равных основаниях. Рассмотрим эти две формы содействия применительно к деятельности УИИ.

Анализ научной литературы, затрагивающей проблемы взаимодействия, позволяет сделать вывод о том, что большинство авторов понимают взаимодействие как совместную деятельность субъектов, направленную на достижение общих задач и целей. Типично в таком плане высказывается о взаимодействии А. Г. Упоров, определяя его как объективно необходимую, основанную на законе деятельность субъектов по достижению общих целей, выполнению стоящих перед взаимодействующими сторонами задач [6, с. 29]. Данное определение, по нашему мнению, соответствует такому виду содействия, как кооперация.

Содействие в форме взаимодействия может осуществляться между государственными органами, совместно участвующими в решении задач борьбы с преступностью. К таким органам относятся правоохранительные органы, в структуру которых входят

УИИ. Они, как и иные правоохранительные органы, должны охранять законность, правопорядок, защищать права и свободы граждан, что предопределяет их отнесение к системе этих органов. Перед ними стоит общая задача сдерживать преступность и иные правонарушения путем их предупреждения и пресечения. Так, в соответствии со ст. 1 УИК РФ одной из важнейших задач является предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Часть 3 ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» указывает, что полиция в пределах своих полномочий оказывает содействие федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов РФ, иным государственным органам. Например, участковому инспектору полиции указана конкретная сфера деятельности по выполнению задач, стоящих перед УИИ.

Когда содействие происходит в форме взаимодействия, необходимо различать содействие и сотрудничество. Термины «содействие» и «сотрудничество» похожи по смыслу, однако «содействие» шире и не ограничено рамками сотрудничества. Дело в том, что сотрудничество – это совместная деятельность различных государственных субъектов в процессе исполнения наказаний без изоляции осужденных от общества, оформленное документально. Содействие и сотрудничество в узком смысле понимаются как виды привлечения субъектов к решению задач в борьбе с преступностью [5, с. 5].

Рассмотрим содействие как самостоятельную форму совместной деятельности, связанную с оказанием помощи основному субъекту. В. Ю. Панченко относит к признакам содействия направленность деятельности одного субъекта на поддержку другого. При этом как поддержка может быть обоюдовой, так и получение пользы может быть односторонним при условии отсутствия вреда содействующему субъекту [4, с. 10].

Считаем, что содействие УИИ со стороны правоохранительных органов в смысле оказания им помощи является взаимопомощью, заключающейся в получении взаимной выгоды при решении общегосударственных задач. В свою очередь, оказание содействия со стороны общественности имеет скорее односторонний характер, то есть помощь в работе УИИ не является выполнением совместной задачи субъекта общественного содействия и инспекции и не носит характер взаимопомощи.

Другие государственные органы, а также органы местного самоуправления, не входящие в систему правоохранительных органов, оказывают одностороннее содействие УИИ по исполнению наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и исправлению осужденных. Например, органы местного самоуправления определяют виды обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, оказывая таким образом помощь УИИ.

Совместная деятельность государственных органов с УИИ возможна в двух формах: в виде взаимодействия и содействия – помощи. Взаимодействие реализуется, когда совместная деятельность УИИ с представителями правоохранительных органов направлена на решение общей задачи – борьбу с преступностью и предупреждение правонарушений среди осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Содействие возможно при реализации УИИ своих задач, связанных с исполнением наказаний. В последнем случае содействие реализуется со стороны иных государственных органов, а также органов местного самоуправления. Иначе говоря, содействие государственных органов и организаций УИИ возможно в форме «содействие – взаимопомощь», «содействие – помощь в исполнении задач УИИ».

Выделим основные направления содействия государственных органов УИИ:

– проверка по ведомственным базам данных государственных органов на предмет привлечения осужденных к административной и уголовной ответственности, наличия (отсутствия) исковой задолженности по приговору;

– направление в УИИ характеризующей и иной информации на осужденного, в том числе о нарушениях порядка и условий отбывания наказания;

– проверка по месту жительства, работы, учебы осужденного.

Содействие УИИ в проведении воспитательной работы с осужденными оказывается в направлениях индивидуальных воспитательно-профилактических бесед, групповых воспитательно-профилактических мероприятий.

Социальная помощь лицам, стоящим на учете в УИИ, предполагает оказание содействия в трудоустройстве, восстановлении документов, социально-психологическом сопровождении и др.

Таким образом, оказание содействия государственных органов в работе УИИ – это деятельность лиц, являющихся сотрудниками государственных органов, осуществляемая в пределах установленных государством должностных обязанностей, направленная на совместное решение задач борьбы с преступностью и оказание помощи УИИ в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества.

Помимо государственных органов субъектом содействия УИС является общественность. Принято считать, что понятие «общественность» производно от понятия «общество». В соответствии с Новым словарем русского языка Т. Ф. Ефремовой общественность – это часть общества, принимающая активное участие в его жизни [1, с. 590].

Мы согласны с позицией А. А. Павлова, заключающейся в том, что общественностью является внешняя по отношению к уголовно-исполнительной системе общность людей (физические лица, организации, объединения), как независимая от государства, так и частично зависимая от него, но не имеющая властных полномочий в отношении учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России [3, с. 57].

Нормами УИК РФ установлены правовые основы, которые закрепляют гарантии содействия общественности в работе учреждений и органов, исполняющих наказания. В ч. 2 ст. 9 УИК РФ среди основных средств исправления осужденных указано общественное воздействие. Эта норма послужила основой для закрепления в последующих статьях УИК РФ возможности оказания содействия общественности в работе указанных подразделений. Необходимо отметить, что отдельные инициативные граждане, не являющиеся членами общественных объединений, оказывающие содействие УИИ, те же представители общественности. На наш взгляд, очевидна необходимость законодательного закрепления содействия отдельных граждан в работе УИИ и указанного содействия.

Учитывая изложенное, мы приходим к выводу о том, что оказание содействия общественности в работе УИИ – это деятельность на добровольных началах, осуществляемая как общественными объединениями, так и отдельными лицами, направленная на оказание помощи УИИ в достижении установленных уголовно-исполнительным законодательством целей и задач в сфере исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества.

Что касается форм содействия общественности, то они частично совпадают с формами содействия государственных органов. Например, совместная с сотрудниками УИИ проверка по месту жительства (работы) или учебы подопечных. Формы воспитательной работы также схожи, однако трудовое воспитание могут реализовать только предста-

вители администрации предприятий, на которых работают осужденные. Следует отметить такие формы содействия, как участие в обеспечении свободы совести, оказание правовой и социальной помощи осужденным.

Основными формами содействия общественности являются: участие в контроле за соблюдением осужденными общественного порядка, за исполнением возложенных судом обязанностей и установленных ограничений (совместные проверки по месту жительства, работы или учебы с представителями общественных объединений правоохранительной направленности); участие в проведении воспитательной работы с осужденными (нравственного воспитания в форме проведения индивидуальных бесед с участием родственников, друзей, представителей духовенства и иных лиц, авторитетных для осужденных); трудовое воспитание в форме контроля за соблюдением трудовой дисциплины со стороны администрации предприятий и трудовых коллективов, где работают осужденные; оказание социально-правовой, медицинской и иной помощи осужденным со стороны общественных объединений социальной и медико-реабилитационной направленности; контроль за соблюдением прав человека при исполнении наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества (в форме проверок со стороны общественной наблюдательной комиссии) и пр.

На основании изложенного выделим основные направления содействия общественности в работе УИИ:

- социальная адаптация осужденных (оказание социально-правовой помощи, участие в воспитательной работе с осужденными);
- контроль за соблюдением осужденными порядка и условий отбывания наказания и мер уголовно-правового характера (проведение совместных и индивидуальных мероприятий);
- контроль за соблюдением прав человека при исполнении наказаний и мер уголовно-правового характера со стороны общественных субъектов.

Текущее реформирование УИС, неэффективная или малоэффективная работа различных субъектов общественности не позволили законодателю более детально регламентировать вопросы содействия общественности в работе УИИ, определить основные субъекты содействия, закрепить формы и методы их деятельности. Федеральным законом от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» уделено преимущественное внимание содействию в работе учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Между тем УИИ остались в стороне.

Общественное содействие УИИ нуждается в дополнительной законодательной регламентации и закреплении в межведомственных нормативных актах на федеральном и региональном уровнях, при этом очевидна необходимость исследования аспектов содействия на общетеоретическом и прикладном уровнях, изучения исторического и зарубежного опыта.

Библиографический список

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М., 2000. 1209 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. 944 с.
3. Павлов А. А. Участие общественности в деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе : дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2009. 222 с.

4. Панченко В. Ю. Правоприменение и юридическое содействие реализации прав и законных интересов // Вестник Омского университета. 2014. № 3(40). С. 9–12.

5. Сыпачев А. Ю., Бражников Д. А., Алгазин И. И. Правовые, организационные и тактические основы гласного содействия подразделениям органов внутренних дел. Тюмень, 2012. 68 с.

6. Упоров А. Г. Особенности взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел при исполнении условного осуждения лиц несовершеннолетнего возраста // Вестник Кузбасского института. 2014. № 3(20). С. 24–32.

УДК 340.923:159.923

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.033-039

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА БЕЛЯНСКАЯ,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация,
e-mail: 520877@mail.ru

ПРАВОВАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ИНОСТРАННОГО ЛИЦА К РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Для цитирования

Белянская, О. В. Правовая самоидентификация иностранного лица к российской правовой системе / О. В. Белянская // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 33–39. – 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.033-039.

Аннотация. В статье раскрывается понятие правовой самоидентификации иностранного лица: это процесс восприятия иностранным лицом себя в качестве субъекта российского права, обладающего правовыми свойствами, которые позволяют ему вступать в правовые отношения и определять собственное правовое состояние. Правовая самоидентификация иностранного лица связана с усвоением определенных ролей и моделей поведения, признаваемых правомерными в рамках новой для него правовой системы.

Выделяются три стадии правовой самоидентификации иностранных граждан: правовая адаптация – процесс приспособления иностранного гражданина к новой для него правовой системе и получение им правовой информации, правовых знаний, которые меняют его правопонимание и правосознание;

правовая интеграция – это инклюзия в российскую правовую среду, основанная на сформированном правосознании, высоком уровне правовой культуры, представляет собой двусторонний процесс, полноценное протекание которого возможно исключительно при условии совместных усилий иностранца и принимающего сообщества;

правовая ассимиляция – полное растворение иностранного гражданина в правовом поле принимающего государства, уничтожение каких бы то ни было различий в правовом статусе с гражданами принимающего государства.

Анализ правового регулирования процесса правовой самоидентификации иностранного лица к российской правовой системе показывает, что массив нормативных актов, регулирующих правовой статус иностранного гражданина, выстраивает его взаимоотношения с Российским государством на различных эта-

© Белянская О. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

пах: въезд на территорию государства, участие в правоотношениях на его территории, выезд за границу, получение российского гражданства. Констатируется факт отсутствия в Российской Федерации государственных целевых программ, направленных на правовую интеграцию иностранных граждан, что отрицательно влияет на эффективную реализацию иностранным гражданином своих прав и обязанностей, так как он должен осознавать себя в качестве специфического субъекта права, то есть идентифицировать себя в новой для себя правовой реальности.

Ключевые слова: иностранное лицо, миграция, правовая идентичность, идентификация личности, правовая идентификация, правовая самоидентификация, правовая адаптация, правовая интеграция, правовая ассимиляция.

Необходимость анализа особенностей правовой самоидентификации иностранного лица к российской правовой системе обусловлена формированием открытого геополитического пространства, закономерным результатом которого стала всесторонняя активизация миграционных потоков. Ежегодно тысячи иностранных граждан въезжают на территорию Российской Федерации на различных основаниях.

По данным показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации, за январь – декабрь 2017 г. в Российскую Федерацию прибыло и поставлено на учет 118 606 соотечественников и членов их семей [1]. Для данной категории иностранных лиц необходимость в правовой адаптации жизненно важна и необходима, в отличие от иных категорий иностранных лиц, которые находятся на территории Российской Федерации. Будучи не осведомленными относительно базовых положений российского законодательства и своего места в правовой системе государства, они фактически являются дезориентированными в условиях нового правового поля, что подчас приводит к неблагоприятным последствиям как для самого иммигранта, так и для принимающей стороны.

Адаптационная политика в отношении иностранных лиц связана с общей социальной политикой государства, которая является одним из главных векторов внутренней правовой политики государства, способной обеспечить воспроизведение человеческих ресурсов на фоне демографического кризиса, развивающегося в последние десятилетия в России.

Категория «идентификация» рассматривается в психологии как особый полифункциональный многоуровневый механизм индивидуального развития личности, ее становление, включающее в себя персонализацию и социализацию. Идентификация формируется на двух основных уровнях – бессознательном и сознательном, объект идентификации зависит как от внутренней позиции, так и таких факторов, как возраст, поведенческий, когнитивный и эмоциональный компоненты.

Одним из первых категорию «идентификация» стал использовать австрийский врач-психиатр З. Фрейд для обозначения специфического механизма самозащиты личности, оказавшейся вне пределов «зоны комфорта» [2, с. 47]. Современная психологическая наука выделяет следующие виды самоидентификации личности: гендерная, корпоративная, национальная, религиозная, этническая и др. Одной из самых востребованных в рамках правовых исследований является категория «правовая самоидентификация», которая, пожалуй, меньше всех изучена в российской юридической науке.

Приходится констатировать отсутствие не только разработок в сфере правовой самоидентификации личности, но и стадий ее формирования, а также дефинитивной стороны вопроса. При этом ряд ученых (а с недавнего времени и законодатель) стали затрагивать и использовать данную категорию через призму составляющих ее элементов. Особое внимание уделяется таким явлениям, как правовая идентичность, правовая интеграция и правовая адаптация личности.

Отдельные научные положения, раскрывающие сущность правовой самоидентификации личности, даются через синтезированную категорию правового и социального. Активно развивается учение о правовой идентичности и идентификации. Среди авторов, изучающих вопросы правовой идентичности и идентификации, можно назвать Е. В. Астапову, Ю. Ю. Ветютнева, Н. В. Исаеву, Г. М. Лановую, Е. В. Резникова, А. Г. Хабибулина, И. Л. Честнова.

Е. В. Резников дает следующее определение правовой идентичности: «Это такое состояние человека, когда он не только является членом какой-либо социальной группы, но и придает этому факту достаточно высокую значимость, осознает его как принципиально важное качество собственной личности» [3, с. 14]. Г. М. Лановая под правовой идентификацией понимает «установление тождественности объекта с другими правовыми объектами того же вида или рода» [4, с. 58], то есть косвенно видит в этом процесс.

Мы считаем, что правовая идентификация – это многоуровневый процесс сопоставления индивида с различными явлениями правовой системы (в которой в данный момент он находится), отличными от его внутренних представлений. Ввиду отсутствия официально признанной дефиниции «правовая самоидентификация личности» предлагаем ее следующее определение: это процесс, направленный на отождествление личности себя в качестве полноправного субъекта правовой системы, в рамках которой он функционирует в разнообразных правоотношениях. Хотя некоторые авторы рассматривают правовую самоидентификацию только как статичное явление – это лишь «установление собственной тождественности с другими субъектами, обладающими качественно определенным набором правовых свойств» [4, с. 58].

Что касается правовой самоидентификации иностранного гражданина, то в условиях нахождения в рамках правовой системы Российской Федерации под ней следует понимать процесс восприятия иностранным лицом себя в качестве субъекта российского права, обладающего правовыми свойствами, которые позволяют ему вступать в правовые отношения и определять собственное правовое состояние. Важно отметить, что правовая самоидентификация по аналогии с личностной самоидентификацией связана с усвоением определенных ролей и моделей поведения, признаваемых правомерными в рамках новой для нее правовой системы.

Правовая самоидентификация в условиях нового правового пространства – процесс, временные рамки которого зависят от личностных особенностей иностранного гражданина, уровня правовой культуры и наличия схожих черт национальных правовых систем государств гражданской принадлежности иностранного лица и принимающей стороны. По нашему мнению, следует выделять три стадии правовой самоидентификации иностранных граждан: правовая адаптация, правовая интеграция и правовая ассимиляция личности. Данные стадии согласуются с положениями Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 г., в которой отмечается, что «важными элементами политики в сфере миграции являются создание условий для адаптации и

интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, а также обеспечение социальной защищенности».

Правовая адаптация иностранного лица в условиях российского правового поля является первичной стадией процесса правовой самоидентификации. Под правовой адаптацией иностранного гражданина следует понимать процесс его приспособления к новой для него правовой системе и получение им правовой информации, правовых знаний, которые меняют его правопонимание и правосознание. Впоследствии они должны быть трансформированы, по мнению А. В. Саргаева, «в правовые убеждения, привычки правомерного поведения, а также готовность действовать, руководствуясь этими правовыми знаниями и убеждениями, то есть поступать правомерно – в соответствии с законом: использовать свои права, исполнять обязанности, соблюдать запреты, а также уметь отстаивать свои права в случае их нарушения» [5, с. 136].

Адаптация – процесс в большей степени психологический, заключающийся в формировании правосознания личности. Однако для полноценной жизни в обществе идеи правомерного поведения должны найти свое реальное воплощение, перейти из сферы должного в сферу сущего.

Закономерным результатом сформированного представления о правомерном поведении, основах политико-культурных традиций принимающего общества, а также повышения уровня правовой культуры становится стремление лица влиться в сообщество для реализации своих прав, адресуемых национальным законодателем. Осознание принятых в социуме социально-правовых ролей – одна из предпосылок для отождествления себя в качестве одного из субъектов правовой системы. В том случае, если иностранный гражданин не только осознает базовые элементы правовой системы, но и стремится к активному взаимодействию с ними, следует говорить о качественно новом уровне правовой самоидентификации, то есть об интеграции гражданина иностранного государства в российскую правовую систему. Это вторая ступень правовой самоидентификации.

В социологической науке высказывается точка зрения, что «общественные науки применяют термин «социальная интеграция», под которым понимается процесс превращения относительно самостоятельных, слабо связанных между собой объектов (людей, социальных групп (диаспор), государств) в единую, целостную систему, характеризующуюся согласованностью и взаимозависимостью ее частей на основе общих целей и интересов» [6, с. 743]. Однако эта трактовка социальной интеграции не позволяет дать аналогичное толкование правовой интеграции иностранного гражданина. Причиной тому служит рассмотрение социальной интеграции как синтеза разрозненных политико-правовых явлений в цельную систему. Иностранец включается в существующее правовое поле, обладающее спецификой. Новая правовая система при этом не создается. Она лишь обогащается еще одним субъектом, функционирующим в ее рамках.

С учетом изложенного наиболее оправданным представляется определение правовой интеграции иностранного гражданина как инклюзии в российскую правовую среду, основанную на сформированном правосознании, высоком уровне правовой культуры.

Правовая интеграция иностранного гражданина – это двусторонний процесс, полноценное протекание которого возможно исключительно при условии совместных усилий иностранца и принимающего сообщества. В ряде западных стран способствование интеграции мигрантов реализуется при помощи программно-целевого метода. Так, в Канаде существует федеральная программа адаптации и натурализации Immigrant

settlement and adaptation program (ISAP), предназначенная для содействия новоприбывшим иммигрантам. Правовая интеграция не является приоритетным направлением для ISAP, однако комплексная инклюзия в любое урегулированное нормами права общество невозможна [7].

Относительно Российской Федерации приходится констатировать факт едва ли не полного отсутствия государственных целевых программ, направленных на правовую интеграцию иностранных граждан, да и вообще на какую-либо интеграцию таковых. Исключением является Программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 2012 г. № 1289), однако и она по факту не затрагивает вопросов, связанных с правовой интеграцией иностранных граждан. Другим существенным недостатком действующей интеграционной политики является то, что ее положения носят характер рекомендаций. Это отличает ее от программ многих европейских стран, где участие в данных программах является обязательным для многих категорий лиц, въезжающих в страну.

При реализации государственных целевых программ, направленных на содействие правовой интеграции, важно учитывать, что различные категории иностранных граждан в разной степени нуждаются в интеграции. Если для одних лиц достаточно проведения только базовых адаптивных мероприятий, то для других – необходимо оказание содействия, направленного на интеграцию, в полном объеме. На основании этого можно сделать вывод о том, что миграционная политика любого государства должна строиться с учетом необходимости дифференциации по отношению к различным группам иностранцев (трудовые мигранты, иммигранты, репатрианты и др.) и базироваться на ясных и прозрачных процедурах, которые в Российской Федерации часто носят декларативный характер.

Заключительной стадией процесса правовой самоидентификации иностранного гражданина в новой правовой системе является правовая ассимиляция – полное растворение иностранного гражданина в правовом поле принимающего государства, уничтожение каких бы то ни было различий в правовом статусе с гражданами принимающего государства. Ассимилировать иностранного гражданина, считает В. В. Бубликов, «значит фактически отменить его культурную идентичность. Жесткую политику по ассимиляции иммигрантов, получившую название «плавильного тигля», в 1960 гг. проводили США. Ее основными постулатами являлись аккультурация (в том числе правовая) иммигрантов на основе англо-протестантской культуры и принятия ими ценностей американской политической системы» [8, с. 40].

Использование методов правовой ассимиляции приемлемо для унитарных стран моноэтнического толка, население которых имеет общую культуру, традиции, религиозные воззрения, что, как известно, является предпосылками национального правообразования. Иностранец, имеющий намерение остаться на территории такого государства на длительный срок, находится в условиях единого историко-правового пространства, часто общепризнанной, хотя и официально не закреплённой идеологии. Функционируя в рамках единого общества, он с течением времени проходит описанные выше стадии: правовую адаптацию и правовую интеграцию. Закономерным шагом для него является дальнейшее ассимилирование в правовую среду. При этом происходит отречение от тех правовых норм, которым лицо подчинялось, находясь на территории государства гражданской принадлежности. Запрещенное становится дозволенным.

Типичным примером правовой ассимиляции является то, как легко иностранные граждане ассимилируются в правовой системе Нидерландов, разрешающих то, что во многих странах влечет за собой возложение административной и уголовной ответственности.

Во многих странах мира, в том числе в России, использование ассимиляционной модели, на наш взгляд, не представляется возможным в связи с многонациональностью и поликонфессиональностью населения. Отсутствие единых историко-культурных традиций, традиций правового регулирования общественных отношений в различных регионах страны становится существенным препятствием для создания единого правового поля, в котором и может быть ассимилирован иностранный гражданин. Полная правовая ассимиляция сегодня невозможна и для граждан России. Например, в соответствии с Федеральным законом «Об образовании» были установлены минимальные требования к школьной форме, которая должна соответствовать светскому характеру государства и принятым в обществе нормам делового стиля, что вызвало протест среди населения, исповедующего ислам. Правовые нормы вступили в противоречие с культурно-религиозными традициями определенной части граждан России. В связи с этим преждевременно говорить о возможности ассимиляции иностранных граждан в единое правовое поле Российской Федерации.

Самоидентификация иностранного гражданина в новом правовом пространстве – сложный процесс, требующий интеллектуальных и финансовых затрат со стороны как иностранного лица, так и принимающего его общества. Однако для гармоничного развития государства, укрепления его позиций на международной арене проведение процедур по самоидентификации необходимо, а значит, вопрос о реформировании государственной миграционной политики остается открытым.

В настоящее время в Российской Федерации сложился массив нормативных актов, регулирующих правовой статус иностранного гражданина и его взаимоотношения с Российским государством на различных этапах: въезд на территорию государства, участие в правоотношениях на его территории, выезд за границу, получение российского гражданства. Однако для полной реализации своих прав и обязанностей иностранный гражданин должен осознать себя в качестве специфического субъекта права, то есть идентифицировать себя в новой для себя правовой реальности. При этом с иностранным лицом происходит правовая самоидентификация – процесс, заключающийся в таких стадиях, как интеграция, адаптация и ассимиляция, каждая из которых предполагает наличие определенного уровня правовых знаний и умений.

Библиографический список

1. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 г. URL : <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162186> (дата обращения: 02.07.2018).
2. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 2013. 137 с.
3. Резников Е. В. Понятие правовой идентичности // Право и современные государства. 2014. № 1. С. 9–14.
4. Лановая Г. М. Правовая идентификация и правовая самоидентификация: содержание понятий // Международный журнал конституционного и государственного права. 2016. № 2. С. 57–60.

5. Саргаев А. В. Правовая адаптация иностранных граждан в Российской Федерации: проблемы и меры по их разрешению // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 14. С. 135–140.

6. Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. Минск, 2003. 1312 с.

7. Иммиграционная служба Канады. URL : <http://www.canadaru.ca> (дата обращения: 30.06.2018).

8. Бубликов В. В. Ассимиляция или мультикультурализм – опыт зарубежных стран по интеграции иммигрантов // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 38–41.

УДК 364.048.6 (73+71)

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.040-046

ИРИНА МИХАЙЛОВНА РЕЖАПОВА,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических
и естественнонаучных дисциплин,

Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Российская Федерация,
e-mail: rezhira4@mail.ru;

ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА ЗАБОРОВСКАЯ,

преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Российская Федерация,
e-mail: dum333@bk.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ С ЦЕЛЬЮ ИХ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ)

Для цитирования

Режапова, И. М. Зарубежный опыт работы с заключенными с целью их дальнейшей ресоциализации (на примере законодательства Соединенных Штатов Америки и Канады) / И. М. Режапова, Ю. М. Заборовская // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 40–46. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.040-046.

Аннотация. Рецидивная преступность наносит ущерб обществу и государству. Лица, совершившие повторные преступления, не достигли цели исправления во время отбывания наказания в местах лишения свободы в первый раз. Для совершенствования организации профилактики преступлений необходимо, во-первых, изучать зарубежную практику и опыт борьбы с повторной преступностью, во-вторых, больше внимания уделять личности преступников, сложившейся ситуации после освобождения, их поведению и потребностям.

В статье рассматривается зарубежный опыт работы с заключенными (на примере Соединенных Штатов Америки и Канады), направленной на их социальную адаптацию и предупреждение пенитенциарной преступности. Предполагается, что изучение иностранного опыта может быть использовано при разработке и совершенствовании отечественного законодательства, что позволит снизить процент рецидивной преступности в России.

Дается подробное описание американской программы The Minnesota's Challenge Incarceration Program (CIP) («Вызов лишению свободы»). В результате ее проведения снизились показатели рецидивной преступности участников программы по

© Режапова И. М., Заборовская Ю. М., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

сравнению с участниками контрольной группы, в отношении которых профилактические меры не проводились. Рассматривается положительный опыт Канады по реинтеграции бывших осужденных в общество. На основании проведенного анализа зарубежного законодательства Соединенных Штатов Америки и Канады делаются следующие выводы:

с целью борьбы с преступностью и снижения рецидива преступлений необходимо на государственном и местном уровне принимать программы, направленные на ресоциализацию осужденных, освободившихся из мест заключения;

разработчики зарубежных программ стремятся к объединению усилий всех членов общества, реализации принципов гуманизма и системного подхода;

изучение зарубежного положительного опыта в области социальной адаптации заключенных может стимулировать поиск и разработку новых, нестандартных схем профилактики, ориентированных на российское общество, а также способствовать созданию универсальной схемы работы предупреждения рецидивной преступности.

Ключевые слова: рецидивная преступность, социальная адаптация, заключенные, программы предупреждения преступлений, ресоциализация, профилактика преступности, государственные программы реинтеграции, преступность в Соединенных Штатах Америки, преступность в Канаде, исправление осужденных.

Одной из основных целей уголовно-исполнительной политики является сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы (Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р).

В настоящее время, несмотря на необходимое финансирование государством мероприятий по предупреждению рецидивной преступности, в России продолжается рост этого негативного явления. Очевидно, что проблема заключается не в нехватке финансирования, а в том, что в нынешнем виде уголовно-исполнительная система недостаточно эффективно выполняет свою основную функцию по исправлению преступников и обеспечению их подготовки к дальнейшей нормальной жизни в обществе [3].

В условиях реформирования пенитенциарной системы Российской Федерации большой интерес может представлять зарубежный опыт работы с правонарушителями в плане их социальной адаптации и предупреждения рецидивной преступности [1].

Изучение иностранного опыта может привести к изменению российского законодательства в будущем, что позволит снизить процент рецидивной преступности в России за счет улучшения условий содержания, социальной работы с осужденными, получения дополнительного образования, то есть будет способствовать реализации основной цели уголовной политики – исправлению осужденных и их дальнейшей ресоциализации (возвращению в общество полноценного гражданина) [2, с. 2].

Для США, удерживающих лидирующие позиции по количеству заключенных в мире, вопрос реинтеграции бывших заключенных в общество в настоящее время особенно актуален. В некоторых штатах действуют специальные организации, помогающие бывшим заключенным найти работу, обучающие их различным полезным навыкам и обеспечивающие им всестороннюю поддержку.

Организация JUST of Dupage в штате Иллинойс или Exodus Transitional Community, находящаяся в Нью-Йорке, являются некоммерческими организациями, созданными по инициативе бывших заключенных, цель деятельности которых состоит в оказании различной помощи лицам, только что освободившимся из мест заключения, с целью их социальной адаптации и отказа от совершения повторного преступления, в том числе оказания духовной, материальной и информационной помощи. Деятельность данных организаций основана на волонтерском движении и финансируется за счет государственных грантов, пожертвований, помощи церкви [6].

Организация JUST финансируется за счет средств правительственных грантов данного округа, частных фондов, церквей, частных лиц и имеет офисы в окружных тюрьмах. Для осуществления своей деятельности организация JUST содержит штат из четырех сотрудников и более ста волонтеров [6].

На федеральном и местном уровнях в США реализуются программы предупреждения преступлений. Одной из них, показавшей достаточно высокий процент эффективности в вопросе снижения уровня рецидивной преступности, является программа The Minnesota's Challenge Incarceration Program (CIP) («Вызов лишению свободы»), которая реализуется в США в отношении лиц, осужденных за ненасильственные преступления и преступления против собственности [4]. Основная цель этой программы – изменение отношения заключенного к своему предназначению в обществе с целью снижения рецидивной преступности и затрат на тюремное заключение. Программа рассчитана на полтора года и прохождение трех этапов. На первом этапе участников программы помещают в своеобразный военный лагерь (bootcamp), в условия полной загруженности разнообразной деятельностью в течение 16 часов в день, где они живут в соответствии со строгим расписанием. Этот график основан на сочетании постоянных физических нагрузок, строевой подготовки, посещения учебных занятий и психологической реабилитации. Мероприятия первого этапа включают в себя также работу, выполняемую вручную, развитие когнитивных навыков, отработку определенных навыков и умений, участие в программе восстановительного правосудия, терапию наркозависимости и планирование переходного периода. В зависимости от того, как заключенный справляется с нагрузками и подчиняется строгой дисциплине, он будет помещен в определенную рабочую группу. Следует отметить, что участник должен пройти медицинское обследование на предмет возможности участия в чрезмерных физических нагрузках.

Вторая и третья фазы называются «общественные этапы». На втором этапе участники выходят из исправительного учреждения, но продолжают находиться под постоянным усиленным наблюдением – intensive supervised release (ISR). Участникам программы оказывается всесторонняя поддержка в поиске работы. На этой стадии осужденный должен ежедневно поддерживать контакт лицом к лицу со своим куратором, иметь полную рабочую занятость, соблюдать комендантский час, проходить внеплановую проверку на употребление наркотиков и алкоголя, выполнять общественно значимые работы и в то же время продолжать участвовать в программе.

Окончательный этап – третья фаза. На этом этапе осужденный находится также под усиленным наблюдением и выполняет свою работу в режиме полной занятости. Он продолжает трудиться на благо общества и участвовать в программе. Если участник прошел третий этап, считается, что он закончил участие в программе The Minnesota's Challenge Incarceration Program (CIP). До конца своего срока теперь уже бывшие заключенные находятся на свободе под наблюдением. Те осужденные, которым не удалось

пройти все три этапа программы, направляются снова в исправительное учреждение с увеличенным сроком.

Немаловажным моментом является тот факт, что участие в программе имеет ограничения. Не могут участвовать в программе следующие лица:

- осужденные за преднамеренное убийство, убийство по неосторожности, сексуальные преступления, разбой, похищения людей, ограбления, поджог и любые другие преступления, повлекшие смерть или причинение тяжких телесных повреждений;
- осужденные за побег из исправительного учреждения за последние пять лет;
- не получившие приговор суда;
- некоторые другие категории.

К участию в программе допускаются лица:

- у которых не более 60 месяцев и не менее 13 месяцев до освобождения;
- отбывающие срок только за одно преступление и не имеющие других приговоров;
- отбывающие срок за очередное преступление, но отбывшие срок за это преступление ко времени начала второго этапа программы;
- в настоящее время не ожидающие приговора суда.

Если все требования соблюдены, осужденный подает заявление на участие в программе через своего куратора.

По итогам участия в программе The Minnesota's Challenge Incarceration Program в 2006 г. было проведено исследование и озвучена оценка результатов. Разработчиками программы (Duweand Kerschner) были проведены сравнения уровня рецидива преступлений, совершенных участниками программы The Minnesota's Challenge Incarceration Program (CIP), с уровнем рецидива контрольной группы. Изучались участники программы с октября 1992 по июнь 2002 года независимо от того, завершили ли они все три этапа или нет.

Было доказано, что рецидив уголовных преступлений снизился на 32 %. Срок до повторного ареста и возвращения в исправительное учреждение за совершение нового преступления был сокращен на 35 %. Участники программы CIP совершали меньше преступлений против личности по сравнению с участниками контрольной группы.

Кроме того, благодаря участию в программе CIP и условно-досрочному освобождению расходы на содержание одного заключенного были снижены на 4600 долларов ежегодно. С 1993 по 2002 год благодаря программе государство сэкономило 18,1 млн долларов [4].

В настоящее время Департамент исправительных учреждений Миннесоты разрабатывает новые формы работы, способствующие изменению криминального поведения заключенных и сокращению рецидивной преступности. К одной из таких форм работы относятся «Основные практики исправления» (Core Correctional Practices) [7], на разработку которых Департамент получил федеральный грант и которые, как они считают, позволяют вести диалог с американскими законодателями и политиками по вопросу подготовки заключенных к возвращению в общество.

Эти практики основаны на сочетании методов, которые сотрудники исправительных учреждений могут использовать для эффективного взаимодействия с осужденными и управления их поведением, в частности методы моделирования антикриминального поведения, эффективного неодобрения поведения и использования своего авторитета, владения техникой беседы, направленной на повышение мотивации, техники решения проблем и др.

Департамент исправительных учреждений Миннесоты постоянно сотрудничает с научно-исследовательским институтом Цинциннати, который помогает в теоретической

разработке этих практик [7]. Целью этого проекта Департамент считает обучение свыше 500 сотрудников исправительных учреждений Миннесоты возможности использовать «Основные практики исправления» в своей работе.

Одной из причин высокого уровня рецидивной преступности в США аналитики называют низкие шансы найти работу после освобождения. Кандидата на работу отклоняют, как только обнаруживают пункт о наличии судимости. Однако этот пункт в анкете не уточняет тип совершенного преступления и его степень тяжести. Некоторые активисты тюремных реформ в США призывают потенциальных работодателей исключить этот пункт из анкеты для лучшей адаптации в обществе освобожденных из мест лишения свободы и снижения рецидива преступления в стране. «Должна быть создана такая система, при которой бывшие заключенные, обладающие высокой профессиональной квалификацией, не будут автоматически терять возможность найти работу» [8].

Американские сенаторы К. Букер и Р. Пол призывают к принятию в США так называемого Закона об искуплении вины с широкой двусторонней поддержкой (the REDEEM Act with Broad Bipartisan Support) [8]. Главным положением этого законопроекта должно стать создание механизма, позволяющего «запечатывать», то есть скрывать информацию о совершенных лицом преступлениях [8].

Это позволило бы устранить барьеры, которые препятствуют квалифицированным людям получить стабильную работу, чтобы поддерживать себя, свои семьи и с помощью своих умений и энергии вносить вклад в развитие общества и экономики страны, а также помогло бы «миллионам американцев с криминальным прошлым найти работу и стать полезными, законопослушными членами общества» [8]. Подобная мера способствовала бы более успешной адаптации освобожденных из исправительных учреждений в условиях свободы.

Кроме того, указанный законопроект предполагает запретить содержание в тюрьме лиц, совершивших ненасильственные преступления; не допускать рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними лицами, судами для взрослых; не допускать разглашения информации о совершении ненасильственных преступлений лицами моложе 15 лет; постоянно работать над созданием всесторонних программ для возвращения бывших осужденных в общество. Политики также лоббируют принятие закона – Акта о милосердии – о запрете на содержание подростков в одиночном заключении в федеральных тюрьмах [8].

Представители Сената предлагают вкладывать федеральные средства только в те программы, которые действительно эффективны. Некоторые компании, исправительные учреждения, власти штатов подключились к инициативе, предлагая программы, способствующие адаптации бывших заключенных к жизни в обществе. Так, социально ориентированные сотрудники технологических компаний из Кремниевой долины запустили программу под названием «Код 7370» в ближайшей тюрьме Сан-Квентин, где осужденные имеют возможность получить образование и стать специалистами в области программирования после освобождения. В округе Монтгомери (штат Мериленд) открылся профессионально ориентированный и обучающий центр в тюрьме.

В Федеральном исправительном учреждении Эль Рено в Оклахоме изолированным от общества предоставляется возможность получения высшего образования уровня колледжа и обучения какой-либо специальности [8].

Одной из стран, где принцип адаптации бывших осужденных к жизни в обществе реализуется на практике, является Канада. Исправительной службой Канады разра-

ботана целая система мер и программ для возвращения правонарушителей в общество и снижения уровня рецидивной преступности. Стратегия Исправительной службы Канады включает в себя следующие элементы: как только приговор вынесен, процесс всесторонней оценки уровня риска, представляемого нарушителем, и его потребностей определяет уровень безопасности учреждения, в которое он должен быть помещен. Эта оценка используется, чтобы определить факторы, побудившие правонарушителя совершить преступление, риск, который он представляет, и его потребности в условиях исправительного учреждения. Чтобы получить наиболее точную оценку правонарушителя, Исправительная служба Канады использует информацию от полиции, суда, членов семьи правонарушителя, его работодателей, психологов и иногда даже жертвы преступления [9].

На основании собранной и проанализированной информации Исправительная служба разрабатывает индивидуальный план по исправлению правонарушителя с участием в программах и посещением мероприятий по реабилитации. Целью этих программ является изменение отношения к жизни и преодоление проблем, приведших к тюремному заключению. Так, если лицо имело проблемы с наркотиками, его план по исправлению будет разработан таким образом, чтобы избавиться от наркотической зависимости. Если проблемой являлась склонность к насилию, предполагается исправление психологических особенностей и замена насильственного поведения положительными реакциями. Участие в этих программах для правонарушителя является обязательным, поскольку, как показали исследования, они помогают вернуть освобожденных из мест лишения свободы в общество в качестве законопослушных и полезных граждан. Такой план по исправлению регулярно пересматривается, чтобы оценить успехи и, если необходимо, рекомендовать какие-то изменения.

Таким образом, главным направлением работы Исправительной службы Канады является реинтеграция. Высокоразвитый, хорошо структурированный процесс условно-досрочного освобождения был разработан, чтобы осуществить переход осужденного от исправительной среды к нормальной жизни в обществе [9].

В целом рассмотренные формы и методы зарубежного опыта работы с заключенными с целью их ресоциализации и реинтеграции в общество позволяют сделать вывод о том, что разработчики данных программ стремятся к объединению усилий всех членов общества, к реализации принципов гуманизма и системного подхода.

Изучение зарубежного положительного опыта в области социальной адаптации заключенных может стимулировать поиск и разработку новых, нестандартных схем профилактики рецидивной преступности, ориентированных на российское общество.

В настоящее время в Российской Федерации пока не принят федеральный закон «О социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и контроле над ними», необходимость в котором назрела уже давно [3].

Библиографический список

1. Воробьев Ю. А. Национальные особенности процесса ресоциализации осужденных в уголовно-исполнительной системе Германии на современном этапе // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26(1–4), № 3. С. 285–289.
2. Гачава М. Л. Гуманизация отбывания наказаний как основное условие обеспечения правового положения осужденных в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 5. С. 2–4.

3. Решетникова А. И., Васильева Т. В. Проблемы законодательного регулирования социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2016. № 2. С. 32–35.

4. *An Outcome Evaluation of the Challenge Incarceration Program – October 2006 (Minnesota DOC Study)* 2017, viewed 11 November 2018, https://mn.gov/doc/assets/Challenge%20Incarceration%20Program-Aug2017_tcm1089-308975.pdf.

5. 'Cory Booker, Rand Paul push to overhaul criminal justice system' n. d., *New Jersey Politics*, viewed 11 November 2018, https://www.nj.com/politics/index.ssf/2015/03/booker_and_paul_re-introduce_legislation_to_overha.html.

6. *Just of Do Page* n. d., viewed 11 November 2018, <http://www.justofdopage.org/financial.html>.

7. *Minnesota Department of Corrections* 2017, viewed 11 November 2018, <https://content.govdelivery.com/accounts/MNCORR/bulletins/16cfd41>.

8. Nicholson, L 2015, 'Prison reforms attempt to tackle high recidivism rate, get former convicts hired', *Russia Today*, viewed 11 November 2018. URL : <https://www.rt.com/usa/312504-prison-reforms-recidivism-hiring>.

9. 'Reintegration of Ex-Convicts into Canadian Society' 2017, *Schoolworkhelper*, viewed 11 November 2018, <https://schoolworkhelper.net/reintegration-of-ex-convicts-into-canadian-society>.

УДК 343.13:347.9

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.047-051

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАБИЧЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация,
e-mail: babichev-lavd@inbox.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: К РАСШИРЕНИЮ ГРАНИЦ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Для цитирования

Бабичев, Д. А. Прокурорский надзор в сфере оперативно-розыскной деятельности: к расширению границ правоприменения / Д. А. Бабичев // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 47–51. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.047-051.

Аннотация. В статье рассматриваются установленные законодателем положения о пределах прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности, в частности, проводится критический анализ нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которой сведения о лицах, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с их письменного согласия, за исключением случаев, требующих привлечения таких лиц к уголовной ответственности. Указывается, что в оперативно-розыскной практике имеют место факты, когда лица, оказывающие содействие, из-за личной заинтересованности искажают мотивы и обстоятельства преступления, в ложном свете представляют роль в его совершении разрабатываемых лиц. Это приводит к проведению нецелесообразных оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий и экспертиз, влечет за собой бесполезную трату времени, сил и средств, а иногда и нераскрытие преступления. В связи с этим предлагается расширить права уполномоченных прокуроров в части требования сведений о личности конфидендента без его согласия при объективной на то необходимости.

Ключевые слова: прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное решение, оперативно-розыскная практика, законность, конфидендент, негласное сотрудничество, оперативно-розыскное мероприятие, информация, преступление.

© Бабичев Д. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Право при всей исторической предопределенности является основанной на имеющемся представлении о наблюдаемой действительности доктриной момента, результатом формально признанной договоренности о формах рационального сосуществования людей в обществе [1, с. 126]. Действующее законодательство России – результат серьезных исследований на протяжении многих лет. При его применении неизменно остается постулат о том, что критерием истины является практика. Данный постулат полностью применим к действующему или любому проектируемому законодательству. Подтверждением тому является динамика внесенных изменений и дополнений в федеральные законы «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О прокуратуре Российской Федерации».

В данном ракурсе представляется необходимым проанализировать нормативные предписания, регламентирующие пределы прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Такого рода исследования проводили К. К. Горяинов, С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко, А. Ф. Козусев, В. Ф. Луговик, С. М. Лугович, А. Г. Маркушин, В. С. Овчинский, И. Т. Махмудов, В. М. Пашин, И. Л. Петрухин, Б. Г. Розовский, В. П. Сальников, Г. К. Синилов, А. Г. Халиулин и др. К сожалению, единой концепции, направленной на совершенствование надзорной деятельности уполномоченных прокуроров в указанном аспекте, так и не было выработано. Наиболее дискуссионным остается подход к применению положений ч. 3 ст. 21 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которому сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности. От оценки предписаний данной нормы зависит общий потенциал результативности практики прокурорского надзора в оперативно-розыском процессе.

Институт конфиденциального сотрудничества, пройдя путь развития от глубоко секретного агентурного метода [2, с. 124] до действенного инструмента сопровождения оперативно-розыскных и процессуальных мероприятий, играет одну из ведущих ролей в предупреждении и раскрытии преступлений. В силу своей специфики он находится вне пределов прокурорского надзора. При этом данный институт неминуемо с таким надзором соприкасается, попадает в поле зрения уполномоченных прокуроров, поскольку лежит в основе принятия множества оперативно-розыскных решений, обогащает уголовно-процессуальное расследование сведениями доказательственного характера.

Право граждан участвовать в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий с сохранением конфиденциальности закреплено на законодательном уровне (ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»). По своей логической основе информация, полученная в процессе проведения оперативно-розыскного мероприятия, имеет ту же природу, что и показания свидетелей. А оценка объективности показаний свидетеля во многом зависит от уяснения его личности: психического и физического здоровья, способности правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить полученную информацию, от устойчивости к внешним негативным воздействиям. Оценка же свидетеля по этим параметрам обычно возникает при несоответствии его показаний общей картине совершенного преступления. Она необходима и тогда, когда показания свидетеля являются единственным источником путей поиска неустановленного преступника, так как ошибка в определении направления расследования может привести к нераскрытию преступления.

В полной мере изложенное относится к оценке информации, полученной от негласного источника, если эти сведения принимаются за ключ к дальнейшему расследованию. В силу этого в определенных случаях правоприменительной практики требуется анализ личности конфиденнта. Следовательно, нуждаются в пересмотре и установленные законодателем предписания, ограничивающие представление уполномоченным прокурорам сведений о лицах, оказывающих содействие, двумя условиями: письменным согласием таких лиц либо совершением ими преступления.

Например, конфиденнт А. в деталях предоставил оперативному работнику сведения о подготовке и совершении убийства неким М. гражданина Т. Полученная информация в некоторой части нашла подтверждение. Действительно М. по данным контроля телефона находился в месте, где позднее обнаружен труп Т. В самом деле, между М. и Т. были сложные отношения. Однако у М. не было найдено орудие преступления, не обнаружены его отпечатки пальцев, отсутствовали на нем и его вещах следы крови. При этом в прокуратуре незадолго до убийства рассматривались материалы конфликта между М. и его партнерами (в том числе конфиденциальным источником информации А.) из-за распределения прибыли в совместной бизнес-структуре. Позднее А. отказывался давать показания, быть свидетелем. В такой ситуации у прокурора объективно возникли сомнения в причастности М. к убийству Т., а также в достаточном количестве версий совершения преступления, определении круга подозреваемых лиц, верности заданных направлений раскрытия преступления. В ходе расследования выяснилось, что убил Т. именно А., который для направления следствия по ложному пути предложил себя в качестве конфиденнта.

Случай отнюдь не единичный. В оперативно-розыскной практике имеют место факты, когда лица, оказывающие содействие оперативно-розыскным органам на конфиденциальной основе, из-за личной заинтересованности искажают мотивы и обстоятельства преступления, в ложном свете представляют роль в его совершении разрабатываемых лиц. Закономерно, что это негативно влияет на квалификацию содеянного, приводит к проведению нецелесообразных оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий и экспертиз, влечет за собой бесполезную трату времени, сил и средств. В связи с этим конструктивной видится позиция законодателя, который запрещает конфиденнтам предоставлять оперативно-розыскным органам заведомо ложную информацию (ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»). В закрепленном правоограничении прослеживается стремление пресечь вероятные оговоры и близкие с ними формы недобросовестного отношения к своим обязанностям, упредить неэффективную работу органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В то же время указанное нормативное предписание остается недоработанным, имеет больше рамочный характер, поскольку не содержит четкой привязки к механизмам реализации юридической ответственности.

В открытых источниках отмечается, что предоставление заведомо ложной информации агентом является разновидностью фальсификации информации. В данном случае заведомая ложность сведений означает следующее: агент сознает, что сообщает оперативнику информацию, которая полностью или частично не соответствует действительности, предвидит, что своим сообщением вводит в заблуждение оперативно-розыскной орган (оперативника), и желает таким образом ввести его в заблуждение. Сообщение агентом оперативнику информации (в любой форме), в которой изложены заведомо ложные сведения о совершении кем-либо преступления, следует квалифицировать как заведомо ложный донос, а лицо, совершившее это преступление, подлежит уголовной ответственности (ст. 306 УК

РФ). Кроме того, если агент, участвуя в осуществлении оперативно-розыскного мероприятия, мог получить достоверные сведения о готовящемся или совершенном преступлении, однако по той или иной причине умышленно скрыл их от оперативника, поведение агента может послужить основанием не только для прекращения с ним сотрудничества, но и для привлечения его при определенных обстоятельствах к уголовной ответственности по ст. 316 УК РФ за укрывательство преступления [3].

В контексте приведенных доводов и рассуждений нам импонирует позиция авторов, согласно которой содействие лиц должно соответствовать практической целесообразности, поэтому принципиально важно, чтобы оперативно-розыскные органы решали стоящие перед ними задачи, предусмотренные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», при помощи содействующих им лиц, а не наоборот [4, с. 221]. Такой подход удачно ставит акценты на роли конфиденентов в борьбе с преступностью, коррелирует с их представлениями о законности оперативно-розыскной деятельности, соблюдение которой охватывается прокурорским надзором.

Следует отметить, что в западных странах организация прокурорского надзора за использованием секретных агентов в системе противодействия преступности имеют как схожий, так и диаметрально противоположный характер. Например, в Великобритании полицейский организует работу с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие, по личному усмотрению и не отчитывается ни перед кем об их использовании. Возможность независимого планирования, организации работы и самостоятельного использования конфиденентов при проведении оперативно-розыскных мероприятий служит важнейшим гарантом невмешательства в деятельность сотрудника оперативного подразделения. В США решение о привлечении секретных агентов к выполнению заданий полиции принимает руководитель соответствующего полицейского органа, а также начальник уголовной полиции или его заместитель. Вопрос о необходимости использования при проведении секретной операции секретного оперативного сотрудника согласовывается с прокуратурой [1, с. 62].

В ряде зарубежных стран в уголовном процессе, констатирует А. Н. Халиков, широко используются сведения, получаемые через осведомителей или агентурный аппарат, в том числе для доказывания при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Однако такой опыт пока не может быть широко применен в России в силу сложившегося менталитета, следственной и судебной практики. Агентурная работа в России носит больше информационный, а не доказательственный характер [5, с. 289].

Тезис авторитетного исследователя со столь категоричной тональностью небезоснователен. Конфиденциальное сотрудничество в оперативно-розыскной деятельности, несмотря на его высокую социальную значимость и во многих ситуациях эффективность, не панацея в борьбе с преступностью. Полученная в процессе его осуществления информация далеко не всегда соответствует требованиям, предъявляемым к доказательствам. Абсолютная закрытость, в свою очередь, закономерно порождает сомнения в достоверности сведений, обуславливает необходимость их проверки наряду с иными доказательствами.

На наш взгляд, агентурный метод сегодня – это уже во многом «секрет Полишинеля», требующий адекватной коррекции его использования с учетом развития правовых механизмов противодействия современному криминалу. В связи с этим российскому законодателю, руководствуясь интересами осуществления эффективной борьбы с преступностью и ее организованными проявлениями, бесполезно принять во внимание опыт стран Запада, а также правоприменительную практику некоторых стран СНГ.

Например, Украина с принятием в 2012 г. нового Уголовно-процессуального кодекса (УПК) стала на путь активизации процессов использования сведений, полученных оперативно-розыскным (негласным) путем, в уголовном процессе. На законодательном уровне закреплены механизмы допроса негласных источников с соблюдением требований конфиденциальности и безопасности. Так, согласно положениям ч. 2 ст. 256 УПК Украины «Использование результатов негласных следственных (розыскных) действий в доказывании» лица, которые проводили негласные следственные (розыскные) действия либо были привлечены к их проведению, могут быть допрошены как свидетели.

С учетом изложенного целесообразно вынести на обсуждение научного сообщества, уполномоченных прокуроров, осуществляющих надзор за законностью оперативно-розыскных решений, сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и других заинтересованных лиц вопрос о дополнении Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» положениями, согласно которым при наличии оснований прокурор вправе вносить представление органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, о проведении оценки положенной в основу расследования информации с учетом потенциально возможной заинтересованности лица, оказывающего содействие на конфиденциальной основе, в исходе дела. При этом, что особенно важно, наделить прокурора правом при объективной необходимости требовать предоставления сведений о личности такого лица без его согласия.

Предлагаемая инициатива, даже с учетом всех вышеприведенных доводов, не исключает риски, подпитанные сомнениями в профессионализме уполномоченных прокуроров и их порядочности. Тем не менее, обеспечивая законность и эффективность оперативно-розыскной деятельности, без расширения границ надзорной деятельности уполномоченных прокуроров сегодня не обойтись. На случай необоснованной расшифровки конфиденента нужны действенные компенсаторные механизмы, гарантирующие на государственном уровне их своевременную безопасность и реальную финансовую поддержку.

Библиографический список

1. Луговик В. Ф., Лугович С. М. Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий : монография. М., 2018. 156 с.
2. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. и практикум для академ. бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2016. 301 с.
3. Понятие и классификация лиц, содействующих оперативно-розыскным органам. URL : <http://textbook.news/rozyisknaya-deyatelnost-operativno/ponyatie-klassifikatsiya-lits-sodeystvuyuschih-115131.html> (дата обращения: 24.08.2018).
4. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2007. 832 с.
5. Халиков А. Н. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 2-е изд. М., 2017. 324 с.

УДК 343.815

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.052-058

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КИМАЧЕВ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации режима и надзора
в уголовно-исполнительной системе,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kimachevandre@mail.ru;

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОРБАНЬ,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры организации режима
и надзора в уголовно-исполнительной системе,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: dimas8807@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ

Для цитирования

Кимачев, А. Н. Актуальные проблемы правовой регламентации внутреннего распорядка воспитательных колоний / А. Н. Кимачев, Д. В. Горбань // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 52–58. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.052-058.

Аннотация. Процесс исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных, а также лиц, достигших совершеннолетия, но оставленных в воспитательной колонии, обладает рядом особенностей. Это связано со спецификой личностного развития несовершеннолетних. Законодатель регулирует процедурные нормы исполнения и отбывания наказания в отношении несовершеннолетних отдельным ведомственным нормативным правовым актом – Правилами внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы.

В статье поднимаются и анализируются проблемные вопросы регламентации правового положения несовершеннолетних осужденных. Выявляется ряд проблем, для решения которых предлагается:

пересмотреть порядок обращения к несовершеннолетним осужденным;

более детально регламентировать в Правилах внутреннего распорядка воспитательных колоний положения Федерального закона от 23 февраля 2013 года № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»;

конкретизировать правила личной гигиены несовершеннолетних;

© Кимачев А. Н., Горбань Д. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

уточнить нормы Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний о проверках наличия осужденных в ночное время;

раскрыть особенности содержания осужденных в строгих условиях отбывания наказания;

внести поправки в Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний, регламентирующие вопросы поведения осужденных за пределами воспитательной колонии, а также предоставления им прав передвижения без конвоя или сопровождения за пределами воспитательной колонии, проживания за пределами воспитательной колонии.

Ключевые слова: правила внутреннего распорядка, режим, воспитательные колонии, исправительный процесс, несовершеннолетние осужденные, льготные условия.

Процесс исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях порождает специфический вид общественных отношений. В первую очередь это вызвано тем, что правоограничениям указанного вида наказания подвергаются в большинстве своем лица, не достигшие совершеннолетия. В связи с этим возникает необходимость более тщательной и подробной нормативной проработки вопросов реализации лишения свободы в отношении таких осужденных.

Как и в случае с осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях для взрослых, процедурная сторона исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении подростков в воспитательных колониях регламентирована самостоятельным ведомственным подзаконным нормативным правовым актом – приказом Минюста России от 6 октября 2006 г. № 311 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы» (далее – Правила).

Несмотря на внесенные в них изменения (приказы Минюста России от 15 августа 2016 г. № 185, от 23 августа 2012 г. № 165, от 15 декабря 2010 г. № 393, от 9 ноября 2009 г. № 388), Правила не лишены определенных существенных недостатков и спорных моментов [1, с. 30].

Таким образом, актуальным представляется вопрос о необходимости их серьезного и обоснованного усовершенствования либо замены новым нормативным правовым актом, как это было реализовано в декабре 2016 г. с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295.

Остановимся несколько подробнее на вопросах нормативного регулирования реализации наказания в виде лишения свободы внутренним распорядком воспитательных колоний, требующих, на наш взгляд, своего первоочередного решения.

Так, некоторые сомнения вызывает возможность (да и, пожалуй, целесообразность) практической реализации требования п. 15 Правил о повсеместном обращении к осужденным на «Вы». Существенная декларативность рассматриваемого положения достаточно объяснима. Традиционно обращение на «Вы» подчеркивает вежливое и уважительное отношение к человеку, устанавливает определенные границы в общении. Напротив, обращение на «Ты» сближает людей в общении между собой. Необходимо избегать обращения на «Ты» в условиях, когда адресат не располагает возможностью позволить себе аналогичное обращение, например, в силу большой разницы в социальном статусе. Начальственное «тыканье» здесь будет выглядеть абсолютной грубостью.

Однако правила этикета, на наш взгляд, на территориях исправительных учреждений, и особенно предназначенных для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, должны в первую очередь быть достаточно эффективны в вопросах достижения целей и решения задач, стоящих перед этими заведениями. Учитывая приоритет воспитывающей составляющей, присутствующей в качестве основного ориентира для деятельности воспитательных колоний, в организации взаимодействия в социальной паре «администрация – спецконтингент» одинаково необходимы и принципиально традиционное сохранение уважительного «Вы», и универсально допускаемое, в том числе современной пенитенциарной практикой, подтверждение коммуникативного «Ты». Такое юридически обоснованное сочетание позволит обозначать дистанции в необходимых случаях, где их нарушение приведет к снижению эффективности общения, но нивелирует их там, где степень сближения и социальные роли могут быть определены контактирующими субъектами самопроизвольно. В силу этого важно, во-первых, обязать персонал воспитательных колоний обращаться к осужденным на «Вы», во-вторых, со временем допустить обоюдное обращение на «Ты» представителя администрации учреждения и воспитанника в индивидуальных беседах при условии предварительной договоренности между ними по этому поводу. В связи с этим целесообразно изложить п. 15 Правил в следующей редакции: *«Персонал воспитательных колоний и иные лица, посещающие колонию, обязаны обращаться к осужденным на «Вы» и называть их «осужденный», «осужденная», «гражданин», «гражданка» и далее по фамилии. Допускается обращаться к осужденным на «Ты», при этом называть их по имени в индивидуальных беседах, исключая присутствие других осужденных».*

В Правилах должно быть предусмотрено положение о необходимости обеспечения персоналом воспитательных колоний соблюдения требований Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» как одного из приоритетных направлений в деятельности уголовно-исполнительной системы на сегодняшний день (в свете положений Комплексной программы по совершенствованию деятельности воспитательных колоний и следственных изоляторов на 2015–2018 гг., утвержденной директором ФСИН России 10 июля 2015 г.). Предлагаем абз. 11 п. 17 Правил, определяющих права осужденных, изложить в следующей редакции: *«Охрану здоровья, в том числе от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака, и личную безопасность».*

Весьма лаконично Правила определяют некоторые обязанности осужденных. Действующая редакция Правил не содержит достаточной определенности процедур, касающихся соблюдения правил личной гигиены, обязательных к исполнению осужденными и контролируемых администрацией воспитательных колоний в целях профилактики заболеваемости в среде воспитанников, тем самым, с одной стороны, порождая недовольство спецконтингента, с другой стороны, отрицательно влияя на вопросы обеспечения охраны здоровья лишенных свободы детей.

Конкретизировать правила личной гигиены позволит следующая редакция абз. 6 п. 18 Правил: *«Содержать в чистоте жилые и служебные помещения, учебные и рабочие места, по установленному образцу заправлять постель, соблюдать правила личной гигиены, включая бритье подбородка и усов, иметь короткую стрижку волосистой части головы, подразумевающую остаточную длину волоса для лиц мужского пола – не более 5 мм, для лиц женского пола – не более 100 мм».*

Определенные сомнения возникают в отношении целесообразности установленного Правилами запрета для воспитанников воспитательных колоний относительно осуществления курения в не отведенных для этого местах. У непосвященного читателя Правил может сложиться ложное впечатление о допустимости курения табака в специально оборудованных для этого местах на территориях рассматриваемых учреждений. В то же время на протяжении многих лет традиционным для воспитательных колоний является фактический запрет курения для всех лиц, находящихся в границах охраняемых зон учреждений, предназначенных для содержания осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. В отношении воспитанников такой запрет носит абсолютный характер, обязывая их воздерживаться от курения, где бы то ни было в период отбывания наказания. По этой причине предлагаем в абз. 11 п. 19 Правил исключить фразу «в не отведенных для этого местах». Данное изменение позволит обеспечить правовую основу для профилактики курения табака спецконтингентом воспитательных колоний, направленной на реализацию положений Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», нормативно урегулировав запрет, фактически имеющий место в практической деятельности.

Достаточно критично следует, на наш взгляд, оценивать содержание п. 25 Правил по поводу ограничения количества проверок наличия осужденных в ночное время до одной. Таким образом, действующая редакция Правил вступает в противоречие с Инструкцией о надзоре за осужденными, содержащимися в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний, не учитывая фактически проводимых мероприятий, направленных, в частности, на проверку наличия лиц, склонных к побегу, осуществляемую каждые 2 часа. Принимая во внимание, что оба документа имеют равную юридическую силу, такое положение вещей, обнаруживающее отсутствие преемственности более поздним нормативно-правовым актом положений более раннего, представляется и вовсе не корректным.

Для приведения ситуации в соответствие в п. 25 Правил после слов «*в ночное время проверка наличия осужденных проводится...*» необходимо исключить слова «*один раз*».

Отметим особенности содержания осужденных воспитательных колоний в строгих условиях отбывания наказания и о проблеме их трудовой занятости.

Несмотря на свою малочисленность (по состоянию на декабрь 2016 г. в строгих условиях отбывания наказания в воспитательных колониях содержалось 53 осужденных), совершившие злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания лица, находясь в условиях изолированных жилых помещений, запираемых в свободное от учебы и работы время, как никакая иная категория осужденных, нуждаются в строго регламентированной занятости.

В то же время администрация воспитательных колоний нередко занимает нейтральную позицию по отношению к вопросу организации труда этой категории осужденных и видит свою главную задачу лишь в изоляции их от основной массы спецконтингента, не предпринимая достаточных мер для устранения негативных качеств в личности злостных нарушителей. В определенной степени этому способствует последняя и единственная редакция ч. 1 ст. 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), ставящая реализацию привлечения к труду осужденных в зависимость от наличия рабочих мест в производственных (трудовых) мастерских воспитательных колоний и формирующая таким образом современные подходы к трудовому воспитанию спецконтингента.

Между тем отечественным уголовно-исполнительным законодательством труд рассматривается в качестве одного из основных средств исправления осужденных. Более того, ч. 3 ст. 132 УИК РФ расценивает добросовестное отношение к труду как обязательное условие перевода в обычные условия отбывания наказания лиц, признанных злостными нарушителями и содержащихся в строгих условиях.

Разрешить сложившееся противоречие возможно путем внесения изменений (учитывая безусловное функционирование рабочих кабинетов при каждом изолированном помещении в учреждениях, предназначенных для содержания несовершеннолетних осужденных к лишению свободы) в п. 108 Правил, дополнив словами: *«Добросовестное отношение к труду является обязательным условием перевода в обычные условия отбывания наказания»*. Интересным представляется в этом плане международный опыт, в частности, Республики Беларусь. Согласно положениям ведомственного уголовно-исполнительного законодательства указанного государства устанавливается и организуется работа несовершеннолетних осужденных в запираемых помещениях отдельно от других осужденных [3, с. 75].

Затрагивая исследование вопроса условий отбывания наказания в воспитательных колониях, необходимо отметить, что, регулируя его, закон опирается на два принципиальных положения:

а) воспитательно-исправительный процесс в отношении несовершеннолетних осужденных должен быть построен по прогрессивной системе;

б) в связи с особенностями личности несовершеннолетних осужденных режим в воспитательных колониях должен быть мягче, чем в исправительных учреждениях для взрослых.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами в воспитательных колониях создается дополнительный вид условий отбывания наказания – льготные. По своему режимному содержанию они максимально приближены к жизни на свободе. Не случайно в научной литературе льготные условия отбывания наказания именуется полусвободным режимом отбывания наказания [4, с. 7]. Предоставление подросткам возможности пребывания в этих условиях выводит на первый план вопрос о безопасности такого дозволения, заключающейся в способности самого воспитанника противостоять различного рода угрозам, ожидающим его в обстановке так называемой условной свободы, с одной стороны, и, что не менее важно, в отсутствии у него преднамеренной установки на противоправное поведение – с другой. В качестве определенного гаранта безопасности здесь выступают научно обоснованные педагогические характеристики исследуемой категории осужденных, свидетельствующие о максимальной предрасположенности данной возрастной группы к оказываемому на них исправительному воздействию. Указанное выше обстоятельство во многом позволяет относительно безопасно разрешать воспитанникам, особенно несовершеннолетним, находиться за пределами охраняемого объекта в условиях пусть ограниченной, но свободы, ожидая при этом наибольшую вероятность эффективности от подобного поощрительного инструмента [5, с. 6].

Закрепленная ст. 133 УИК РФ норма обеспечивает процесс социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к законопослушной жизни [6, с. 48]. Последняя цель достигается созданием еще в период отбывания наказания некой иллюзии полной свободы, формирующей предпосылки заблаговременного привыкания к правопослушной модели поведения гражданина, не стесненного границами лишеной свободы пространства.

В свою очередь, Правила должны регулировать закрепленную в УИК РФ правовую норму о проживании несовершеннолетних осужденных за пределами воспитательной колонии, однако данный вопрос в Правилах не регламентирован.

Порядок проживания осужденных, отбывающих наказание в льготных условиях за пределами воспитательных колоний, определяется разд. VIII Правил «Поведение осужденных за пределами воспитательной колонии». Важно отметить, что в рассматриваемом разделе идет речь о двух смежных пенологических институтах (от лат. *poena* – наказание): передвижении осужденных без конвоя или сопровождения за пределами воспитательной колонии и проживании осужденных, отбывающих наказание в льготных условиях за пределами воспитательной колонии.

Однако в Правилах не разграничен структурно исследуемый нами раздел на соответствующие части, в результате чего происходит смешение в регулировании двух указанных правовых институтов, а также возникают определенные проблемы в их применении. Так, например, непонятно, на какие конкретно категории воспитанников распространяются обязанности и запреты, а также требования к поведению, перечисленные в пп. 58–59, 61–62 Правил.

По нашему мнению, в целях более эффективной регламентации вопросов передвижения одних категорий осужденных и проживания других за пределами воспитательной колонии необходимо внести соответствующие изменения в Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний. При этом в отношении воспитанников, отбывающих наказание в льготных условиях, важно закрепить процедуру разрешения им проживания за пределами воспитательной колонии, включающую в себя критерии к отбору кандидатов, претендующих на предоставление такого права, перечень необходимых сопутствующих и правоустанавливающих документов, вопросы заседания административной комиссии учреждения, подлежащие рассмотрению при принятии решения, и ее состав, а также другие организационные моменты.

Перечисленные поправки могут потребовать переименования разд. VIII Правил «Поведение осужденных за пределами воспитательной колонии» в «Предоставление осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения за пределами воспитательной колонии», а также дополнения Правил разд. VIII.1 «Предоставление осужденным, отбывающим наказание в льготных условиях, права проживания за пределами воспитательной колонии».

Кроме того, определенные противоречия в регламентации вопросов, связанных с проживанием осужденных, отбывающих наказание в льготных условиях, за пределами воспитательных колоний, может вызывать разд. XIX Правил «Приобретение продуктов питания, вещей и предметов первой необходимости». Так, в п. 166 Правил указывается, что указанной категорией осужденных по их заявлению продукты питания и предметы первой необходимости приобретаются сотрудниками либо работниками колонии. Одновременно с этим в п. 168 Правил закреплено, что несовершеннолетние осужденные приобретают продукты питания и предметы первой необходимости самостоятельно, пользуясь наличными деньгами.

Таким образом, возникает вопрос о том, каким же образом приобретаются продукты питания и предметы первой необходимости несовершеннолетними осужденными. Правила не содержат уточняющей информации по этому поводу.

Правилами предполагалось предусмотреть п. 166 общий порядок приобретения продуктов питания, вещей и предметов первой необходимости воспитанниками, содержащимися в льготных условиях с правом проживания за пределами колонии, за безналичный расчет, за счет средств, находящихся на лицевом счете, а п. 168 – частный, за счет наличных денежных средств. Однако такой регламент не определяется буквально из текста Правил и, что еще более важно, в них отсутствует процедура приобретения

(получения) таких денег осужденными для последующего самостоятельного пользования ими.

Таким образом, по результатам исследования вопросов нормативного регулирования реализации лишения свободы внутренним распорядком воспитательных колоний можно сделать вывод о том, что действующие на сегодняшний день Правила нуждаются в своем совершенствовании по ряду направлений, в частности необходимо:

- 1) пересмотреть порядок взаимного обращения друг к другу осужденных, с одной стороны, и администрации учреждения, а также иных лиц, его посещающих, с другой;
- 2) привести в соответствие с федеральным законодательством, в том числе обеспечивающим охрану здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака;
- 3) четко определить отдельные обязанности и запреты, предписываемые воспитанникам;
- 4) оптимизировать процедуру проведения ночных проверок наличия спецконтингента;
- 5) в сфере регулирования Правилами условий отбывания наказания обеспечить трудовую занятость лиц, проживающих в изолированных жилых помещениях, запираемых в свободное от учебы или работы время; структурно разделить между собой в нормативном правовом акте регламентацию передвижения без конвоя или сопровождения и проживания осужденных за пределами воспитательных колоний, являющихся, по сути, смежными психологическими институтами, уточнив в отношении последнего процедуру предоставления такого права; установить обстоятельства, позволяющие воспитанникам в льготных условиях пользоваться наличными деньгами, а также алгоритм их получения для приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости за пределами колонии.

Данные направления совершенствования Правил, по нашему мнению, в наибольшей степени будут способствовать повышению эффективности реализации лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных внутренним распорядком воспитательных колоний.

Библиографический список

1. Кимачев А. Н. Отдельные вопросы организации режима воспитательных колоний в правилах внутреннего распорядка // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3. С. 27–34.
2. Кимачев А. Н. Организационные и правовые основы обеспечения режима в исправительных учреждениях, предназначенных для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 23 с.
3. Прокудин В. В., Степаненко В. И. Внутренний распорядок как важнейший элемент режима в исправительных учреждениях России и Республики Беларусь // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 3. С. 74–80.
4. Белова Е. Ю. Правовое регулирование и организация социальной адаптации несовершеннолетних осужденных в льготных условиях отбывания наказания. Псков, 2014. 174 с.
5. Горбань Д. В. Актуальные тенденции уголовно-исполнительной политики в сфере предупреждения рецидивной преступности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 2(177). С. 5–9.
6. Южанин В. Е., Горбань Д. В. Режим и меры предупреждения правонарушений среди осужденных в системе исполнения наказания в виде лишения свободы. М., 2018. 496 с.

УДК 343.13

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.059-065

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ ОГРЫЗКОВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ogryzkov-91@mail.ru;

ТАЛЯТ АЛИЕВИЧ СУЛЕЙМАНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

ПРАКТИКА РАССМОТРЕНИЯ ВОПРОСА О ПРИЕМЕ И РЕГИСТРАЦИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕЖУРНЫХ СМЕН ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Для цитирования

Огрызков, А. В. Практика рассмотрения вопроса о приеме и регистрации сообщений о преступлениях в деятельности дежурных смен исправительных учреждений / А. В. Огрызков, Т. А. Сулейманов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 59–65. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.059-065.

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию проблемных вопросов, касающихся порядка приема и регистрации сообщений о преступлениях сотрудниками дежурных смен, в частности дежурным по исправительному учреждению. Объектом исследования являются процессуальные действия по осуществлению приема и регистрации сообщений о преступлениях. В случае подготовки и совершения осужденными преступлений первоочередной задачей сотрудников дежурной смены является прием и регистрация первичной информации о преступлении. Данная процессуальная деятельность играет значимую роль в уголовном процессе, поскольку от незамедлительного приема информации о преступлении, а также правильности заполнения и ведения учетно-регистрационной документации зависит успех дальнейшего расследования и принятия процессуального решения по уголовному делу.

Задача исследования состоит в изучении процедуры приема и регистрации сообщений о преступлениях сотрудниками дежурной смены исправительных учреждений в целях недопущения либо минимизации числа незарегистрированных и неучтенных преступлений в уголовно-исполнительной системе России. Законные действия сотрудников дежурных смен исправительных учреждений на этапе приема и регистрации сообщений о преступлениях есть не что иное, как необхо-

© Огрызков А. В., Сулейманов Т. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

димое условие эффективного противодействия преступности, а также гарантированное обеспечение конституционных прав граждан на доступ к правосудию и реализации назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: безопасность, дежурная смена, исправительное учреждение, Книга регистрации сообщений о преступлениях, осужденный, правопорядок, прием и регистрация сообщений о преступлениях, уголовно-исполнительная система, учетно-регистрационная документация.

Исправительные учреждения (ИУ) являются сложными в оперативном отношении режимными объектами, призванным решать специальные задачи в уголовно-исполнительной системе (УИС) России. Одной из наиболее важных среди них в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний является задача по обеспечению правопорядка и безопасности в исправительных учреждениях.

Основным структурным подразделением в ИУ, непосредственно выполняющим указанную задачу, выступает дежурная смена, которая призвана обеспечивать постоянное и круглосуточное осуществление надзора за осужденными, а также предотвращать совершение с их стороны преступлений.

Руководство в организации работы дежурной смены возлагается на дежурного помощника начальника учреждения, он же является начальником дежурной смены. Дежурный по учреждению непосредственно подчиняется начальнику учреждения и его заместителям, а во время их отсутствия полностью несет ответственность за поддержание в исправительном учреждении режима отбывания наказания, установленного Правилами внутреннего распорядка, утвержденными приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295.

В последнее время резко обострилась оперативная обстановка в исправительных учреждениях. В местах лишения свободы, где содержатся лица с высоким уровнем общественной опасности, все чаще проявляется возросшая агрессивность и активность преступного мира, а также имеют место быть и факты совершения преступлений со стороны осужденных. В связи с этим Т. А. Сулейманов считает, что «проводимые сегодня экономические реформы в стране существенно увеличили финансовые возможности элиты криминального мира, вследствие чего возросла активность лидеров преступной среды, пытающихся координировать противоправные действия осужденных и воздействовать на оперативную обстановку в исправительных учреждениях» [1, с. 127].

По этому поводу высказывался и профессор Н. Г. Шурухнов, который подчеркивал, что «преступность в ИУ изменилась не только по форме, но и по содержанию». Совершаемые осужденными противоправные деяния стали более латентными и избирательными, повысилась общественная опасность преступлений, а также возрос «профессионализм» их совершения [2, с. 66].

Однако С. Д. Аверкин акцентирует внимание на том, что при надлежащем осуществлении ведомственного надзора и контроля за поведением осужденных в исправительных учреждениях факт совершения либо подготовки с их стороны преступлений будет быстро обнаруживаться администрацией учреждения, а в первую очередь сотрудниками дежурных смен [3, с. 119].

Согласно ведомственной статистике Федеральной службы исполнения наказаний (отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, по форме

№ 2-УИС за 2015 г. – 8 месяцев 2018 г.), на территории учреждений и органов УИС в 2015 г. зарегистрировано 935 преступлений; 2016 – 955; 2017 – 971, за восемь месяцев 2018 г. – 602. Детальный анализ статистики состояния преступности в УИС России позволяет сформулировать вывод о том, что в исправительных учреждениях осуществляется значительный объем уголовно-процессуальной деятельности, которая реализуется в основном на стадии возбуждения уголовного дела.

По мнению О. А. Малышевой, одним из способов положительного воздействия на сложившуюся неблагоприятную обстановку в исправительных учреждениях является повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, связанной прежде всего с приемом и регистрацией сообщений о преступлениях [4, с. 47].

В свою очередь, Е. Р. Пудаков отмечает, что рост числа преступлений, совершаемых на территории ИУ, является основанием для проведения научных исследований по вопросам процедуры возбуждения уголовного дела [5, с. 3].

С точки зрения Б. Я. Гаврилова, уголовно-процессуальная деятельность УИС выступает составной частью уголовно-исполнительной политики. Ученый в большей степени акцентирует свое внимание на первоначальном этапе уголовного судопроизводства, где неурегулированность указанного вида процессуальной деятельности затрудняет весь процесс расследования, не позволяя при этом сотрудникам УИС оперативно реагировать на преступления, совершаемые осужденными [6, с. 63–64].

В. В. Медведева считает, что предупреждение преступлений в исправительных учреждениях связано с выявлением проблем на начальном институте уголовного процесса, в котором в большей степени ощущается отсутствие четкой уголовно-процессуальной регламентации приема и регистрации информации о преступном деянии, а также единообразия дальнейшего проведения [7, с. 3].

В случаях совершения осужденными преступлений на территории ИУ первоочередной задачей сотрудников дежурной смены является прием и фиксация первичной информации о преступном деянии. Данная процессуальная деятельность играет значимую роль, поскольку от незамедлительного приема информации о преступлении, а также правильности заполнения и ведения учетно-регистрационной документации зависит весь успех дальнейшего расследования и принятия процессуального решения [8, с. 3].

Порядок приема и регистрации сообщений о преступлениях в УИС России регулируется:

- 1) Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) (ст. 144);
- 2) приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений»;
- 3) приказом Минюста России от 11 июля 2006 г. № 250 «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» (далее – Инструкция).

По мнению А. М. Саутиева, «сегодня ситуация по правовому регулированию приема и регистрации сообщений о преступлениях в исправительных учреждениях осложнена двухступенчатым механизмом. С одной стороны – это УПК РФ, с другой – ведомственный подзаконный акт, в котором прослеживается наличие неурегулированных вопросов и ряд несоответствий» [9, с. 4].

Согласно п. 5 Инструкции любой сотрудник исправительного учреждения при обнаружении признаков преступления обязан незамедлительно принять меры неотложного реагирования, о чем немедленно сообщить дежурному по учреждению. Данный доклад производится по телефону либо при помощи другого вида служебной связи в исправи-

тельном учреждении с целью дальнейшего оповещения начальника учреждения или лица, его замещающего.

После получения сообщения о преступлении дежурным по учреждению принимаются меры по регистрации и незамедлительной проверке информации о преступлении, в том числе дается указание всем сотрудникам из числа дежурной смены по усилению надзора за поведением осужденных и обстановкой в ИУ в целом.

Под приемом сообщений о преступлениях в исправительных учреждениях понимается деятельность должностных лиц уголовно-исполнительной системы по получению необходимой первичной информации о преступлении, а также по ее последующей передаче для регистрации в Книгу регистрации сообщений о преступлениях.

В соответствии с п. 2 Инструкции все лица от рядового до начальствующего состава ИУ обязаны без каких-либо ограничений и противоречий принимать любую информацию о преступлениях.

На указанные обстоятельства обращает внимание А. А. Крымов: «В целом эффективность системы борьбы с преступностью обеспечивается за счет того, что прием сообщений о преступлениях осуществляется независимо от времени совершения преступления, формы и полноты сообщаемых сотруднику сведений, а также территориальной, предметной и иной подследственности» [10, с. 135].

Каждый сотрудник УИС обязан принять от осужденного заявление о преступлении. Данное положение подразумевает обязанность государства соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. При этом дежурный по ИУ обязан зарегистрировать любое сообщение и заявление о преступлении. Прием информации о преступлениях в ИУ осуществляется круглосуточно.

Сообщения о преступлениях в исправительных учреждениях принимаются дежурными помощниками начальника колонии (ДПНК), дежурными помощниками начальника тюрьмы (ДПНТ), дежурными помощниками начальника больницы (ДПНБ) (или их заместителями), поскольку они постоянно несут службу на территории исправительного учреждения.

В рабочее время сообщения о преступлениях допускается принимать сотрудникам, специально уполномоченным на осуществление данных функций. Как показывает анализ практического материала, обычно такими сотрудниками являются личный состав оперативных подразделений, которые, по сравнению с другими работниками ИУ, обладают наиболее углубленными правовыми познаниями при проведении первоначальных действий неотложного реагирования, а также имеют надлежащую подготовку в области уголовного судопроизводства.

Под регистрацией сообщений о преступлениях в исправительных учреждениях понимается деятельность должностного лица уголовно-исполнительной системы, в частности дежурного по учреждению, по присвоению каждому поступившему сообщению порядкового номера, а также по его последующей фиксации путем занесения краткой и доступной информации в Книгу регистрации сообщений о преступлениях.

Регистрация информации о преступлениях производится незамедлительно в дежурной части исправительного учреждения. Термин «незамедлительно» означает, что сообщение должно быть немедленно передано для регистрации сразу после получения его должностным лицом ИУ. Однако законодатель предусматривает, что при наличии определенных причин сообщение о преступлении может быть передано дежурному ИУ для регистрации по различным каналам связи. Такими объективными причинами являются: значительная отдаленность от места регистрации, стихийные бедствия, непогода и другие обстоятельства.

В соответствии с п. 13 Инструкции сообщения, заявления о преступлениях фиксируются в Книге регистрации сообщений о преступлениях (КРСП) и Журнале регистрации информации о происшествиях (ЖРИП).

По мнению И. В. Яковенко, наличие двух учетно-регистрационных документов во ФСИН России, в отличие от других правоохранительных ведомств (МВД России, ФСБ России и др.), можно объяснить спецификой деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, где, помимо сообщений о преступлениях, имеют место факты нарушения установленного порядка режима отбывания наказания, выраженные в несоблюдении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [11, с. 13–15].

Анализ пенитенциарной практики показывает, что в большинстве случаев первоначально поступающая информация о преступлении заносится дежурным по учреждению в Журнал регистрации информации о происшествиях, после чего она, как правило, проверяется оперативным сотрудником на наличие в информации должных признаков состава преступления. По результатам проведенной проверки информация подлежит перерегистрации в Книге регистрации сообщений о преступлениях. Однако отметим тот факт, что информация, содержащая в себе явные признаки состава преступления, регистрируется незамедлительно в КРСП.

Дежурный помощник начальника учреждения, получая рапорт о признаках преступления, совершенного осужденным, обязан внимательно изучить данное сообщение, убедиться в фиксации всех обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях лица признаков одного или нескольких преступных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, и только после этого зарегистрировать данное сообщение о преступлении в учетно-регистрационном документе. При необходимости дежурный по учреждению вправе лично потребовать и получить дополнительную информацию о преступлении путем опроса сотрудника, сообщившего о преступлении, а также лица, предположительно виновного в его совершении.

В соответствии с п. 14 Инструкции заполнение Книги регистрации сообщений о преступлениях производится в дежурной части только дежурными по учреждениям (ДПНК, ДПНБ, ДПНТ). Иные должностные лица ИУ некомпетентны вносить записи в КРСП.

Форма заполнения Книги регистрации сообщений о преступлениях является единой для всех учреждений и органов УИС России. Она должна заполняться разборчивым почерком, записи в ней необходимо делать без сокращений и помарок, желательно использовать печатные буквы. Записи по каждой информации о преступлении должны содержать краткие и вместе с тем полные сведения о том, что и когда произошло; кто и в какой форме заявил о происшедшем; какие поручения даны по порядку рассмотрения; какие меры приняты для проверки; кто участвовал в рассмотрении; какое решение, когда и кем принято. Данная информация должна быть максимально достоверной, отражать все возможные факты и признаки состава преступного деяния. Исправления и подчистки не допускаются, а ошибочные записи аккуратно зачеркиваются и заверяются подписью дежурного по учреждению.

По окончании КРСП передается из дежурной части в подразделение делопроизводства (секретариат) для последующего хранения. Персональная ответственность за нарушение правил ведения КРСП, а также неполноту регистрации поступившей информации о преступлениях возлагается на дежурного и начальника учреждения УИС. Однако, как считает И. Л. Бедняков, в первую очередь это касается дежурного помощника начальника учреждения, который должен обладать соответствующими знаниями, умениями и навыками, позволяющими ему незамедлительно зафиксировать факт преступления и принять по нему меры быстрого реагирования [12, с. 29].

При приеме-сдаче смены дежурный по учреждению составляет рапорт на имя начальника ИУ, в котором отражает основные результаты несения службы, а также, если имеется, информацию о совершенном преступлении и других происшествиях. После этого начальник учреждения принимает решение о передаче данной информации на рассмотрение оперативному сотруднику ИУ для проведения предварительной проверки в соответствии с установленным УПК РФ сроком (ч. 1 ст. 144).

Дальнейшая работа сотрудников следственных подразделений по расследованию преступлений во многом будет зависеть от правильности зарегистрированной дежурным по учреждению всей информации о преступлении.

Процедура регистрации сообщений о преступлениях является важным элементом стадии возбуждения уголовного дела, поскольку именно на данном этапе сотрудниками исправительных учреждений в силу различных объективных и субъективных причин допускается наибольшее количество различного рода нарушений учетно-регистрационной дисциплины.

На данный факт обращает свое внимание А. С. Шаталов, отмечая, что в исправительных учреждениях регистрируются лишь преступления с повышенной степенью общественной опасности, которые скрыть весьма проблематично. Остальным, менее тяжким деяниям внимание не уделяется вообще, поскольку «по количеству зарегистрированных преступлений оценивается качество работы сотрудников исправительных учреждений, а это вынуждает данных должностных лиц идти на возможные способы укрывательства преступных проявлений в местах изоляции осужденных» [13, с. 89].

Таким образом, процедура регистрации сообщений о преступлениях сотрудниками дежурной смены исправительных учреждений предусмотрена в целях недопущения либо минимизации числа незарегистрированных и неучтенных преступлений в уголовно-исполнительной системе России.

По мнению С. П. Брылякова, регистрация всех без исключения фактов нарушения уголовного законодательства, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, позволяет сотрудникам этих учреждений должным образом реагировать на преступные деяния, то есть принимать сообщения о преступлениях, регистрировать их, а также производить по ним доследственную проверку (ст. 144 УПК РФ), а в случаях необходимости производить неотложные следственные действия (ст. 157 УПК РФ) [14, с. 4].

Мы считаем, что любое укрывательство преступных деяний от регистрации сотрудниками УИС наносит серьезный вред нормальной деятельности исправительных учреждений, поскольку сокрытие преступлений подстрекает осужденных на совершение новых преступлений.

Следует отметить, что специфика процедуры приема и регистрации сообщений о преступлениях в ИУ охватывает как процессуальные, так и служебные полномочия в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, ведомственных нормативных правовых актов.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что прием и регистрация сообщений о преступлениях в ИУ дежурной сменой является важным элементом стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе, а от того, насколько правильно организована должная работа на данном этапе уголовного судопроизводства, зависит быстрое раскрытие преступлений и обеспечение неотвратимости наказания для виновных лиц.

Библиографический список

1. Сулейманов Т. А. Структура и содержание уголовно-процессуальной деятельности в УИС // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2(85). С. 125–128.
2. Шурухнов Н. Г., Шурухнов В. А. Особенности противоправной деятельности лиц, ранее совершавших преступления и отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2010. № 4(71). С. 66–69.
3. Аверкин С. Д. Роль режимных мероприятий в процессе возбуждения уголовного дела // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : в 8 т. : сб. тез. выступ. и докл. участников (Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.). Рязань, 2017. Т. 2. С. 119–121.
4. Малышева О. А. Особенности приема и регистрации сообщений о преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1(25). С. 47–49.
5. Пудаков Е. Р. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 21 с.
6. Гаврилов Б. Я. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений ФСИН России как одна из составляющих уголовно-исполнительной политики // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.). Рязань, 2016. С. 63–69.
7. Медведева В. В. Уголовно-процессуальный порядок принятия, рассмотрения в учреждениях уголовно-исполнительной системы и органах внутренних дел сообщений о преступлениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 26 с.
8. Крымов А. А., Саутиев А. М. Прием, рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях в учреждениях, исполняющих наказания : практ. рек. Рязань, 2018. 20 с.
9. Саутиев А. М. Прием, регистрация и рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях в исправительных учреждениях ФСИН России (сравнительно-правовое исследование на основе законодательства Российской Федерации и стран СНГ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. 25 с.
10. Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : монография. М., 2017. 464 с.
11. Яковенко И. В. Особенности разработки и реализации в практической деятельности ФСИН России Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях // Особенности уголовно-процессуальной деятельности в органах и учреждениях ФСИН России : сб. материалов Междунар. науч.-практ. семинара (Вологда, 1 июня 2007 г.). Вологда, 2008. С. 11–16.
12. Бедняков И. Л. Проблемы регистрации и проверки сообщений о преступлениях и происшествиях в исправительных учреждениях // Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследования преступлений в уголовно-исполнительной системы : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. (Владимир, 1 марта 2017 г.). Владимир, 2017. С. 28–32.
13. Шаталов А. С. Дознание в уголовно-исполнительной системе России: проблемы, тенденции, перспективы // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. тез. выступ. участников (Рязань, 5–6 дек. 2013 г.). Рязань, 2013. С. 87–93.
14. Брыляков С. П. Установление оснований для возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершаемых в местах лишения свободы : учеб.-практ. пособие. Новокузнецк, 2009. 64 с.

УДК 351.75:342.5

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.066-070

РЕГИНА МАРАТОВНА СУЛТАНОВА,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
по кафедре конституционного и муниципального права,
Московский университет МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID 0000-0002-0708-920X,
e-mail: rs95@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования

Султанова, Р. М. Актуальные вопросы обеспечения правопорядка органами государственной власти субъектов Российской Федерации / Р. М. Султанова // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 66–70. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.066-070.

Аннотация. В статье рассматривается роль органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения правопорядка. Затрагиваются проблемы, возникающие в процессе реализации полномочий, возложенных на органы государственной власти субъектов Российской Федерации в указанной сфере. Изучена практика применения различных подходов в субъектах Российской Федерации к определению состава участников координационных совещаний по обеспечению правопорядка. Отмечается, что основная роль в процессе обеспечения правопорядка возлагается на органы внутренних дел, так как они являются одним из специализированных органов обеспечения правопорядка исполнительной власти Российской Федерации. Показана возможность самостоятельного и конструктивного взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации с институтами гражданского общества с целью обеспечения надлежащего уровня правопорядка. Новизна исследования определяется тем, что в соответствии с современной отечественной конституционной доктриной показан комплексный научный подход к изучению конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

© Султанова Р. М., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: органы государственной власти, субъекты Российской Федерации, предметы совместного ведения, правопорядок, обеспечение правопорядка, субъекты обеспечения правопорядка.

На современном этапе конституционно-правовых преобразований, происходящих в Российской Федерации, повышается значимость качественного и эффективного осуществления различных государственных функций, в том числе и функции обеспечения правопорядка, в реализации которой активно задействованы органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Актуальность изучаемой проблематики определяется необходимостью регулирования органами государственной власти в различной степени всех сторон жизни общества. Они оказывают непосредственное влияние на развитие экономики, культурной жизни, науки, социального обеспечения, здравоохранения, образования. Важнейшими задачами являются защита прав и свобод человека, обеспечение правопорядка и законности, охрана интересов организаций и предприятий, борьба с различными правонарушениями и преступностью.

Конституция Российской Федерации как основополагающая правовая основа предопределяет систему и содержание нормативных правовых актов, регламентирующих процесс обеспечения правопорядка органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Российская Федерация, реализуя суверенитет, располагает всеми правами независимого государства. Одновременно с этим и ее субъекты также имеют свою компетенцию. Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство наделяют Российскую Федерацию в лице федеральных органов государственной власти широкой компетенцией, одновременно с этим предоставляя круг полномочий ее субъектам.

Конституция РФ в ч. 1 ст. 72 устанавливает предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Она закрепляет внушительный перечень полномочий, часто затрудняющий выработку унифицированных подходов к их разграничению. При решении данной проблемы должны стать ключевыми положения Конституции, в соответствии с которыми федеральный центр будет располагать полномочиями в сфере регулирования и защиты прав и свобод.

Право принимать по предметам совместного ведения собственные нормативные правовые акты еще до того, как появились соответствующие федеральные акты, обеспечивается самостоятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Так называемое право «опережающего законодательства» исходит из федеративной природы государства и признано Конституционным Судом РФ соответствующим Конституции РФ (постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 1996 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного закона Читинской области»).

Обладая основной частью регулятивных и контрольных полномочий, Федерация должна децентрализовать исполнительно-распорядительные полномочия по предметам совместного ведения. В основном их следует возложить на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Одной из наиболее важных сфер разграничения компетенции Российской Федерации и субъектов Российской Федерации является обеспечение правопорядка. Круг полномочий, направленных на обеспечение правопорядка как на уровне Федерации, так и на уровне субъектов, закреплен в федеральных законах и подзаконных нормативных правовых актах.

Правопорядок представляет собой часть общественного порядка. Если общественный порядок – это состояние упорядоченности социальными нормами системы общественных отношений и их соблюдение, то порядок складывается на основе правовых норм и, исходя из этого, находится под охраной специальных государственно-правовых мер.

Таким образом, порядок является частью системы общественных отношений, которые регулируются нормами права и находятся под защитой закона и охраной государства. Установление порядка всегда основывается на соблюдении в обществе режима законности.

Объективная заинтересованность государства в правовом обеспечении своей деятельности обуславливается необходимостью выполнения задач и функций, а также правовых отношений с обществом. Состояние порядка и законности выступает основой и средством функционирования государственной власти. В момент принятия нормы права государство закладывает основы порядка, а в дальнейшем обеспечивает их реализацию [1, с. 67–68]. Порядок представляет собой государственно-правовое явление, которое служит установлению стабильности и поддержанию равновесия между интересами гражданского общества и государства.

Конституция РФ и федеральное законодательство не проводят разграничения компетенции государственных органов по таким сферам порядка, как защита права личности, интересов государства, общества [2]. В то же время конституционно-правовой механизм обеспечения порядка в той или иной мере охватывает органы государственной власти всех уровней, как федерального, так и регионального. Их основной задачей является обеспечение порядка путем установления правовых предписаний своевременного и надлежащего осуществления правоприменительных функций.

В процессе обеспечения порядка непосредственно участвуют практически все органы публичной власти. Это важнейшая функция государства, в результате исполнения и для обеспечения которой принимаются нормативные правовые и правоприменительные акты, а также формируется конституционно-правовой механизм ее обеспечения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Главное место в обеспечении порядка, безусловно, занимают правоохранительные органы. Однако маловероятно, что правоохранительные органы способны эффективно обеспечить надлежащий порядок самостоятельно и обособленно [3]. Устойчивое состояние порядка может быть достигнуто лишь при системном, слаженном и согласованном функционировании как федеральных органов государственной власти, так и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В связи с этим в конституционно-правовом механизме обеспечения порядка важны органы государственной власти всех уровней.

В своих исследованиях С. Н. Алексеев отмечает, что правовой статус субъектов, которые уполномочены обеспечивать порядок, следует рассматривать в рамках сложного институционально-правового механизма обеспечения порядка, а не в рамках его структуры. Механизм обеспечения порядка предполагает единство правовых и организационных элементов, направленных на создание благоприятных условий для формирования, функционирования и устойчивого развития порядка, а также на его охрану, защиту и восстановление [4].

Рассматривая круг субъектов, обеспечивающих порядок, и не умаляя значения институтов гражданского общества, принимающих участие в обеспечении порядка, необходимо отметить, что ведущее место принадлежит органам государственной

власти, как федеральным, так и региональным, затем – правоохрнительным органам как специализированным органам правопорядка и органам местного самоуправления. Данная иерархия связана с тем, что органы государственной власти в первую очередь предназначены для управления государством на различных уровнях и включают в себя определенные признаки, которые порождаются природой и функциями государства. Федеральные и региональные органы государственной власти наделены более широкими, общими полномочиями, связанными с обеспечением правопорядка.

Правоохрнительные органы выделены в обособленную группу в связи со спецификой их деятельности, связанной с охраной правопорядка, законности и защитой прав и свобод человека.

Для эффективной реализации рассматриваемых полномочий необходимы взаимосогласованные усилия как федерального центра, так и регионов, которые направлены на защиту материальных и нематериальных социально значимых благ человека и общества в целом [5].

Функции по координированию деятельности правоохрнительных органов в сфере обеспечения правопорядка в большей степени возложены на высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. В целях совершенствования деятельности по обеспечению правопорядка Указом Президента РФ от 11 декабря 2010 г. № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка» была закреплена необходимость образования постоянно действующих координационных совещаний по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации и утверждения их составов. Данная обязанность возложена на высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации.

В ходе реализации положений данного документа были отмечены положительные тенденции в обеспечении правопорядка, такие как разработка и принятие решений стратегического характера в рассматриваемой сфере в субъектах Федерации, совершенствование взаимодействия органов власти всех уровней с правоохрнительными органами и повышение эффективности принятия организационно-системных мер к решению задач в сфере борьбы с преступностью (совместное информационное письмо Генеральной прокуратуры России, МВД России, ФСБ России, Следственного комитета России, ФСКН России и ФТС России от 5 октября 2012 г. № 32/1/9016/8/К/8-4451/208-35208/ВИ-4351/01-40/50159). Однако названный документ не проводит унификацию и не дает перечень возможных участников координационных совещаний, тем самым предоставляя главам субъектов Российской Федерации широкие полномочия по данному вопросу.

Практика показала применение различных подходов в субъектах Российской Федерации к определению состава их участников. Так, правительством Нижегородской области не предусматривалось включение прокурора в состав координационного совещания, однако в связи с настойчивой позицией Генеральной прокуратуры РФ указом губернатора области прокурор был введен в состав координационного совещания по обеспечению правопорядка. В Архангельской области по инициативе прокуратуры области были дополнительно включены руководители следственного управления Следственного комитета РФ по Архангельской области и Ненецкому автономному округу, Управления Федеральной миграционной службы по области, транспортный прокурор, военные прокуроры гарнизонов [6].

Как видим, проблема формирования персонального состава участников постоянно действующих координационных совещаний по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации решается неоднозначно и требует нормативно установленной

конкретизации. Необходимо унифицировать положения, определяющие состав участников, на федеральном уровне в целях установления их единообразия в каждом субъекте Российской Федерации.

Таким образом, в механизме обеспечения правопорядка непосредственно задействованы как правоохранительные, так и государственные органы власти субъектов Российской Федерации, являющиеся органами общей компетенции. Реализуя свои правотворческие и правоприменительные функции, они так или иначе воздействуют на поддержание качественного состояния правопорядка. В связи с этим сотрудничество и конструктивное взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации с правоохранительными органами в механизме обеспечения правопорядка являются важнейшим условием поддержания правопорядка на всей территории России.

Библиографический список

1. Безруков А. В. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России : монография. М., 2015. 191 с.
2. Безруков А. В. Обеспечение правопорядка органами публичной власти в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4(36). С. 22–26.
3. Евдокимова В. Б. О становлении конституционной законности и единства правового пространства в Российской Федерации // Право и образование. 2018. № 5. С. 48–56.
4. Алексеев С. Н. Эффективность институционально-правового механизма обеспечения правопорядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 27 с.
5. Султанова Р. М. Реализация конституционно-правовых полномочий по обеспечению общественной безопасности органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 48–53.
6. Ступаченко Е. В. Состав участников постоянно действующих координационных совещаний по обеспечению правопорядка в субъектах РФ // Законность. 2014. № 7. С. 43–47.

УДК 343.847:343.852

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.071-075

САЛИХ ХАБИБОВИЧ ШАМСУНОВ,

доктор юридических наук, профессор,

главный научный сотрудник НИЦ-1,

НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: shamsunov46@mail.ru;

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАКИНА,

научный сотрудник НИЦ-3,

НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

СОВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Для цитирования

Шамсунов, С. Х. Современные меры пресечения в деятельности уголовно-исполнительных инспекций / С. Х. Шамсунов, И. А. Лакина // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 71–75. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.071-075.

Аннотация. В статье рассматриваются меры пресечения, контролируемые уголовно-исполнительными инспекциями: домашний арест, запрет определенных действий. Представлена статистическая информация об исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста. Предложены рекомендации по проведению профилактической работы с подозреваемыми (обвиняемыми). По результатам проведенного исследования делается вывод о том, что основной целью современной уголовной и уголовно-исполнительной политики является обеспечение сдерживания преступности путем повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и в период исполнения мер пресечения с акцентом на подготовке личности к постадаптационному периоду, а также формирования положительного отношения осужденных к трудовой занятости и получению образования, создания семейных отношений, развития законопослушного поведения. Проведение подобных мероприятий будет способствовать повышению качества социальной направленности современных мер пресечения, контролируемых уголовно-исполнительными инспекциями.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, меры пресечения, домашний арест, запрет определенных действий, профилактика преступлений.

© Шамсунов С. Х., Лакина И. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Основной целью уголовной политики является обеспечение сдерживания преступности, результаты которой напрямую зависят от законодательных норм, практики применения закона, назначения справедливого наказания и его исполнения [1, с. 294].

Уголовную политику не следует рассматривать без связи с уголовно-исполнительной политикой, поскольку в некоторой части они являются следствием друг друга. Требование о стабильности уголовной и уголовно-исполнительной политики, о снижении численности осужденных лиц, содержащихся в местах лишения свободы, реформировании и улучшении деятельности уголовно-исполнительной системы отражено в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

С каждым последующим периодом изменения форм преступного поведения населения страны, криминализации или декриминализации санкции статей уголовного законодательства, способа удовлетворения потребностей как групповых, так и индивидуальных ожиданий, качества обеспечения безопасности государства, эффективной борьбы с последствиями преступности переориентируются и основные направления уголовной политики государства.

Как говорил Э. Дюркгейм, преступность – это нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно [2, с. 39]. Преступление выражается в совершении деяния, наносящего ущерб правам и свободе гражданина, законным интересам организаций, безопасности собственности и государства в целом, что приводит к формулированию норм уголовного законодательства, определению особенностей их применения и исполнения. Некоторые представления о сути рассматриваемого явления можно получить, систематизировав мнение ряда исследователей в данной сфере. Согласимся с точкой зрения, что преступления совершаются во всех обществах всех типов: не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности, борьбой с нею, последствиями, вытекающими как после отбытого срока наказания осужденным, так и после истечения срока назначенной меры пресечения. Нельзя также исключать, что любая мера пресечения оказывает негативное влияние на подозреваемого (обвиняемого) еще до вынесения решения суда о назначении наказания.

Теория и практика применения наказаний и мер пресечения определила классификацию мер государственного принуждения. Традиционно она представлена двумя группами: связанные с изоляцией (лишением свободы) личности; не связанные с изоляцией (лишением свободы) личности [3, с. 289].

В настоящее время с целью социальной направленности правоприменения органами следствия (дознания) применяются новые меры пресечения, являющиеся альтернативными заключению под стражу, что является достаточно актуальным в современных условиях. К таким мерам пресечения относятся: домашний арест (далее – арест) – введен в действие Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ; запрет определенных действий (далее – запрет) – введен в действие Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Считаем, что к рассматриваемым мерам пресечения можно употребить формулировку «меры пресечения с частичной изоляцией», поскольку запреты на передвижение с учетом времени суток и место исполнения меры пресечения являются обязательными.

Исполнение рассматриваемых мер пресечения возложено на учреждения Федеральной службы исполнения наказаний. Уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) как учреждения, исполняющие наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, непосредственно осуществляют контроль за данной категорией подучетных лиц.

Запрет определенных действий в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения и заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов. Запрет определенных действий может быть избран в любой момент производства по уголовному делу (ст. 105.1 УПК РФ). Суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может возложить следующие запреты:

1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3) общаться с определенными лицами;

4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;

6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В целях осуществления контроля могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, перечень и порядок применения которых определяются Правительством Российской Федерации.

Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение (ч. 1 ст. 107 УПК РФ).

Сегодня получила распространение идея использования инструмента уголовной политики не столько для охраны прав и свобод граждан, законных интересов организаций, правоохраняемых интересов государства или для предупреждения совершения преступлений, сколько для достижения целей социальной интеграции. Данное мнение подтверждается нормой ст. 43 УК РФ: «...наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости...». Считаем, что для поддержания доверия к государству, веры в справедливость применяемых мер уголовно-правового, уголовно-процессуального воздействия введенные в действие меры пресечения в виде залога и ареста призваны отразить рассматриваемое направление уголовной политики в широком смысле.

Подтверждением тому является статистика, свидетельствующая о том, что мера пресечения в виде ареста с каждым годом становится все более применимой в работе правоохранительных органов по определенным категориям преступлений. На конец отчетного периода на учете в УИИ лиц, находящихся под домашним арестом, состояло:

в 2013 г. – 1822 чел., 2014 – 2730, 2015 – 4215, 2016 – 5642, в 2017 г. – 6753 чел. Наблюдается существенная тенденция возрастания численности лиц, состоявших на учете в УИИ с данной мерой пресечения с 2013 по 2017 год, на 73,01 % (или в 3,7 раза).

О перспективах применения меры пресечения в виде запрета говорить еще достаточно рано, так как с момента принятия вышеуказанного Федерального закона прошло чуть больше половины года. Практика назначения и исполнения меры пресечения только формируется. Сейчас идет один из этапов становления правоприменительной деятельности, который характеризуется возникающими проблемными вопросами, спорными ответами на них и внештатными ситуациями, которые требуют оперативного принятия решения. Для объективной оценки рассматриваемого вопроса весьма проблематично обратиться к имеющейся практике исполнения подобных мер пресечения, поскольку ранее в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации сходные вопросы не подвергались дискуссиям. Однако определенные положительные моменты пока исключать не стоит. Очевидно, что законодатель предпринял попытку оптимизации имеющихся мер пресечения, которые не связаны с изоляцией подозреваемого (обвиняемого) лица от внешнего мира.

Предполагается, что, минуя условия изоляции, которые являются основополагающими при мере пресечения в виде заключения под стражу, при аресте или запрете подозреваемый (обвиняемый) находится в привычных для себя условиях – месте проживания, что обеспечивает социальную интеграцию, о которой мы говорили выше. Подобный подход обеспечивает неразрывную связь контролируемого лица с институтами семьи, образования, религии, частной собственности и другими, если это не противоречит установленным запретам.

Нельзя забывать, что присутствует и обратная сторона мер пресечения, альтернативных заключению под стражу и другим, которые контролируются уголовно-исполнительными инспекциями. С учетом личности подозреваемого (обвиняемого), тяжести совершенного общественно опасного деяния не исключается возможность совершения им преступления в период исполнения меры пресечения. Так, разрешение на выход из места исполнения меры пресечения в установленное время, отраженное в постановлении суда об избрании ареста или запрета, может подтолкнуть обвиняемого (подозреваемого) к противоправным действиям. Возможен формальный подход к установлению личности преступника в момент принятия решения судом о назначении меры пресечения, сведение личных счетов подозреваемого (обвиняемого) с потерпевшим, наличие алкогольной (наркотической) зависимости. При таких обстоятельствах риск совершения преступления контролируемым лицом может увеличиться в разы. С целью недопущения подобных ситуаций нельзя игнорировать проведение с данной категорией подучетных лиц дополнительной профилактической работы, одной из форм которой может выступать проведение психологом бесед, консультаций с обвиняемым (подозреваемым) в период исполнения меры пресечения в виде ареста или запрета. В связи с этим представляется, что ближайшей целью формулирования основных направлений современной уголовной и уголовно-исполнительной политики является разработка задач и подходов к сдерживанию преступности путем повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и в период исполнения мер пресечения, при этом необходимо акцентировать внимание на подготовке личности к постадаптационному периоду. Предполагается формирование положительного отношения к трудовой занятости и получению образования, созданию семейных отношений, развитию законопослушного поведения. Проведение подобных мероприятий

может способствовать повышению качества социальной направленности современных мер пресечения, контролируемых уголовно-исполнительными инспекциями.

Библиографический список

1. Зубкова В. И. К некоторым вопросам реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13(1–4). № 3. С. 294–298.
2. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. Современные буржуазные теории : сб. ст. : пер. с англ. М., 1966. С. 39–44.
3. Усеев Р. З. От условий свободы к условиям изоляции личности в системе наказаний и мер пресечения // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13(1–4). № 3. С. 289–293.

УДК 343.827:343.13

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.076-079

ОЛЬГА ИВАНОВНА НЕСТЕРОВА,

доктор исторических наук,
старший инспектор по особым поручениям
отдела уголовно-исполнительного законодательства,
планирования и проведения служебных проверок правового управления,
Федеральная служба исполнения наказаний,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: nolga.777@yandex.ru;

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА ГНЕДОВА,

старший научный сотрудник НИЦ-1,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: gnedova.74@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ДАННЫХ ПРИ УСТАНОВКЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОБЕГОВ ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Для цитирования

Нестерова, О. И. Использование оперативно-розыскных данных при установке обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании побегов из исправительных учреждений / О. И. Нестерова, Н. П. Гнедова // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 76–79. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.076-079.

Аннотация. Побег является одним из самых распространенных преступлений осужденных в местах лишения свободы. Ежегодно доля побегов осужденных составляет около 17 % от общего количества зарегистрированных преступлений. В тех случаях, когда решение о возбуждении уголовного дела принимается немедленно после получения заявления или сообщения о побеге, выявление и закрепление следов преступления производится в кратчайшие сроки в процессе производства оперативно-розыскных мероприятий и неотложных следственных действий, оперативно принимаются меры к розыску и задержанию сбежавших.

Ключевые слова: обыск, выемка, исправительное учреждение, осужденный, преступление, оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия, оперативно-розыскные данные, криминалистическая характеристика.

© Нестерова О. И., Гнедова Н. П., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Побеги бывают различных видов: ситуативные, с предварительной подготовкой, групповые, одиночные, с применением насилия, без применения насилия, с применением оружия, без применения оружия, тайные, с использованием транспортных средств [2, с. 177]. В любом случае указанные преступления в зависимости от способа их совершения имеют свою специфику, которая определяется степенью общественной опасности, характером деяния, условиями его совершения и т. д.

В зависимости от условий для успешного расследования побегов из мест лишения свободы сотрудники исправительного учреждения и правоохранительных органов, используя результаты оперативно-розыскных данных, должны прежде всего определить обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании. Так, В. И. Соколовский совершенно верно приводит подобные обстоятельства [5, с. 11].

Установление времени совершения побега позволяет сделать предположительный вывод о том, на какое расстояние могли уйти бежавшие и какие средства передвижения могли быть ими использованы. С учетом времени совершения побега определяется, какое количество лиц нужно для преследования, где выставить посты, кому, куда выезжать и на какое время, какие при этом использовать транспортные средства, какие органы внутренних дел информировать и какая их помощь необходима.

Фактор времени имеет большое значение на протяжении всего расследования. Своевременное получение информации о совершенном преступлении позволяет принять меры к обнаружению и закреплению следов преступления, направить усилия органов расследования на быстрое и полное раскрытие преступления.

Зная время побега, можно судить о причинной связи между побегом и другим преступлением, совершенным в исправительном учреждении либо за его пределами в этот отрезок времени.

Используя данные оперативно-розыскных мероприятий, возможно определить:

- использование посторонней помощи и предоставление укрытий;
- сообщников, которые снабжали деньгами, продуктами питания, одеждой;
- с какого времени бежавший находился за пределами исправительного учреждения;
- места его пребывания после побега;
- возможность совершения новых преступлений;
- особенности задержания (не оказывал ли сопротивление, в чем оно выразилось).

Установление места побега способствует обнаружению вещественных доказательств, выявлению очевидцев побега, позволяет правильно организовать преследование бежавшего с использованием служебно-розыскной собаки. На месте совершения побега иногда возможно определить количество лиц, совершивших побег, установить способ побега и в некоторых случаях предположить о содействии других лиц, а также провести различные следственные действия, в том числе следственный эксперимент.

В процессе раскрытия преступления очень важно установить способ совершения побега. Криминалистическая и оперативно-розыскная деятельность включают способ совершения преступлений в предмет своего исследования в качестве одной из закономерностей процесса возникновения доказательств. Они изучают способ совершения преступления как определенное явление действительности, качественная характеристика которого предусматривает анализ поведения субъекта, изучение содержания и последовательности действий в определенной среде и другие вопросы. На основе знания закономерностей способа, причин и форм его повторяемости разрабатываются средства, приемы и методы обнаружения, собирания, исследования и фиксации доказательств.

При расследовании и предупреждении побегов осужденных из исправительных учреждений изучение способов совершения побегов служит основой для разработки методики расследования этого вида преступления; определяет тактические приемы проведения первоначальных и иных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; лежит в основе разработки новых и усовершенствования существующих технико-криминалистических средств, приемов и методов обнаружения, фиксации и исследования доказательств, а также инженерно-технических средств охраны осужденных; позволяет выявить условия, способствовавшие совершению побегов, и предположить о наличии пособников, прогнозировать возможные способы совершения побегов и разрабатывать рекомендации по их предотвращению; дает возможность принимать необходимые меры к повышению профессионального уровня сотрудников исправительного учреждения, боевых и служебных навыков сотрудников подразделений охраны в борьбе с побегами [3, с. 125].

В процессе расследования подлежат доказыванию также виновность подозреваемого (обвиняемого) и его мотивы побега. Побег всегда совершается с прямым умыслом, тем не менее обвинение должно быть основано на фактах, подтверждающих умышленность вины. При этом необходимо учитывать обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности подозреваемого (обвиняемого), указанные в ст. 313 УК РФ, а также иные обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого).

Очень важно установить степень ответственности каждого при совершении групповых побегов, мотивы, которыми руководствовались бежавшие. Выяснение мотива побега дает возможность не только установить психическое состояние осужденного в момент совершения преступления, выявить причины противоправного поведения, но и правильно определить форму вины, степень общественной опасности, возможность воздействия на психику таких лиц. Мотив всегда предшествует преступному поведению и побуждает к его совершению.

Изучение уголовных дел о побегах осужденных из исправительных учреждений различных видов режима показало, что мотивы совершения данного преступления однотипны. Наиболее распространенными оказались такие, как стремление побывать на свободе, тяжелое положение в семье и желание повидать родственников, убеждение в несправедливости приговора, стремление попасть в другое исправительное учреждение, отказ в условно-досрочном освобождении, тяжелые климатические условия и т. д. [4, с. 193].

Перечень указанных выше мотивов не является исчерпывающим. Могут быть и другие. Выяснение мотивов побега представляет определенную трудность. Зная о том, что мотивы учитываются судом при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности и назначении наказания, осужденные, совершившие побег, тщательно скрывают их [1, с. 218]. В силу этого в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства нельзя ограничиваться только одним заявлением осужденного о тех или иных мотивах побега, необходимо тщательно исследовать другие доказательства, подтверждающие или опровергающие такое заявление.

При совершении побегов с использованием различных транспортных средств или с созданием благоприятных условий материальной базе исправительного учреждения причиняется ущерб.

Библиографический список

1. Грязева Н. В. Методика расследования побегов из мест лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 234 с.
2. Мальчук О. И. Средства профилактики побегов из мест лишения свободы // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2017. С. 176–178.
3. Нуждин А. А. Структура тактических операций, проводимых в целях пресечения преступлений с использованием телекоммуникационных систем в исправительных учреждениях // Закон и право. 2016. № 10. С. 125–126.
4. Понкратов В. А. Организация деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов по предупреждению побегов : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 267 с.
5. Соколовский В. И. Расследование побегов из исправительно-трудовых колоний : пособие. Л., 1983. 78 с.

УДК 343.3

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.080-086

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА НЕЧАЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Российская Федерация,
e-mail: nechaeva_ev@mail.ru;

ЭЛЬВИРА ЮРЬЕВНА ЛАТЫПОВА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
г. Казань, Российская Федерация,
e-mail: elatypova@ieml.ru;

ЭДУАРД МАГАСУМЬЯНОВИЧ ГИЛЬМАНОВ,

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
г. Казань, Российская Федерация,
e-mail: elegys@mail.ru

ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЦИФРОВУЮ ИНФОРМАЦИЮ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Для цитирования

Нечаева, Е. В. Посягательства на цифровую информацию: современное состояние проблемы / Е. В. Нечаева, Э. Ю. Латыпова, Э. М. Гильманов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 80–86. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.080-086.

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние проблемы уголовной ответственности за посягательства на цифровую информацию, их динамика и влияние на технологический и промышленный потенциал России, а также негативные последствия совершения преступлений в сфере цифровой информации. Широкое использование информационно-коммуникационных технологий является неотъемлемым требованием времени, представляя собой индикатор развития экономики. Однако поступательному развитию информационно-коммуникационных технологий мешает увеличение доли информационной преступности.

Анализируются статистические данные о преступлениях, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, делается вывод о постоянном увеличении их количества. Определяются приоритетные задачи в рассматриваемой сфере: необходимость коррекции действующего за-

© Нечаева Е. В., Латыпова Э. Ю., Гильманов Э. М., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

конодательства как не соответствующего требованиям развития информационного пространства, в частности закрепление термина «цифровая информация» вместо устаревшего «компьютерная информация»; исследование способов использования цифровой информации при совершении преступлений ряда других групп (доведение до самоубийства, страховое мошенничество, незаконный оборот наркотических средств и т. п.); использование математических методов для прогнозирования преступности в сфере цифровой информации; рассмотрение возможности применения в отношении лиц, совершивших посягательства на цифровую информацию, наказания в виде обязательных, исправительных и принудительных работ; обсуждение проблемы использования вредоносного программного обеспечения, которое устанавливается без ведома пользователя, а также возможности привлечения к дисциплинарной ответственности за неосмотрительные действия лица, обязанного соблюдать необходимые требования пользователя; освещение проблемы обезличивания информации, собираемой и передаваемой различными мессенджерами; критический взгляд на потенциал иностранных государств как угрозу национальным интересам в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: цифровая информация, компьютерная информация, преступления, интернет, вредоносные программы, негласное получение информации, информация, неправомерный доступ к компьютерной информации.

Укрепление обороноспособности страны и ее национальной безопасности во многом зависит от активного развития информационного общества как в глобальном, так и в национальном масштабе. Современные информационно-телекоммуникационные устройства обладают поистине огромным потенциалом, однако процесс их активного использования во всех сферах общества неизбежно повлечет за собой ряд негативных явлений, таких как неуклонный рост числа преступлений в сфере обращения цифровой информации. Это подтверждает необходимость анализа современного состояния проблемы уголовной ответственности за посягательства на цифровую информацию, а также смежных вопросов уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий.

Целесообразно провести исследование общественных отношений, складывающихся в сфере уголовно-правовой регламентации посягательств на цифровую информацию, целью которого является уяснение уголовно-правовой природы посягательств на цифровую информацию, а также обоснование предложений по совершенствованию и повышению эффективности уголовного законодательства в области регламентации уголовной ответственности за отдельные виды преступлений в сфере цифровой информации и практики применения наказания за преступления данной группы.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) использует термин «преступления в сфере компьютерной информации», однако считаем, что такое определение является чрезмерно узким в связи с тем, что современное развитие науки и техники привело к повсеместному использованию именно цифровой, а не компьютерной информации. Можно поддержать мнение И. Р. Бегишева о том, что «под цифровой информацией понимаются сведения (сообщения, данные), обращающиеся в информационно-телекоммуникационных устройствах, их системах и сетях» [1, с. 9]. Отметим, что в нормативно-правовых актах Российской Федерации используются синонимичные термины «компьютерная

информация», «цифровая информация» и «электронная информация», что неизбежно приводит к определенной путанице в терминологии. Следует также иметь в виду, что содержание данных понятий, несмотря на их несомненную близость, различно. При этом наиболее полным из указанных терминов является именно используемый нами «цифровая информация», так как в конечном итоге вся информация, используемая в информационно-телекоммуникационных сетях, сводится к использованию определенной последовательности нулей и единиц.

Аналогичная нестабильность в толковании данного понятия присутствует и в криминологии, где используются термины «компьютерная преступность», «преступность в сфере высоких технологий», «преступность в сфере компьютерной информации» [2, с. 133].

Можно констатировать, что в настоящее время понятие «информационная безопасность» только проходит стадию своего развития, и само понятие только формируется и наполняется специфическим содержанием.

К посягательствам на цифровую информацию, по нашему мнению, следует отнести деяния, предусмотренные ст. 138.1 «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации», ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации», ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ», ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» и ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» УК РФ. Отметим, что последний из указанных составов (ст. 274.1 УК РФ) был введен в УК РФ только 26 июля 2017 г. (Федеральный закон № 194-ФЗ). Необходимо также иметь в виду, что цифровая информация может использоваться и для совершения преступлений других групп, например, доведения до самоубийства [3, 4], совершения сексуальных домогательств в отношении несовершеннолетних или иных лиц и др. В частности, страховое мошенничество также может совершаться при помощи информационно-телекоммуникационных технологий (ИТК) [5, с. 79]. Широкое распространение получил незаконный оборот наркотиков посредством информационно-телекоммуникационных сетей [6, с. 349–353].

Посягательства на цифровую информацию могут выражаться также в использовании ИКТ с целью пропаганды идеологии терроризма, ксенофобии, экстремизма, распространения идей национальной исключительности, дестабилизации общественно-политической обстановки в стране и т. п.

На изощренность методов, способов и средств совершения посягательств на цифровую информацию указывается даже в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, что подтверждается и статистическими данными. Так, по состоянию на 1997 г. в России было зарегистрировано только 23 преступления в сфере компьютерной информации, тогда как в 2016 г. их было уже 1748 [7], однако реальные цифры намного превышают данные официальной статистики [1].

В 2017 г. официальные данные свидетельствуют о наличии 90 587 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, из которых раскрыто 20 424: среди преступлений, предварительное следствие по которым обязательно, зарегистрировано 62 404, а раскрыто из них 15 986, раскрываемость при этом составила всего 28,1 %, что подтверждает наш вывод о значительной латентности исследуемых посягательств [8]. Непосредственно в сфере компьютерной информации совершено 1883 преступления, 726 из которых было раскрыто. Что касается престу-

плений, предварительное следствие по которым необязательно, то с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий совершено 28 183 преступления, из которых раскрыто 27 680 (98,2 %), то есть практически все совершенные таким способом деяния.

За первые восемь месяцев 2018 г. (январь – август) с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий совершено 107 980 преступлений, из которых раскрыто 20 075. Количество преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, по которым обязательно предварительное расследование, за данный период составило 80 419, из которых раскрыто 21 081. Непосредственно в сфере компьютерной информации совершено 1653 преступления, из которых раскрыто 383 (28,1 %). Число преступлений, предварительное следствие по которым необязательно, с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий составило 27 561, из которых раскрыто 27 126 (98,4 %) [9], что вполне согласуется с данными за 2017 г.

Для прогнозирования преступности в сфере цифровой информации можно использовать математические формулы, предложенные некоторыми авторами, которые справедливо отмечают, что методы математического прогнозирования отличаются объективностью, достоверностью и точностью получаемых результатов при условии правильного выбора математической модели [10].

Под посягательством на цифровую информацию следует понимать предусмотренное уголовным законом виновно совершенное общественно опасное деяние, нарушающее конфиденциальность, целостность, достоверность и доступность цифровой информации, охраняемой законом.

Данное положение поддерживается и И. Р. Бегишевым, обоснованно указывающим, что защищаемыми свойствами цифровой информации ограниченного доступа является ее конфиденциальность, целостность и достоверность, а общедоступной информации – ее целостность, достоверность и доступность [1, с. 10].

В частности, производитель антивирусного программного обеспечения компания AVIRA утверждает, что ежедневно в мире совершается более 4,4 млн веб-атак, в связи с чем каждому пользователю Интернета необходима надежная защита, и предлагает для этого новый программный антивирусный продукт Internet Security Suite.

Интересным и перспективным представляется использование в отношении лиц, совершающих посягательства на цифровую информацию, принудительных, исправительных или обязательных работ. Принудительный труд зарекомендовал себя как средство действенного исправительного воздействия не только в России, но и в зарубежных странах [11, с. 97–102; 12, с. 41–46]. Не менее эффективно использование в качестве дополнительного наказания лишения права заниматься определенной деятельностью [13], а также принудительных работ [14, с. 45–49], которые, к сожалению, не получили до сих пор практического применения.

В отношении государственных служащих, допустивших совершение посягательств на цифровую информацию, необходимо предусмотреть процедуру привлечения к дисциплинарной ответственности. В то же время следует тщательно избегать привлечения к уголовной ответственности лиц, которые могли совершить посягательство на цифровую информацию случайно, так как часто лицо, допустившее такое правонарушение, не осознает и не допускает для себя саму возможность его совершения, однако вследствие элементарной неосмотрительности все же совершает такое правонарушение. Например, это может касаться ситуации загрузки какой-либо программы или приложения из GooglePlay либо AppStore.

Достаточно часто пользователь незаметно для себя скачивает вредоносное программное обеспечение, когда приобретает его в AppStore или GooglePlay. Такое программное приложение может, например, активировать динамики и слушать звуки вокруг, передавая полученную информацию заинтересованным лицам (рекламодателям и др.), либо снимать данные пользователя о его онлайн-картах, паролях, логинах, с помощью чего мошенники могут атаковать телефон пользователя или снять с его электронных карт деньги. Приложения могут собирать довольно детальную информацию о пользователе, вплоть до истории браузера или домашнего адреса и мест нахождения пользователя, что может использоваться для предложения пользователю так называемой таргетированной рекламы [15].

Определенные проблемы возникают в отношении метаданных, которые собираются отдельными мессенджерами (например, WhatsApp, Google и др.), передающими эти данные в обобщенном виде рекламным компаниям. SEO-специалисты считают это стандартной практикой, о которой пользователь извещается при ознакомлении с политикой конфиденциальности этих мессенджеров. Только при согласии с ним пользователь получает возможность продолжить работу с конкретным мессенджером. Поисквик в процессе работы анализирует текст, отправляемый пользователем.

WhatsApp, например, объясняет: «Мы сотрудничаем со сторонними организациями, которые помогают нам обеспечивать работу, предоставлять, совершенствовать, анализировать, настраивать, поддерживать и продвигать наши сервисы. Предоставляя информацию этим организациям, мы требуем, чтобы они использовали ваши данные в соответствии с нашими инструкциями».

Обязательным требованием является необходимость обезличивания передаваемой информации, что исключает возможность получения данных о конкретном адресате. Однако можно отметить некое пересечение использования цифровой информации и личной безопасности пользователя, а также возможного совершения при помощи цифровой информации преступлений религиозного, экстремистского [16] и террористического характера.

Несмотря на то что разработчики передают данные на сервере в обезличенном и зашифрованном виде, злоумышленники могут перехватить необходимую им информацию и расшифровать ее. Такие атаки получили собственное наименование MITM (Man in the middle), и в качестве противодействия им разработчики должны проверять свои приложения на предмет возможных посягательств со стороны злоумышленников [15].

Доминирующим фактором развития информационно-телекоммуникационных технологий является действующее законодательство страны, включая уголовное, что отражает как государственную политику в указанной сфере, так и правила поведения юридических и физических лиц на территории России. Считаем, что к законодательству в сфере ИКТ можно относить весь комплекс общественных отношений, связанных с производством информации, ее распространением, использованием и обеспечением доступа к ней, как свободного, так и ограниченного (конфиденциальность информации).

Предлагаем изменить название ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» УК РФ на более соответствующее ее содержанию – «Мошенничество с использованием цифровой информации». Данное предложение неоднократно высказывалось учеными-теоретиками (например, И. Р. Бегишевым [1, с. 22]), однако законодатель данное предложение пока не воспринимает.

Необходимо также выработать математическую модель предупреждения посягательств на цифровую информацию для реализации возможности определить будущее

и спрогнозировать результаты социальных, экономических и политических изменений. Данное положение подкрепляется выводами С. В. Максимова и др. [17]. Это подтверждается и возрастающим потенциалом иностранных государств в сфере ИКТ, и возникающими в связи с этим вызовами и угрозами в научной сфере, в работе государственных органов власти, промышленных комплексов и др.

Библиографический список

1. Бегишев И. Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 31 с. URL : http://kpfu.ru/dis_card?p_id=2404 (дата обращения: 28.10.2018).
2. Мочалов И. А., Шалагинова О. Б. Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий как угроза национальной безопасности страны // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2016. № 1. С. 131–136.
3. Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–12. DOI : 10.17150/2500-4255.2017.11(1). 5-12.
4. Бычкова А. М., Раднаева Э. Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 101–115. DOI : 10.17150/2500-4255.2018.12(1).101-115.
5. Латыпова Э. Ю. Страховое мошенничество как посягательство на права потребителей: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы правового регулирования и правоприменительной практики в сфере защиты прав потребителей : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. П. Кулешова, И. Г. Гараев. М., 2017. С. 78–81.
6. Умаров М. Р., Нечаева Е. В. Незаконный оборот наркотиков в Интернете // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 349–353.
7. Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России. URL : <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 28.09.2018).
8. Общие сведения о состоянии преступности // Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 года. URL : https://file:///C:/Users/123/Documents/Downloads/Sostoyanie_prestupnosti_yanvary-dekabry_2017.pdf (дата обращения: 28.09.2018).
9. Общие сведения о состоянии преступности // Состояние преступности в России за январь – август 2018 года. URL : https://file:///C:/Users/123/Documents/Downloads/Sb_1808.pdf (дата обращения: 28.09.2018).
10. Цифровая криминология: математические методы прогнозирования / А. П. Суходолов [и др.]. Ч. 2 // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 323–329.
11. Krymov, A., Rodionov, A. & Skiba, A. 2017, 'Certain Aspects of the Interbranch Regulation of the Convictis' Labor Organization in France', *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, vol. VIII, iss. 1(23), pp. 97–102, DOI : 10/14505/jarle.v8.1(23).11.
12. Крымов А. А., Родионов А. В., Скиба А. П. Правовое регулирование организации труда осужденных в пенитенциарных учреждениях Германии // Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1. С. 41–46.

13. Гильманов Э. М., Латыпова Э. Ю. Некоторые проблемы наказания за незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Н. В. Хураськина. М., 2016. Ч. 2. С. 361–363.

14. Нечаева Е. В. Перспективы трансформации наказания в виде принудительных работ // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 1. С. 45–49.

15. Как узнать, что вас прослушивают через ваши гаджеты. URL : <https://hi-tech.mail.ru/review/proshchaj-lichnoe-prostranstvo-kto-i-kak-proslushivaet-nashi-gadzhety/#a02> (дата обращения: 05.11.2018).

16. Ярусова А. С., Латыпова Э. Ю. Мотив национальной или религиозной ненависти или вражды как элемент преступлений террористического характера // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Н. В. Хураськина. М., 2016. Ч. 2. С. 593–597.

17. Максимов С. В., Васин Ю. Г., Утаров К. А. Цифровая криминология как инструмент борьбы с организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 476–484. DOI : 10.17150/2500-4255.2018.12(4).476-484.

УДК 351.741

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.087-093

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КИСЕЛЕВ,доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры мобилизационной
и тактико-специальной подготовки,Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kamkis@bk.ru

КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ УРОВНЯ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ К ДЕЙСТВИЯМ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

Для цитирования

Киселев, А. М. Критерии и показатели уровня готовности сотрудников правоохранительных органов к действиям в кризисных ситуациях / А. М. Киселев // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 87–93. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.087-093.

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме выявления оптимальных критериев готовности персонала правоохранительных органов к деятельности в кризисных ситуациях. Анализ ранее проведенных исследований показал, что при выработке критериев оценки какого-либо качества целесообразно выделять те из них, которые объективно отражают признаки, присущие изучаемому качеству. Применительно к процессу формирования навыков и качеств, необходимых для действий в сложной оперативной обстановке, понятие «критерий» следует рассматривать как элемент контроля эффективности сформированности навыков и качеств. Опыт функционирования подразделений различных отечественных и зарубежных государственных силовых ведомств дает право утверждать о том, что для оценки уровня готовности личного состава правоохранительных органов к действиям в кризисных ситуациях возможно применение нескольких обобщающих критериев: мотивационного, деятельностного и результативного. В ранге компонентов критериев выступают оценочные показатели, способствующие более объективной оценке конкретного направления (стороны, проявления) деятельности обучаемого из всего многообразия факторов профессиональной готовности к действиям в кризисных ситуациях. Используя показатели, гораздо удобнее определить ее итоговый уровень. Проведенный эксперимент вскрыл показатели, характерной особенностью которых, в отличие от традиционных, применяемых в ведомственных образовательных организациях, является не оценка приобретенных знаний, умений и навыков, а определение уровня способности сотрудни-

© Киселев А. М., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ков правоохранительных органов эффективно выполнять свои функциональные обязанности в кризисных ситуациях.

Выявленные критерии и показатели оценки готовности персонала правоохранительных органов к действиям в кризисных ситуациях прошли успешную апробацию и при проведении тактико-специальных учений. Научный подход к разработке представленных в статье критериев и показателей, их апробация в ходе учебных занятий и тактико-специальных учений, проводимых в рамках служебной подготовки, позволили дать объективную и всеобъемлющую оценку специальным навыкам и качествам, сформировавшимся у сотрудников, а также определить систему организационных и педагогических мер, способных значительно повысить уровень готовности личного состава правоохранительных структур к деятельности в кризисных ситуациях.

Ключевые слова: правоохранительные органы, персонал, кризисные ситуации, оценочные критерии и их показатели, профессиональная деятельность, служебная подготовка.

Авторское исследование по подбору и диагностике оценочных критериев уровня готовности персонала правоохранительных органов к действиям в сложной оперативной обстановке, являющееся весьма актуальным на современном этапе развития отечественной правовой культуры, условно можно разделить на три периода:

- 1) анализ разнообразия научных подходов к пониманию сущности критериев и показателей оценки развития профессионально значимых качеств;
- 2) осмысление научных изысканий, относящихся к проблемам организации профессионального образования сотрудников правоохранительных органов;
- 3) определение критериев и показателей уровня готовности личного состава к действиям в сложной оперативной обстановке и их классификация.

Анализ отдельных психолого-педагогических исследований показал, что при выработке критериев оценки качеств (явлений) следует в первую очередь выявлять те из них, которые объективно отражают признаки, присущие изучаемому качеству (явлению). Применительно к процессу формирования навыков и качеств, необходимых для действий в сложной оперативной обстановке, целесообразно, на наш взгляд, понятие «критерий» рассматривать элементом контроля эффективности их (навыков, качеств) сформированности, а содержание самого критерия раскрывать исходя из учета совокупности всех его показателей. Это позволит, кроме всего прочего, оценить интенсивность исследуемого процесса.

С научной точки зрения интересным выглядит разнообразие исследовательских методов, применяемых при определении тех или иных критериев оценки сформированности различного рода знаний, умений, навыков, качеств. Некоторые ученые за главный критерий принимают результативность деятельности [1, с. 63–65], другие – качество исполнения определенных заданий [2, с. 3], третьи – степень усвоения необходимых умений, навыков, качеств [3, с. 32–37].

Изучение многообразия подходов к выработке критериев оценки профессиональной деятельности и личный служебный опыт позволили автору констатировать, что подготовку к действиям в кризисных ситуациях в большей степени эффективно оценивать по конкретным поступкам (делам), и, следовательно, данный критерий целесообразно принять за интегральный. Однако для детализации оценки, наряду с выделением общего (интегрального) критерия, требуется его дифференциация. При этом самое при-

стальное внимание следует обратить на то, чтобы критерии могли учитывать специфику (вид, особенности, характер) профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, а также являлись достоверными, удобными в применении и согласованными с общим критерием.

С целью определения оптимальных критериев и показателей оценки готовности персонала к деятельности в кризисных ситуациях был осуществлен констатирующий эксперимент. В процессе его проведения учитывались мнения руководителей групп служебной подготовки привлекаемых практических органов и подразделений. В результате было выявлено, что более всего для оценки уровня профессиональной готовности персонала пригодны следующие характеристики: личностный интерес к приобретению специальных навыков и качеств; добросовестность в выполнении служебного долга; осознание значимости приобретенных функций для деятельности в кризисных ситуациях.

Анализ научных источников и практики функционирования подразделений различных отечественных и зарубежных государственных силовых ведомств дает право утверждать, что для оценки уровня готовности личного состава правоохранительных органов к действиям в кризисных ситуациях возможно применение нескольких обобщающих критериев. Считаем, что для сравнения вполне уместно в качестве примера привести критерии оценки эффективности профессионального обучения, апробированные американским исследователем Киркиатриком:

1) реакция обучаемых на само обучение (осознают ли они его как необходимость, мотивированы ли они для получения специальных знаний и навыков);

2) результативное поведение обучаемых (то, что они усвоили знания и навыки, совсем не значит, что они будут ими применены);

3) эффективное использование результатов специальной подготовки.

Анализ апробации в ходе экспериментальной работы множества критериев, в том числе использовавшихся Киркиатриком, мнения начальствующего, профессорско-преподавательского состава и обучаемого персонала позволили определить оптимальные критерии оценки готовности сотрудников правоохранительных органов к действиям в кризисных ситуациях: мотивационный, деятельностный, результативный.

Констатирующий эксперимент показал, что выявленные критерии являются базовыми для дифференцирования их на отдельные составляющие (компоненты, характеристики, признаки, факторы), с помощью которых можно оценить сформированные у обучаемых навыки и качества более эффективно. В ранге таких составляющих выступают оценочные показатели, так как они, являясь компонентом критерия, помогают объективно оценить конкретное направление (сторону, проявление) деятельности обучаемого из всего многообразия профессиональной готовности к действиям в кризисных ситуациях, и тогда, основываясь на показателе, гораздо удобнее определить ее итоговый уровень.

Опытно-экспериментальная работа способствовала определению именно таких показателей, которые помогли в наивысшей степени объективно оценивать уровень профессиональной готовности персонала. При этом следует подчеркнуть, что характерной особенностью данных показателей, в отличие от традиционных, применяемых в ведомственных образовательных организациях, является не оценка приобретенных знаний, умений и навыков, а определение уровня (низкий, средний, высокий) способности сотрудников правоохранительных органов эффективно выполнять свои функциональные обязанности в кризисных ситуациях (табл. 1).

Таблица 1

Критерии и показатели готовности сотрудников к действиям в кризисных ситуациях

Критерии	Показатели
Мотивационный	– выраженность профессионально значимых целей; – положительная мотивация в профессиональной подготовке и служебной деятельности; – стремление к профессиональному самосовершенствованию
Деятельностный	– качество и результативность обучения; – профессиональная направленность поведения; – эффективность целостной профессиональной подготовки
Результативный	– качество выполнения служебных задач, связанных с профессиональной деятельностью в кризисных ситуациях; – активность в изучении вопросов, перспективных задач, выходящих за рамки учебной программы; – итоговый уровень готовности

Результаты опытно-экспериментальной работы подтвердили способность отображенных в таблице критериев и показателей профессиональной готовности объективно оценивать сформированные у личного состава правоохранительных органов специальные навыки и качества, необходимые для деятельности в кризисных ситуациях.

Тем не менее для определения уровня готовности конкретного сотрудника только качественных характеристик критериев, к которым относятся показатели, бывает не всегда достаточно. Нужны, как правило, и количественные оценки показателей. Для их определения на всех этапах опытно-экспериментальной работы по каждому из представленных выше показателей на основании трехбалльной шкалы осуществлялись замеры уровня сформированности навыков и качеств:

- 3 балла – показатель ярко выражен и в служебной деятельности проявляется регулярно;
- 2 балла – показатель выражен заметно, однако проявляется при решении служебных задач непостоянно (от случая к случаю);
- 1 балл – показатель выражен ограниченно и проявляется в служебной деятельности крайне редко (слабо).

По выставленным сотруднику оценкам подсчитывался средний балл индивидуального уровня сформированности специальных навыков и качеств, затем (на основе среднего балла) выводилось среднее арифметическое значение в контрольных и экспериментальных группах (М). Опуская описание используемых математических формул и методов, в качестве резюме представим полученные результаты эксперимента:

- контрольная группа № 1 – $M = 2,11$;
- контрольная группа № 2 – $M = 2,24$;
- экспериментальная группа № 1 – $M = 2,91$;
- экспериментальная группа № 2 – $M = 2,87$.

Полученные количественные оценки сформированности специальных навыков и качеств у сотрудников правоохранительных органов для их действий в кризисных ситуациях показали верность нашего подхода к повышению эффективности служебной подготовки личного состава. Контроль достоверности данных, осуществленный при помощи доверительного интервала для пятипроцентного уровня значимости, подтвердил, что отличия в цифровых показателях контрольных и экспериментальных групп не являются случайными. В целом

же работа, проведенная по установлению количественных величин, во взаимодействии с дифференцированным использованием разнообразных способов анализа способствовала определению уровней развития показателей и критериев оценки готовности персонала правоохранительных органов к действиям в кризисных ситуациях.

Например, уровень выраженности показателей мотивационного критерия определялся с помощью анализа ответов сотрудников на теоретических занятиях, посредством опросов руководителей занятий и индивидуальных бесед с обучаемыми. Развитие показателей деятельностного критерия определялось на основании анализа журналов успеваемости, зачетных ведомостей, дневников наблюдений, отчетов о проведении служебных командировок, а также с помощью личных наблюдений, экспертных оценок руководителей подразделений, обобщения независимых характеристик. Уровень показателей результативного критерия оценивался, как правило, по отзывам на сотрудников из правоохранительных органов и подразделений, по документам, отражающим результаты, достигнутые выпускниками ведомственных вузов за первые два года службы, на основании анализа материалов аттестационных комиссий.

В ходе сопоставления полученных цифровых данных с качественно-количественными показателями уровней готовности персонала к профессиональной деятельности в кризисных ситуациях выявлялись сотрудники, обладающие разным уровнем готовности, что вполне естественно. По сопоставленным показателям их (сотрудников) можно дифференцировать на три группы: с низким уровнем готовности к действиям в кризисных ситуациях (1,0–1,5 балла), средним (1,6–2,5 балла) и высоким (2,6–3,0 балла). Рассмотрим каждый из данных уровней.

1. Низкий уровень готовности личного состава характеризуется слабо выраженными показателями по всем критериям. У таких сотрудников нет ни желания, ни психологической готовности к деятельности в сложных условиях, связанных с риском для жизни и здоровья, недостаточно сформированы навыки для успешного их применения в профессиональной деятельности.

2. Персонал, имеющий средний уровень, обладает заметной выраженностью показателей представленных критериев. Деятельность данных сотрудников является осознанной, но практическая реализация ее осуществляется неуверенно, по принципу «как бы чего не вышло».

3. Личный состав с высоким уровнем готовности к действиям в кризисных ситуациях обладает ярко выраженными, развитыми показателями всех без исключения критериев. Выполнение такими сотрудниками своих функциональных обязанностей в сложных условиях происходит «на автоматизме», действия их подкреплены высокой степенью психологической готовности, максимальным уровнем приобретенных в процессе подготовки специальных навыков и стремлением отыскать оптимальные решения возникших служебных задач.

Примененные автором критерии оценки готовности персонала правоохранительных органов к действиям в кризисных ситуациях прошли успешную апробацию и при проведении тактико-специальных учений. Оценивая деятельность игровых коллективов все по той же трехуровневой шкале, мы использовали несколько иные, чем при выставлении индивидуальной оценки, показатели:

– автономность (умение выполнять задачу самостоятельно, в отрыве от главных сил (других подразделений), используя исключительно внутриколлективные знания, навыки и качества);

– взаимодействие (согласованность в достижении конечной цели, взаимопомощь, взаимозаменяемость);

– инициативность (способность к разумной инициативе, наличие неподдельного интереса к игровым ситуациям);

– результативность (проявление эффективной деятельности, неприятие пассивности, достижение оптимального результата).

Эксперимент, проведенный в ходе тактико-специальных учений, показал живучесть и эффективность применяемой методики оценки действий обучаемых. Полагаем, что апробированные показатели целесообразно применять не только посредникам на учениях, но и руководителям практических занятий, ролевых игр, групповых упражнений.

Исследование эффективности оценочных критериев и показателей готовности личного состава правоохранительных органов к действиям в кризисных ситуациях способствовало определению интегральной тенденции для всего процесса профессиональной подготовки сотрудников, а именно: опережающее развитие показателей деятельностного и результативного критериев по отношению к показателям мотивационного критерия. Данное обстоятельство объясняется, на наш взгляд, тремя условиями:

а) целенаправленной эффективной педагогической деятельностью, осуществляемой руководителями занятий (учений) на протяжении всего эксперимента;

б) ростом самосознания обучаемых в необходимости достижения предложенных руководителями промежуточных и конечных целей учебных занятий;

в) более зрелой оценкой профессиональной деятельности в сложных условиях оперативной обстановки как руководителями занятий, так и личным составом обучаемого подразделения.

Зафиксированное нами недостаточно активное развитие составляющих мировоззренческого критерия связано с тем, что его показатели объективно предполагают для этого более длительный временной отрезок, выходящий за рамки проведенного исследования.

Научный подход к разработке представленных в статье критериев и показателей, их апробация в ходе учебных занятий и тактико-специальных учений, проводимых в рамках служебной подготовки, позволили дать объективную и всеобъемлющую оценку специальным навыкам и качествам, сформировавшимся у сотрудников, а также определить четкую систему организационных и педагогических мер, повышающих уровень готовности личного состава правоохранительных структур для деятельности в кризисных ситуациях.

В заключение необходимо отметить, что руководителям практических органов и подразделений правоохранительных структур (ведомств) при организации служебной подготовки подчиненного личного состава следует учитывать тот факт, что уровень готовности отдельного сотрудника к действиям в кризисных ситуациях не является статичным показателем. При грамотном подходе к организации процесса обучения этот показатель обладает положительной динамикой, что убедительно подтверждается результатами опытно-экспериментальной работы (табл. 2).

Таблица 2

Результаты опытно-экспериментальной работы

Годы проведения замеров	Уровни готовности личного состава к действиям в кризисных ситуациях, %		
	Низкий	Средний	Высокий
2016	27,8	65,4	6,8
2017	25,6	66,9	7,5
2018	23,7	67,6	8,7

Эксперимент показал, что подобное и более значимое повышение цифровых (как, впрочем, и качественных) значений показателей готовности может быть достигнуто, например, путем использования в процессе специальной подготовки к действиям в кризисных ситуациях активных способов проведения учебных занятий (упражнений), способствующих усилению их целевой практической направленности, а также моделирования служебных ситуаций, специфичных для профессиональной деятельности того или иного правоохранительного органа (подразделения).

Авторские предложения позволят более объективно оценивать приобретенные сотрудниками правоохранительных органов специальные навыки и качества, значимые для профессиональной деятельности личного состава и подразделений в кризисных ситуациях, а также ликвидировать имеющиеся упущения в практике исполнения функциональных обязанностей и решения служебных задач, оптимизировать организационно-педагогические компоненты процесса служебной подготовки персонала.

Анализ результатов проведенного исследования свидетельствует о том, что наиболее характерными признаками для оценки уровня готовности сотрудников правоохранительных органов к действиям в кризисных ситуациях является наличие у персонала: а) заинтересованности к процессу формирования специальных навыков и качеств; б) добросовестного отношения к выполнению служебного долга; в) осознания значимости приобретаемых навыков и формируемых качеств. Из разнообразия имеющихся критериев более успешными для оценки готовности личного состава к действиям в кризисных ситуациях являются мировоззренческий, деятельностный и результативный.

Отличительной чертой выявленных частных составляющих критериев (их показателей) служит не только банальная возможность оценки специальных знаний, умений и навыков персонала, но и определение уровня их сформированности, а также наличия способности у отдельного сотрудника и коллектива для успешного выполнения служебных задач в реальной обстановке. Кроме того, апробированные в опытно-экспериментальной работе оценочные показатели позволяют с достаточной степенью объективности оценить личностные качества сотрудника, необходимые ему для профессиональной деятельности в условиях кризисных ситуаций.

Библиографический список

1. Ендальцев Б. В., Нестеров А. А. Работоспособность военнослужащих и пути ее повышения средствами физической подготовки. Л., 1986. 115 с.
2. Демьяненко Ю. К., Меерсон А. М. Факторный анализ исследования взаимосвязи между физической подготовленностью и профессиональными навыками // Теория и практика физической культуры. 1969. № 7. С. 2–5.
3. Брайент Дж. Психология в современном спорте. М., 1978. 160 с.

УДК 343.955:343.132

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.094-097

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФОМИН,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского отдела научного центра,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА И ПРОДУКТИВНОСТЬ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ

Для цитирования

Фомин, В. В. Некоторые психологические аспекты производства обыска и продуктивность его проведения / В. В. Фомин // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 94–97. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.094-097.

Аннотация. При проведении такого следственного действия, как обыск, необходимо применять психологические методы и приемы. К ним можно отнести изучение личности обыскиваемого, наблюдение за ним, его поведением, реакциями. В психологическом плане проведения обыска следователь, обладая рефлексивностью мышления, должен угадать, предположить, куда спрятаны искомый предмет или ценности. Кроме того, следователь должен иметь необходимые профессиональные качества, организовывать обыск и умело вести себя, уметь действовать в конфликтной ситуации обыска, осуществлять психологическое воздействие на обыскиваемое лицо и использовать последнее для продуктивности проведения обыска. Успех обыска в значительной мере зависит от интеллектуально-волевых качеств следователя: от гибкости его интеллектуальной деятельности, выдержки, настойчивости, профессионализма, самообладания, способности к длительному напряжению в преодолении трудностей. Данные психологические качества необходимо постоянно развивать и совершенствовать.

Ключевые слова: психологические особенности следователя, психология поисковой деятельности, психологические особенности обыскиваемого, тщательный обыск.

В процессе расследования преступлений проводятся необходимые следственные действия, в том числе и такое специфическое, как обыск, который имеет ярко выраженный принудительный характер по отношению к лицам, у которых он осуществляется.

© Фомин В. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Основанием для проведения обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица находятся орудия преступления либо предметы и ценности, добытые преступным путем, которые могут иметь значение для уголовного дела. Эти данные могут быть получены в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении, предшествующих следственных действий, а также в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий.

При планировании производства обыска необходимо обратить особое внимание на психологические и волевые качества обвиняемого, у которого будет осуществляться обыск. Если обвиняемый владеет такими волевыми свойствами, как выдержанность, решимость, дерзость, то он нередко ведет себя уверенно в момент обыска, способен показывать наружное безразличие, апатию, иногда на самых критичных моментах. Проявление растерянности вместо покоя, боязни, а не равнодушия, подавленности, раздражения, неожиданной злости, истерической выходки – эти чувственные состояния обыскиваемого должны быть замечены следователем и другими участниками обыска и логически сопоставлены с ходом обыска. При проведении обыска принципиально важно следить за особенностями поведения не только обыскиваемого, но и членов его семьи, так как они знают места, где хранятся доказательства преступления. Обыск воздействует на них и приводит их в положение критической психологической напряженности. Утаить все психофизиологические проявления данной напряженности получится не всегда. Они могут выдать себя в разнообразных актах поведения, реакциях (побледнение или покраснение, возникновение дрожания рук, перемена тембра голоса и т. д.).

При проведении обыска нужно учитывать образование, культурный уровень, знания, интеллектуальные способности обыскиваемого, что имеет большое значение при выборе места и способа укрытия.

Культурный и образовательный уровень человека, его профессия, интересы в значительной степени определяют условия жизни, характер обстановки в квартире и тем самым объективно обуславливают специфику объектов, предметов, подлежащих изучению при обыске, поэтому все эти социально-психологические особенности личности обвиняемого требуют своего анализа при производстве обыска.

В психологическом аспекте обыск является сложным и специфическим следственным действием. Он носит ярко выраженный поисковый характер. В ходе обыска следователь и другие сотрудники, участвующие в нем, осматривают и исследуют жилище, участки местности, различные постройки с целью обнаружения орудий преступления, предметов и ценностей, которые имеют значение для расследования преступления.

Проведение обыска предполагает проявление следователем разнообразных психологических качеств, профессиональных знаний, умений и навыков. Положительные результаты обыска очень часто зависят от надлежащей подготовки к этому следственному действию, в частности, своевременного начала этого действия, плановости его проведения, уверенности в успехе.

Подготовка к производству обыска включает в себя и выяснение личности обыскиваемого. Изучение личности обыскиваемого, предвидение его возможного поведения позволяет своевременно изменить план проникновения в обыскиваемое помещение, предотвратить уничтожение разыскиваемых предметов и ценностей, добытых преступным путем.

Успешное осуществление обыска в значительной мере зависит от проявления следователем организаторских навыков. Как уже отмечалось, обыск представляет собой сложное следственное действие, требующее подготовки и планирования, согласован-

ных действий между его участниками. Вся организационная работа обычно ложится на следователя. Он должен обеспечить четкость, последовательность и эффективность как своих действий, так и действий других участников обыска. При проведении обыска необходимыми качествами для следователя являются выдержка, самообладание, эмоциональная устойчивость.

Обыск в квартире, личный обыск, а тем более задержание затрагивают существенные права и интересы обвиняемого, а также членов его семьи. Обнаружение в результате обыска орудий преступления, предметов и ценностей, добытых преступным путем, чревато для обвиняемого задержанием, арестом, суровым наказанием, а для его семьи – ухудшением материального положения, формированием отрицательного общественного мнения, крушением многих жизненно важных планов. Все это вызывает у обыскиваемых значительные переживания. Во многих случаях обыск происходит в довольно острой конфликтной ситуации и может сопровождаться напряженностью, проявлением гнева, неприязни, оскорбления. В случае возникновения остроконфликтной ситуации в процессе обыска может применяться такой метод воздействия, как внушение в форме приказа, что даст возможность резко изменить поведение обыскиваемого, вывести его из психического состояния резкого конфликта. Во время производства обыска следователь должен постоянно проявлять бдительность. Сложная психологическая атмосфера обыска, серьезные неблагоприятные последствия для обвиняемого в случае обнаружения у него краденных им вещей и ценностей могут подтолкнуть обыскиваемого, членов его семьи к противодействию, применению различного рода хитростей, уловок и провокаций. Отсутствие у следователя необходимой бдительности, ослабление контроля за поведением обвиняемого и членов его семьи могут привести к нежелательным последствиям.

За время проведения обыска следователь не должен забывать и о нравственно-этических принципах. Он обязан проявлять вежливость, не допуская грубости, оскорблений, каких-либо угроз. Иногда следователь может испытывать чувства возмущения, осуждения по отношению к лицу, у которого производится обыск, однако все это не извращает его быть сдержанным, особенно к членам семьи обвиняемого.

Длительность и трудоемкость обыска требуют от следователя психологической и физической выносливости. Если обыск проводится в помещении, то сначала необходимо провести личный обыск, так как искомые предметы могут находиться непосредственно при подозреваемом или обвиняемом либо у отдельных членов его семьи. Личный обыск с целью изъятия оружия, чтобы обеспечить безопасность участников обыска и всех присутствующих, следует проводить безотлагательно перед началом следственного действия.

Обнаружение в ходе обыска изобличающих обвиняемого предметов ставит его в трудное психологическое положение, которое приводит к ослаблению волевых установок, направленных на сокрытие причастности к совершению преступления. Учитывая это, целесообразно сразу же после обыска произвести допрос и очную ставку, чтобы закрепить полученные при обыске сведения новыми данными.

Своевременное проведение следственных действий необходимо в силу того, что обнаружение в ходе обыска изобличающих обвиняемого предметов ставит его в трудное психологическое положение, приводит к ослаблению волевых установок, направленных на сокрытие причастности к совершению преступления.

Необходимо также обратить внимание на следующий факт. После предъявления обыскиваемому постановления о производстве обыска следователь предлагает ему добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые

могут иметь значение для уголовного дела. Если они выданы добровольно, то следователь вправе не производить обыск.

Если отыскание известных следователю объектов является единственной задачей обыска, то в случае их выдачи и отсутствия оснований полагать, что обыскиваемое лицо что-то утаило, дальнейшее производство обыска можно прекратить. Однако такая ситуация возникает сравнительно редко, так как следователь обычно не знает всего того, что может находиться в обыскиваемом помещении и иметь отношение к уголовному делу.

Существует иная точка зрения ряда ученых о том, что если обыск производится у подозреваемого лица, то нельзя ограничиваться добровольной выдачей требуемых предметов, поскольку в ходе обыска должны быть выяснены обстоятельства, служащие целям полноты расследования, в частности, не причастно ли обыскиваемое лицо к совершению других аналогичных преступлений. Возможно, ситуации, когда добровольно выдаются, например, нож или пакетик с наркотическим средством. Следователь вправе ограничиться изъятием и не производить дальнейшего обыска. Однако имеют место случаи, когда выдается внешне похожий, но не искомый предмет. Иногда бывает ситуация, когда добровольно выдается лишь малая часть подлежащего изъятию. Покинув место обыска, следователь дает возможность и время преступнику избавиться от искомого, замести следы преступления. Не исключено, что на месте производства обыска могут находиться другие вещественные доказательства по этому и другим уголовным делам, в связи с чем тщательный обыск проводить все-таки рекомендуется. В таких ситуациях немаловажное значение имеют профессионализм и интуиция следователя.

Рассмотрев некоторые аспекты психологических особенностей обыскиваемого и следователя, можно отметить, что успех обыска в значительной мере зависит от интеллектуально-волевых качеств следователя: от гибкости его интеллектуальной деятельности, выдержки, настойчивости, профессионализма, самообладания, способности к длительному напряжению в преодолении трудностей. Данные психологические качества необходимо постоянно развивать и совершенствовать.

Библиографический список

1. Луценко о. А. Обыск и выемка, процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение. Ростов н/Д, 2005. 63 с.
2. Еникеев М. И. Психология обыска. М., 2004. 80 с.
3. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности. М., 2016. 208 с.
4. Еникеев М. И. Психология следователя. М., 2004. 160 с.

УДК 378.6:343.83

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.098-107

ТАМАРА НИКОЛАЕВНА ДЕМКО,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: luscha1882@mail.ru

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДИК ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЗАНЯТИЙ ПО УЧЕБНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Демко, Т. Н. Об использовании интерактивных методик при проведении занятий по учебным дисциплинам гуманитарного цикла в образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний / Т. Н. Демко // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 1. – С. 98–107. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.098-107.

Аннотация. Гуманитарная подготовка молодого поколения специалистов Федеральной службы исполнения наказаний является необходимым условием успешной деятельности. В данной сфере задействуются не только профессиональные компетенции и навыки, но и весь личностный ресурс в виде культуры, духовно-нравственной рефлексии, способности многопланово мыслить и т. д. Это надпрофессиональный ресурс, который исключительно важен в работе с людьми.

В статье акцентируется внимание на необходимости развития самостоятельного и творческого мышления выпускников специализированных вузов, которое в дальнейшем должно воплотиться на практике в умении опереться на приобретенные знания, в способности работать с ними – пополнять, корректировать, опровергать, применять их к конкретным ситуациям. Мышление рассматривается как диалектически разворачивающийся процесс, стимулом и условием которого является коммуникативный фактор. Учитываются условия меняющегося мира, осмысляются влияние на интеллектуальные процессы технологической революции, вторжение в мыслительные процессы цифровой реальности, утрата традиций живого общения.

Цель преодоления негативных тенденций в области развития мышления требует от преподавателя непрерывного поиска новых средств, способов и методов изучения учебных предметов. В статье излагается авторская методика прохождения тем, входящих в курсы гуманитарной направленности. Она получила условное назва-

© Демко Т. Н., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ние «интеллектуальный спектакль», или «драматургия мысли». Данная методика провоцирует массу разнообразных реакций – не только чисто мыслительного характера, но и духовно-нравственной, эстетической, эвристической и когнитивной структуры личности. Приводятся темы, по которым были написаны сценарии и состоялись занятия с использованием данной интерактивной методики.

Ключевые слова: гуманитарные дисциплины, методика преподавания, развитие самостоятельного мышления, интерактивные приемы, методика интеллектуальной драматургии, сценарий, атмосфера коммуникаций.

Гуманитарные дисциплины в вузах ФСИН России: их цели и значение

Нужен ли системе исполнения наказаний разносторонне развитый, образованный, глубоко мыслящий сотрудник? На первый взгляд исполнение решения суда, являющееся его практической функцией, требует от него исполнительности, воли, решительности и дисциплины и не обязывает к особой интеллектуальной активности. Над чем особо задумываться, когда на все случаи осуществления его служебных обязанностей есть нормативные документы, инструкции, кодексы поведения – руководствуйся и выполняй. Однако разработчики модели сотрудника пенитенциарной системы рассуждали иначе. Изначально в учебные планы вузов, готовящих специалистов для исправительно-трудовых учреждений, были заложены дисциплины, направленные на всестороннее развитие личности выпускника. Это значит, что его профессиональная роль определялась не как механически-функциональная. В структуру его деятельности должен входить личностный ресурс – и кругозор, и способность к решению духовно-нравственных проблем, и аналитическое мышление, и культура. Во взаимодействии с осужденными этот личностный ресурс должен превратиться в целенаправленное влияние. Имея за плечами высшее образование и широкую гуманитарную подготовку, сотрудник уголовно-исполнительной системы (УИС) должен обладать знаниями, превосходящими пределы его практической сферы, заряжен не только на исполнение того дела, которое выбрал для себя в качестве профессии, но и на преобразование жизни общества в целом.

Так понимают свою задачу кафедры гуманитарной направленности (рассмотрим смысловое содержание термина «гуманитарный»). Юридические дисциплины, которые преобладают в учебном плане вузов ФСИН России, относятся к разряду общественных, то есть также гуманитарных. Слово «гуманитарный» призвано отделить те предметы, которые работают на общее развитие личности специалиста). Преподаватели философии, истории, культурологии, профессиональной этики, логики, истории УИС, политологии, риторики, философии науки, философии права, религиоведения, иностранных языков, страноведения видят результатом своей преподавательской деятельности личность подготовленного ими специалиста, не только самостоятельно мыслящую, но и обогороженную, обогащенную гражданской позицией, духовными интересами и активно их реализующую. В недавнем прошлом на кафедре философии и истории Академии ФСИН России читались курсы эстетики, этики, имиджологии, технологии ведения переговоров, делового общения – предметы с явным прикладным уклоном. С их отменой в учебном плане они не ушли бесследно из содержания оставшихся курсов, например, профессиональной этики или культурологии. Они определили также тематику конференций, конкурсных работ, множество мероприятий воспитательного характера – викторин, дискуссий за круглым столом и т. д.

Подчеркнем, что «гуманитаризация образования – это не просто увеличение числа преподаваемых дисциплин социально-гуманитарного цикла и отводимого на них времени, а проникновение ценностей, норм гуманитарного познания в структуру деятельности» [6, с. 22]. Такая установка присутствует в деятельности преподавателей-гуманитариев в отношении всех категорий обучающихся в вузе (студенты, магистранты, адъюнкты, аспиранты и др.) по всем специальностям.

Развитие мышления – важнейшая задача преподавания

Содержание курсов – далеко не единственная забота преподавателя. На гуманитарных дисциплинах лежит особая ответственность за развитие мышления. Процесс образования направлен на то, чтобы сформировать у молодого специалиста умение опереться как на общий багаж знаний, так и на свою индивидуальную способность работать с ними – пополнять, корректировать, уточнять, опровергать, обобщать, применять их на практике, связывать с новейшей информацией, соотносить с другими отраслями знаний, доказывать, классифицировать, то есть способность добывать истину самостоятельно, творчески мыслить. Методика преподавания, которая является ключом к активизации мышления, всегда стоит в центре внимания тех, кто ведет учебный курс. В русле методики решается задача, как включить селективное и критическое мышление, развить способности многоуровневого понимания – с восприятием подтекста, с оценкой позиций источника информации, с учетом других точек зрения и т. д. «Знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не памятью», – справедливо отмечал Л. Н. Толстой [10, с. 31]. Таким образом, преподавательская практика в направлении развития будущего специалиста – это не только разработка содержания курсов и отдельных тем, но и постоянный поиск соответствующих (предмету, конкретной теме, вызовам времени, особенностям аудитории, специфике профиля вуза) методических средств и приемов передачи знания, способных активизировать мыслительные процессы каждого участвующего в занятии.

Несомненно, всем, кто занят благородным делом «возделывания» мышления молодого поколения, а именно преподавателям, следует обстоятельно представлять процессы познания, чтобы отчетливо видеть, как добывается, формируется знание, отслеживать мыслительные процедуры, чтобы обращать на них внимание в общей структуре дискурса и т. д. И это очень важно в целях овладения приемами стимуляции тех или иных операций мышления. За аргументами по этому поводу обратимся к философии. Г. В. Ф. Гегель в свое время доказывал, что истина не есть что-то готовое и что она может возникнуть сразу, подобно «пистолетному выстрелу». Ее нельзя оторвать от процесса становления, от того пути, который к ней привел. «Действительное целое» истины есть «результат вместе со своим становлением» [2, с. 8].

Ограниченность возможностей познания в рамках одной лишь формальной логики

Первая предпосылка к рассуждениям на заданную тему – учить мыслить. Интеллектуальное развитие предполагает напряженный мыслительный процесс, и в ходе образования его надо обеспечить, дать достойную пищу для работы мозга, создать творческую атмосферу. Следует учитывать, что названный процесс не ограничивается активизацией лишь абстрактно-теоретического мышления и формально-логических операций в сознании. Эффективное мышление – это не только логическая последовательность. В реальности мышление личности в полном измерении ее существования, в ее коммуникативной активности – это масса разнообразных реакций. Человек не машина, запрограммированная на жесткий алгоритм действий. Логика, оторванная от личности,

от ее живого восприятия, возможна только в отвлеченном, абстрактном понимании. Да, есть строго организованные по законам формальной логики мыслительные процессы, но формальная логика, независимая от содержания предложений, от обстоятельств, от самого субъекта, существует только теоретически. Как только абстрактные логические формы наполняются содержанием, начинают действовать законы диалектической логики. Мысли, отражающие вещи в движении, развитии, во взаимосвязи и взаимодействии, в борьбе противоречий, гораздо больше, объемнее по наполненности содержанием, чем метафизические формы логики.

Необходимо учитывать, что мыслительный процесс совершается как фактор внутренней активности конкретного субъекта. Он индивидуален. Давно замечено, что мысль нельзя вложить в чье-либо сознание, будто вещественный продукт в какую-нибудь емкость, она рождается заново в голове каждого из нас. «Вы хотите, чтобы вас научили истине? – спрашивает В. Ф. Одоевский в «Русских ночах». – Знаете ли великую тайну: истина не передается...». Мысль возникает, рождается в нашем сознании как акт мышления каждого индивидуума персонально.

Таким образом, встает принципиально важный для преподавателя вопрос: как пробудить собственное мышление, «собственное внутреннее слово» нашего ученика [8, с. 83], чтобы он не остался пассивным объектом, которого напичкивают информацией в перспективе ее «несварения»?

Рассуждая об условиях активизации мыслительной деятельности обучающихся, важно помнить, что образовательные процессы осуществляются в меняющемся мире. Еще в середине XX в. представитель франкфуртской школы философии Т. Адорно описал, как человеческое миропонимание медленно дрейфует в сторону пустого автоматизма, сложившихся стереотипов [1]. Более того (и это всеобщая проблема вузов последнего времени), мыслительная активность обучающихся вообще идет на спад, чему в XXI в. в немалой степени способствуют цифровые технологии.

Образовательные процессы в условиях цифровой цивилизации

Интернет, открыв большие перспективы для получения информации, отучает думать самостоятельно. Возможно, это признак революционной трансформации человеческого сознания и что-то из этого получится, но пока открывшиеся возможности чреватны понижением интеллектуального потенциала человека.

Для тех, чья работа заключается в формировании мышления, существенным обстоятельством является движение современной цивилизации к искусственному интеллекту. Цивилизация подошла к такому типу мышления, который может осуществляться с помощью машины, что явно отражается на мыслительной активности обучающихся и характере работы с учебной информацией. «Думающие» машины могут принять на себя отдельные функции мозга и освободить человека от многих рациональных процедур. Люди склонны не напрягаться там, где есть возможность добывать результат без усилий, и в проблемных ситуациях, связанных с получением знаний, начинают освобождать себя от нагрузки, которую можно передать «думающей» машине. В современном образовании электронные способы добывания информации становятся доминирующими. И не просто поиск информации, но и многие операции в области мышления – запоминания, алгоритм решений, создание схем, выстраивание модели развития той или иной темы, поиск иллюстративного материала – отданы машине, и это приводит к серьезным изменениям процедур познания. Часто они превращаются в механическое считывание, уподобляясь элементарной калькуляции. Уже замечено, что отказ от самостоятельного мышления приводит к атрофии целого ряда интеллектуальных реакций, например,

критического мышления, так что вполне правомерно констатировать кризис интеллектуальной деятельности. О дегуманизации знаний, степень которой приобретает уровень расчеловечивания изучаемого мира, теоретики говорят все больше.

В поле зрения попадает также проблема «клипового» мышления. Интернет-реклама, телевизионные заставки, способы подачи информации в СМИ, в кино, которые носят фрагментарный, скачущий характер, уведут с пути связного, целостного восприятия мира, глубокого погружения в текст. В результате традиция чтения, осмысления книг, статей, лекций, обсуждения прочитанного атрофируется вместе со способностью связного мышления, целостного видения картины мира. Данные обстоятельства делают работу по поддержанию активности мышления обучающихся абсолютно необходимой. Отсюда возникает необходимость корректировки аудиторных занятий под современные технологии работы с информацией, под мобильный интернет, что также становится методической проблемой преподавателя. Важно продумать способы постановки самостоятельного мышления: электронные источники информации, как известно, не проходят проверки на достоверность и способны (преднамеренным или непреднамеренным образом) вводить в заблуждение, смешивать несовместимое, придавать тенденциозную направленность тексту. Застраховать сознание пользователя от манипуляций, от введения в заблуждение, от нечестного списывания можно только путем осмысленного использования цифровых технологий, а значит, развития самостоятельного мышления.

В настоящее время, когда общий интеллектуальный уровень человечества заметно понижается, когда часть своих гносеологических функций человек передал электронным устройствам, тем, кто занят интеллектуальным развитием будущих поколений, следует искать способы не допустить деградации одной из замечательнейших способностей человека к рассуждению и разумению.

О необходимости оживления действенных методик

Вместе с тем цифровые технологии открыли возможность использования фондов прославленных библиотек, архивов, а также проведения в новом качестве научных конференций, форумов. В плане обогащения методики преподавания компьютер подарил нам презентации, интеллектуальные карты, методику кластера и др.

Несомненно, достижения научного прогресса должны стать вкладом в методическую копилку образования. Приходится считаться с тем, что в аудитории не просто студенты, слушатели, курсанты, а активные пользователи электронных ресурсов. Однако следует также задуматься, становится ли то или иное задание, выполняемое в электронной среде, фактором интеллектуального роста и условием прогресса самой человеческой личности? В большинстве случаев элементарным навыком, умением ориентироваться в ней и механическим скачиванием ограничивается вся интеллектуальная активность обучающейся молодежи. И это обстоятельство ставит перед преподавателем проблемы, совершенно необычные с точки зрения классических форм обучения. Именно здесь наставнику важно не упустить момент, чтобы продуктивно сочетать использование компьютера с традиционными приемами и способами активизации собственного интеллектуального ресурса молодого человека. Простор для творчества в области методики с использованием электронных ресурсов невероятно велик.

Коммуникации и общение в процессе преподавания

Человеческое мышление возникло при становлении социума, при совместном труде и взаимодействии людей, в условиях необходимости обмена информацией, поэтому оно диалогично по своей сути. Отсюда в развитии мышления в вузе по-особому высвечивается роль коммуникативного фактора и непосредственного речевого общения [3].

Интерактивные формы и методы относятся к числу инновационных, поскольку предполагают преодоление инерции позиций «учитель – ученик», сложившихся в течение столетий и характеризующихся авторитарностью. Интерактивный метод обучения (от англ. *interaction* – взаимодействие, воздействие друг на друга) – это совместное добытие знания, основанное на взаимодействии между собой всех обучающихся, включая преподавателя. Данный метод предполагает коллективный мыслительный процесс и достижение результата через сотрудничество. Его задача – научить персонально каждого студента, курсанта, слушателя включать мыслительные процессы разного уровня в качестве реагирования на общий дискурс. Если обсуждение той или иной темы, проблемы, концепции происходит коллективно, это не значит, что роль и возможности каждого в отдельности сводятся к минимуму, а наоборот.

Необходимость освоения интерактивных методов продиктована также упадком культуры межличностных коммуникаций, точнее, ее сужения. Взаимодействие пользователей через разнообразные приложения в Интернете вытесняют живой контакт, непосредственное общение замещается виртуальным. Дистанционное образование, знакомство с произведениями искусства через экран компьютера, посещение выставок, проведение досуга в играх и развлечениях в электронной среде приводят к исчезновению потребности живого человеческого участия и общения. А ведь оно очень важно для человеческой эволюции, поскольку содержит эмоции, особенно эмпатические. В связи с этим правомерна категория «очеловеченное» мышление в противопоставлении его цифровому варианту. Неоспоримо преимущество человека перед любой самой мощной машиной – носителем искусственного интеллекта. Вузовская аудитория открывает особые условия для интерактивного, коллективного общения. Здесь присутствует живой язык, речь, масса невербальных, паралингвистических сигналов, способных обогатить смыслы, выраженные вербально. В значительной степени задача интерактивных методик – учить пониманию друг друга.

В копилке вузовской методики много форм коллективной работы в рамках изучения любой учебной дисциплины. Это и диспуты, и конференции, и круглые столы, и форумы. В списке методов интерактивного обучения в последние времена оказались и приобрели популярность нестандартные формы: эвристическая беседа, метод круглого стола, коллективные решения творческих задач, кейс-метод, кластер, карусель, сравнительная диаграмма, метод проектов, разминки, пазл, незаконченное предложение, аквариум, брифинг, интеллектуальная дуэль и др.

Метод драматургии мысли

Гуманитарные кафедры Академии ФСИН России, учитывая все условия меняющегося мира, в том числе современные задачи службы по исполнению наказаний, пребывают в поиске эффективных способов образования. Конкретно в данной публикации представлен метод драматургии мысли как результат подобных поисков

С учетом дефицита живого общения как источника знания мы обращаемся к извечному духовному опыту человечества. В этом случае внимание направлено на художественную сферу, искусство, точнее, его отдельные жанры, в которых человеческая мысль получает впечатляющее выражение, а именно на драматургию.

Драматургические приемы в дидактике не являются новыми. В свое время, проводя аналогии в преподавании и художественном творчестве, Л. Клинберг, автор книги «Проблемы теории обучения», выделял «драматургический аспект обучения как «спектакль», «распределение ролей» среди «действующих лиц», развитие дидактического сценария, драматургические моменты в проблемном обучении, моменты напряженно-

сти и разрядки» [4, с. 178]. Взглянуть на драму, которая относится не к художественному мышлению, присущему искусству театра, а как на «наджанровое» явление дает все основания эстетика бытия [7, с. 288]. Эстетика позволяет нам увидеть любые жизненные коллизии через призму драматургии. Почему бы не посмотреть и на вузовское занятие с этой точки зрения?

Каким образом моделью семинарского занятия может выступить жанр драмы? Во-первых, в драматургии, как известно, присутствует разворачивающееся действие в форме диалога и монолога исполнителей. Применяемые к учебной теме принципы драматургии позволяют выстроить все ее смысловые аспекты, общение участников, а также мизансценирование (как пространственную организацию занятия) в единое целое. Во-вторых, очень трудно освободить мышление от того, что человек ощущает, переживает, воображает в каждый момент своей жизни, к чему он стремится, о чем беспокоится, что ему нравится. Учебное занятие, построенное по законам драмы, дает возможность включить в интеллектуальный процесс живые эмоции, эстетические реакции и другие духовные акты в условиях активного взаимодействия всех его участников. Следует отметить, что с помощью драмы как приема решается еще одна из методических проблем – феномен живого мыслительного процесса в контексте общения. Это факторы, способные усиливать, акцентировать мысль, оттенять ее субъективным отношением, придавать ей эвристическое направление. В живом контакте с преподавателем, однокурсниками, приглашенными лицами (научный руководитель, оппоненты, критики и т. д.) не только осуществляется «оплодотворение» мысли, но и включается способность к творческому мышлению и воплощению его в речевом действии.

Драматургия аудиторного занятия – вполне реальный способ разворачивания мысли (на учебную тему по предмету). Драма на сцене, как известно, достигает всестороннего эффекта в реакциях зрительного зала – и рационального, и эмоционального, и эстетического воздействия. Драматургия учебного занятия тем и ценна, что дает возможность включить в интеллектуальный процесс личное участие со всем багажом оценок, межличностных отношений, идейных позиций и сочетать их с эмоциями, с характерами «исполнителей», особенностями их речи, с индивидуальными нравственными и эстетическими реакциями. В живом общении с присутствующими мысль получает особый стимул.

В плане подготовки и проведения эта работа складывается поэтапно, по ступеням. Все начинается с подборки темы, которая носит актуальный характер и имеет перспективу развития по разным направлениям, по сути междисциплинарная. Она дробится на отдельные вопросы (подтемы), которые предлагаются студенческой группе в качестве домашнего задания персонально каждому ее члену. Темы распределяются с учетом успехов, индивидуального склада мышления, прилежания и т. п. В условиях применения методики драматургии не только в аудитории, но и на всех этапах подготовки занятия необходимо соединение усилий преподавателя и всех участников творческого процесса, а также коллективное понимание, что все принимают участие в подготовке общего мероприятия.

И вот здесь, как нельзя лучше, подходит взаимодействие с исполнителями через электронную среду. Подготовленные курсантами (студентами) материалы подаются на проверку преподавателю в электронном варианте, идет обмен через почту, при котором каждый может заглянуть в черновые материалы, готовящиеся сокурсниками. Подбирается и обсуждается оформление наглядными примерами – слайдами, видео- и аудиозаписями, а также самой разной атрибутикой – книгами, журналами. Иными словами, идет коллективная работа над своеобразной «сценографией», в которой трудно

переоценить роль Интернета. Таким образом, на этапах подготовки «интеллектуального спектакля» создается своеобразная творческая атмосфера, которая также «подогревает» обсуждение темы в виртуальном пространстве.

На особом месте стоят репетиции. По одному, по два, всей группой курсанты (студенты) предварительно излагают свое выступление, задают вопросы, обсуждают с преподавателем свою позицию. По сути, репетиция есть полноценный способ исследования темы и тренировка мышления.

Вопрос о сценарии в данной методике (учебной) должен быть поставлен особенно. Здесь мы погружаемся в самое главное – в содержание учебного предмета, в тему, проблему науки. В сценарий закладывается тот самый ход достижения истины, требующий использования различных когнитивных процедур – от глобальной, планетарной постановки проблемы до глубоко личной оценки. А это значит, что проблемно-смысловое поле сформулированной темы должно открыть возможности панорамного обзора проблемы, то есть быть многоаспектным. В качестве примера можно привести такие темы: «Человек как ресурс экономики», «Общество потребления» (реализованные на практике). Подобные формулировки позволяют включить в сценарий и философский, и экономический, и религиозный, и правовой, и культурный, и психологический аспекты. Гуманитарные дисциплины дают больше возможностей развивать одну и ту же тему в разных направлениях. Применяя феноменологическую, герменевтическую, диалектическую методологию, мы даем возможность не только осветить проблему под разным углом зрения, но и спровоцировать мыслительные операции эвристического характера.

В первую очередь тему разрабатывает преподаватель, не только очерчивая проблемно-смысловое поле и теоретически разветвляя ее, но и придавая материалу драматургические черты, то есть черты ролевого исполнения. Преподаватель распределяет, подобно режиссеру, отдельные вопросы таким образом, чтобы каждый получивший свой вопрос знал, как вписаться в общий диалог (полилог). Здесь закладывается и критическая окраска высказываний, и сомнения, и эвристический момент, и столкновение мнений, и оперирование фактами, и парадоксы, и набор доводов, и многое другое, что придает сценарию объемный характер, полифоническое звучание. Преподаватель формирует содержание сценария, вычленяя вопросы, которые ведут к раскрытию сути поднятой темы.

В теории драматургии есть положения, которые могут плодотворно использоваться в подготовке такого занятия. Обратим внимание на категории «сверхзадача», «действенный анализ», «сквозное действие», «контрдействие», «кульминация», «экспозиция», «завязка», «развязка», «исходное событие» (по Станиславскому). Они помогают увидеть тему в ее диалогическом развертывании, как бы вписанную в действие [5, с. 45–98].

По данной методике были разработаны сценарии и проведены занятия (с учетом специализации аудитории) по философии («Человек как ресурс экономики», «Общество потребления» – у экономистов, «Философская мысль в афоризмах, эссе и поэзии», «Метафизика любви» – у психологов), профессиональной этике («Имидж сотрудника УИС», «Этические кодексы в профессиях» – у юристов), культурологии («Цифровая реальность и ее положение в культуре» – у экономистов; лекция по «Илиаде» Гомера, участниками полилога в которой были молодые преподаватели других кафедр, – у юристов), социологии («Социология семьи»), финансам и кредиту («Финансы домашних хозяйств»).

В качестве более подробного примера сценария рассмотрим один из вышеназванных – «Общество потребления». Занятие проводилось по указанной методике интел-

лектуального спектакля в группе студентов-экономистов в рамках курса философии. Первый блок – зачин, экспозиция был наполнен источниковедческим содержанием. В своих выступлениях участники озвучивали концепции классиков (Бодрийяр, Фромм, Веблен, Маркузе) открывших проблему общества потребления. Отметим, что это не простая констатация взглядов классиков, а их интерпретация, оценка, описание эволюции, иллюстрирование и т. д.

В следующем блоке (сквозное действие) обсуждались факторы, определяющие особенности общества потребления, консюмеризм, утрата духовных ориентиров, массовая культура, реклама, бренды, мода, кредиты, гедонизм, нарциссизм, экологический кризис. Все студенты в группе, без исключения, проработав тему по заданным вопросам заранее, в ходе непосредственной дискуссии вносили свои коррективы в характеристику общества потребления, по-своему иллюстрировали. В названном сценарии присутствовали критик, аналитик, креативщик, психолог и другие персонажи. Акты мышления исполнителей, вплетенные в коммуникативный контекст, заметно преломлялись в характере заданных ролей.

Третий блок – кульминация, развязка, где каждый получает слово, комментируя свою позицию. Именно здесь группа вышла на главную магистраль философского решения проблемы.

Непосредственное исполнение спектакля есть, по сути, обсуждение темы. Сама по себе аналитика осуществляется не в банальных ответах на вопрос, привычных на семинарских занятиях, а в интерпретации иллюстраций, в комментариях к высказываниям других участников, что по-настоящему превращает занятие в действие. В интеллектуальном спектакле самые различные приемы осмысления действительности окрашиваются особенностями речи исполнителей, реакциями на интонации оппонентов и т. п. Здесь присутствует живой язык, масса невербальных, паралингвистических сигналов, способных обогатить смыслы, выраженные вербально. Это факторы, вплетающиеся в развитие темы, они акцентируют мысль, оттеняют ее субъективным отношением, придают ей усиленное звучание, что и приближает занятие к жанру драматургии.

Общение есть ключевой момент в реализации интерактивной методики, и одним из ее важнейших условий является демократизм общения: каждый должен чувствовать себя равноправным собеседником, имеющим право на собственное высказывание. Однако ситуация не исключает интеллектуального лидера. Возможны разные варианты по ведению диалога.

Присутствие лиц, приглашенных со стороны, создает атмосферу зрелища и вызывает некоторое волнение и желание каждого выступающего «достучаться» до присутствующих. Среди приглашенных на занятия – студенты духовной семинарии, известные ученые – профессора права, лингвистики, экономики, философии, практические работники УИС, сотрудники областной библиотеки и др. Следует отметить, что занятия необходимо проводить не в обычной, привычной атмосфере – закрепленной за группой аудитории, а в конференц-зале, в залах библиотек и т. п.

Небезразлична в атмосфере занятия и мизансцена: определяется специальное место для ведущих, комментаторов, место для гостей, участники рассаживаются за круглым или овальным столом, чтобы каждый из них мог вступить в диалог с любым из присутствующих. Казалось бы, такие детали не играют большой роли для прохождения темы по изучаемому предмету. Однако специалисты, занимающиеся психологией образования, все больше говорят о геометрии стен учебных аудиторий (желательно

овальные), о порядке рассадки, о «демократическом» месте преподавателя в учебном помещении. «Практика исследования пространственно-предметного компонента образовательной среды показывает, что нарушение традиционных методов организации как архитектурного пространства вузов, так и рабочих мест в этом пространстве позволяет создавать условия для максимального контакта, сотрудничества и сотворчества между участниками образовательного процесса» [11, с. 120]. В связи с этим преподавателями-новаторами все чаще «традиционная схема расположения рабочих мест в аудитории, создающая условия для одностороннего взаимодействия между участниками учебного процесса, меняется на более конструктивное положение амфитеатра, подковы, зигзага и т. д.» [11, с. 119–120].

Методика интеллектуальной драматургии, опробованная в ряде занятий по гуманитарным дисциплинам, дает позитивные результаты в плане как усвоения темы, так и активизации, раскрепощения мышления. Такой вид занятия, как интеллектуальный спектакль, не может присутствовать в расписании чаще, чем один раз, поскольку требует большой подготовки и решения организационных проблем (аудитория, зрители, репетиции, основательная работа над сценарием). Занятие следует определить как экспериментальное, исключительное, выходящее за рамки существующих традиций – так оно должно восприниматься и обучающимися.

Искать новые способы развития мышления молодежи, обучающейся в вузе, экспериментировать, нарабатывать методический опыт – профессиональный долг преподавателя. Описание того или иного метода как частного момента образовательного процесса есть шаг к необходимому «глубокому проникновению в эпистемологическую структуру современного высшего образования» [9, с. 88], что должно вести к прогрессивным изменениям высшей школы в соответствии с вызовами времени.

Библиографический список

1. Адорно Т. Исследование авторитарного характера. М., 2016. 416 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. М., 1970. Т. 1. 501 с.
3. Заурова Э. В., Брызгалова И. В. Применение диалогового обучения в образовательном процессе ведомственного вуза // Право и образование. 2018. № 9. С. 11–16.
4. Клинберг Л. Проблемы теории обучения : пер. с нем. М., 1984. 256 с.
5. Кокорин А. К. Вам привет от Станиславского. М., 2007. 192 с.
6. Кочергин А. Н. Образование как фактор национальной безопасности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 9. С. 21–23.
7. Кривцун О. А. Эстетика : учебник. М., 1988. 430 с.
8. Михальская А. К. Основы риторики. Мысль и слово. М., 1996. 416 с.
9. Ракитов А. И. Философия образования и высшая школа // Высшее образование в России. 2017. № 5. С. 88–96.
10. Толстой Л. Н. Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении (на 9 января) : в 2 т. М., 1991. Т. 1. 478 с.
11. Шенцова О. М., Веремей О. М. Формирование образовательной среды вузов творческой направленности включая предметно-пространственный компонент // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 9. С. 115–120.

SCIENCE FORUM

Boris Zufarovich Malikov, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, e-mail: malikov_bz@mail.ru.

CRIME, PUNISHMENT, CRIMINAL RECORD AS THE MAIN LEGAL FACTORS OF CRIMINAL LIABILITY

Recommended citation

Malikov, B. Z. 2019, 'Crime, punishment, criminal record as the main legal factors of criminal liability', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 10–17, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.010-017.

Abstract. Criminal liability in legislative form is expressed in three legal phenomena: crime, punishment and criminal record. The article presents the author's vision of the problem of criminal record as an integral connection of legal element between a socially dangerous act (crime) and punishment in order to expand the boundaries of knowledge about this legal phenomenon, its significance and unsolved problems in the theory of criminal law and at the legislative level. The essence of a criminal record is interpreted as a criminal-legal relationship, the legal fact of which is the court's verdict, entered into legal force. It can lose its legal significance only after the removal from the convict of criminal record or repayment by the expiration of its term. The criminal law and the general social value of criminal records and its characteristics as legal and social factors are also discussed in the article.

Keywords: crime, punishment, criminal record, recidivism, status of a convicted person, legal restrictions in the mechanism of criminal record.

References

- Zel'dov, S. I. 1982, *Release from punishment and from its serving*, Moscow.
- Ponyatovskaya, T. G. & Shautaeva, G. H. 2003, *Legal value of criminal record*, Izhevsk.
- Golina, V. V. 1981, 'Role and importance of criminal record in crime prevention', *Criminal personality and criminal liability: interuniversity scientific collection*, pp. 115–121, Saratov.
- Duyunov, V. K. 2015, *Criminal law of Russia. General and Special parts*, 4th edn, Moscow.
- Filippov, V. V. n.d., *The gun control in Japan: annual analytical report*, viewed 28 May 2018, <http://www.kiev-security.org.ua/box/4/85.shtml>.
- Stepichev, S. 1965, 'Do we need the Institute of criminal record?', *Socialist legality*, no. 9, pp. 14–18.
- Arhengol'c, I. A. 2016, 'The necessity of criminal's identity consideration in the application of the Institute of criminal record as the implementation of the principle of justice', *Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and law*, vol. 26, iss. 6, pp. 89–94.

Stanislav L'vovich Nudel', DSc (Law), Associate Professor, chief researcher of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: slnudel@gmail.com.

TRENDS IN MODERN RUSSIAN CRIMINAL POLICY IN THE CONTEXT OF CRIMINALIZATION

Recommended citation

Nudel', S. L. 2019, 'Trends in modern Russian criminal policy in the context of criminalization', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 18–26, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.018-026.

Abstract. On the basis of doctrinal approaches to the definition of criminal policy the analysis of modern trends in the process of criminalization is carried out in the article. Particular attention is paid to the criminalization of socially dangerous acts in connection with national security in informational and economic spheres, as well as in the field of terrorism and extremism countering. It is determined that the process of criminalization is characterized by different directions. It is concluded that the improvement of criminal and political mechanisms, ensuring national security, should be built on the basis of a single set of measures, taking into account national interests, internal and external threats.

Keywords: criminal policy, criminalization, crime, criminal liability.

References

- Lesnikov, G. Yu. 2005, *Criminal policy of modern Russia (methodological, organizational and legal basis): PHD thesis (Law)*, Moscow.
- Boskholov, S. S. 2004, *Basis of criminal policy: constitutional, criminological, criminal law and information aspects*, 2d edn, Moscow.
- Belyaev, N. A. 1986, *Criminal law policy and ways of its implementation*, Leningrad.
- Voronin, M. Yu. 2000, *Criminal policy: concept, history and development*, Moscow.
- Belyaeva, L. I. (ed.) 2003, *Criminal policy and its implementation by the Internal Affairs bodies*, Moscow.
- Lopashenko, N. A. 2009, *Criminal policy*, Moscow.
- Malysheva, O. A. 2005, 'On the issue of the «criminal policy» concept', *Russian investigator*, no. 9, pp. 28–30.
- Stahov, Ya. G. 2003, *Modern criminal policy and improvement of interaction of law enforcement agencies of subjects of the Russian Federation at its realization*, V. P. Revin (ed.), Moscow.
- Zvecharovskiy, I. E. 2001, *Modern criminal law of Russia: concept, principles, policy*, St. Petersburg.
- Naumov, A. V. 1975, *Theoretical issues of application of criminal law standards: PHD thesis (Law)*, Киев.
- Razgil'diev, B. T. 1994, *Tasks of criminal law of the Russian Federation and their implementation: PHD thesis (Law)*, Moscow.
- Golubov, I. I. 2012, 'Stability of norms of criminal law is a condition of effective criminal policy (on the example of Chapter No. 31 of the Criminal code of the Russian Federation)', *Russian investigator*, no. 20, pp. 19–21.
- Aminov, D. I. & Polishchuk, D. A. 2013, 'Secrets of the effectiveness of criminal law policy', *Russian investigator*, no. 18, pp. 11–14.
- Kudryavcev, V. N. 2005, *The strategy of the fight against crime*, 2d edn, Moscow.
- Kudryavcev, V. N. & Eminov, V. E. 2004, 'Criminology and the problem of criminalization', *Russian law journal*, no. 12, pp. 46–50.

Kashepov, V. P. 2018, *Criminalization and decriminalization as a form of transformation of criminal legislation*, Moscow.

Kashepov, V. P. 2004, 'Concept of criminal legislation development', in T. Ya. Habrieva, Yu. A. Tihomirov, Yu. P. Orlovskiy (eds), *Concept of criminal legislation development*, pp. 271–299, Moscow.

Milyukov, S. F. 1994, 'Place of punishment in the system of measures of state coercion', in *Problems of the fight against economic crime and drug traffic in the transition to the market*, in 2 vols, vol. 2, pp. 11–15, St. Petersburg.

Kubov, R. H. 2009, 'Development of criminal policy at the present stage', *Russian investigator*, no. 3, pp. 16–20.

Zhalinskiy, A. E. 2005, 'About the current state of criminal law science', *Criminal law*, no. 1, pp. 21–24.

Gavrilov, B. Ya. 2008, *Modern criminal policy of Russia: facts and figures*, Moscow.

Lyapunov, Yu. I. 1989, *Social danger of an act as a universal category of Soviet criminal law*, Moscow.

Pobegaylo, E. F. 2004, 'Crisis of modern Russian criminal policy', *Criminal law*, no. 3, pp. 132–135.

Darhaeva, I. V. & Ivanova, N. V. 2015, 'Restriction of the right of minors to access and receive information', *Law*, no. 12, pp. 23–25.

Zor'kin, V. D. 2014, 'The Constitution lives in laws. Provisions for improving the quality of Russian legislation', *Russian newspaper*, 18 December.

Vyacheslav Efimovich Yuzhanin, DSc (Law), Professor, Honored Worker of the Higher school of the Russian Federation, professor of criminal law and procedure department, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: yuzanin@mail.ru;

Ivan Georgievich Grigoryan, adjunct, scientific and pedagogical personnel training department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: vg-83@inbox.ru.

ABOUT THE ASSISTANCE CONCEPT OF STATE BODIES AND THE PUBLIC IN WORK OF PENAL INSPECTIONS

Recommended citation

Yuzhanin, V. E. & Grigoryan, I. G. 2019, 'About the assistance concept of state bodies and the public in work of Penal inspections', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 27–32, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.027-032.

Abstract. The article explains the concept of assistance provided to Penal inspections of the Federal penitentiary service by the state bodies and the public. In the literature, assistance is usually considered as a form of interaction in the form of support to the main subject of activity. The assistance of law enforcement agencies to Penal inspections occurs in the form of interaction as they solve a common task of fighting against crime. However, in some cases, the assistance of law enforcement agencies to Penal inspections may be in the form of help in solving tasks. It will be mutual support, as it is beneficial to both subjects. Other state and local government bodies, which are not part of the law enforcement system, provide unilateral help to Penal in-

spections. However, in some cases, such assistance may have signs of mutual assistance (for example, in determining of objects for mandatory work by the local government). The subject of assistance to Penal inspections is the public, which is represented by communities of people in the form of individuals, public associations, and commercial organizations. These public entities provide assistance only in the form of help (provision of social and legal support, control over the behavior of convicts, respect for their rights, their employment). Their assistance in the form of interaction is excluded, as they are not associated with the implementation of common tasks in the field of fighting against crime. Currently, the assistance of the public in the activities of Penal inspections is not regulated by the law; the article proposes to fill this legal gap.

Keywords: penal inspections, law enforcement agencies, state bodies, local government bodies, assistance, cooperation, execution of penalties unrelated to isolation from society.

References

- Efremova, T. F. 2000, *New dictionary of the Russian language*, Moscow.
- Ozhegov, S. I. & Shvedova, N. Yu. 2006, *Explanatory dictionary of Russian language*, Moscow.
- Pavlov, A. A. 2009, *Public participation in the activities of Penal system at the present stage: PHD thesis (Law)*, Vologda.
- Panchenko, V. Yu. 2014, 'Law enforcement and legal assistance in the implementation of rights and legitimate interests', *Bulletin of Omsk University*, no. 3(40), pp. 9–12.
- Sypachev, A. Yu., Brazhnikov, D. A. & Algazin I. I. 2012, *Legal, organizational and tactical foundations of the public assistance to departments of the Internal Affairs agencies*, Tyumen.
- Uporov, A. G. 2014, 'The peculiarities of interaction of Penal inspections with divisions of Internal Affairs in the execution of conditional sentence of persons of minor age', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, no. 3(20), pp. 24–32.

OI'ga Viktorovna Belyanskaya, PhD (Law), Associate Professor, professor of theory and history of state and law department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, e-mail: 520877@mail.ru

LEGAL SELF-IDENTIFICATION OF A FOREIGNER TO THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Recommended citation

Belyanskaya, O. V. 2019, 'Legal self-identification of a foreigner to the Russian legal system', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 33–39, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.033-039.

Abstract. The article reveals the concept of legal self-identification of a foreigner. This is the process of perception of a foreign person as a subject of Russian law, which has legal properties that allow him to enter into legal relations and determine his own legal status. Legal self-identification of a foreign person is associated with assimilation of certain roles and behaviors recognized as legitimate within the new legal system.

There are three stages of legal self-identification of foreign citizens: legal adaptation – the process of adaptation of a foreign citizen to a new legal system and getting legal information, legal knowledge that change his legal understanding and sense of justice;

legal integration is an inclusion in the Russian legal environment, based on the formed legal consciousness, a high level of legal culture. It is a two-way process, the full course of which is possible only with the joint efforts of the foreigner and the host community;

legal assimilation is a complete dissolution of a foreign citizen in the legal field of the receiving state, the destruction of any differences in legal status with the citizens of the receiving state.

Analysis of legal regulation of the process of legal self-identification of a foreign person to the Russian legal system shows that the legal status of a foreign citizen builds its relationship with the Russian state at various stages: entry into the territory of the state, participation in legal relations on its territory, travel abroad, and obtaining Russian citizenship. It is stated that in the Russian Federation there are no state targeted programs aimed at the legal integration of foreign citizens. It negatively affects the effective implementation of foreign citizens' rights and obligations, as he must identify himself in a new legal reality.

Keywords: foreign person, migration, legal identity, personal identification, legal identification, legal self-identification, legal adaptation, legal integration, legal assimilation.

References

Summary of key activity indicators on the migration situation in the Russian Federation for January and December 2017 n.d., viewed 2 July 2018, <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162186>.

Freud, Z. 2013, *Psychology of masses and analysis of the human alter-ego*, Moscow.

Reznikov, E. V. 2014, 'The concept of legal identity', *Law and modern states*, no. 1, pp. 9–14.

Lanovaya, G. M. 2016, 'Legal identity and legal self-identity: meaning of concepts', *International journal of constitutional and state law*, no. 2, pp. 57–60.

Sargaev, A. V. 2013, 'Legal adaptation of foreign citizens in the Russian Federation: problems and measures to solve them', *Bulletin of Buryat state University*, no. 14, pp. 135–140.

Gricanov, A. A. (comp.) 2003, *Sociology: encyclopedia*, Minsk.

Immigration service of Canada n.d., viewed 30 June 2018, <http://www.canadaru.ca>.

Bublikov, V. V. 2008, 'Assimilation or multiculturalism: the experience of foreign countries in the integration of immigrants', *Bulletin of Tomsk state University*, no. 315, pp. 38–41.

ABROAD

Irina Mihaylovna Rezhapova, PhD (Philology), associate professor of humanitarian, socio-economic and natural sciences department, Kuzbass Institute of FPS of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, e-mail: rezhira4@mail.ru;

Yuliya Mihaylovna Zaborovskaya, lecturer of state and legal disciplines department, Kuzbass Institute of FPS of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, e-mail: dum333@bk.ru.

FOREIGN EXPERIENCE OF WORKING WITH CONVICTS FOR THEIR FURTHER RE-SOCIALIZATION (ON THE EXAMPLE OF THE UNITED STATES OF AMERICA AND CANADA LEGISLATION)

Recommended citation

Rezhapova, I. M. & Zaborovskaya, Yu. M. 2019, 'Foreign experience of working with convicts for their further re-socialization (on the example of the United States of America and Canada

legislation)', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 40–46, doi: 110.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.040-046.

Abstract. Recidivism damages society and the state. The persons, having repeated crimes, did not achieve the goal of correction while serving their sentences in places of detention for the first time. To improve the organization of crime prevention it is necessary, firstly, to study foreign practices and experience in the fight against recidivism, and secondly, to pay more attention to the identity of criminals, situations after their release, their behavior and needs.

The article deals with the foreign experience of working with prisoners (on the example of the United States of America and Canada), aimed at their social adaptation and prevention of penitentiary crime. It is assumed that the study of foreign experience can be used in the development and improvement of domestic legislation, which will reduce the percentage of recidivism in Russia.

A detailed description of the American program The Minnesota's Challenge Incarceration Program (CIP) («Challenge to deprivation of liberty»). After using the program, the rate of recidivism among participants has decreased compared to those in the control group for which no preventive measures have been taken. The positive experience of Canada on reintegration of former convicts into society is considered. Based on the analysis of foreign legislation of the United States of America and Canada the following conclusions were made:

in order to fight crime and reduce its recidivism it is necessary to adopt programs aimed at the resocialization of former convicts at the state and local level;

developers of foreign programs strive to unite the efforts of all members of society, to implement the principles of humanism and a systematic approach;

the study of foreign positive experience in the field of social adaptation of convicts can stimulate the search and development of new, non-standard prevention schemes aimed at Russian society, as well as contribute to the creation of a universal scheme for the prevention of recidivism.

Keywords: recidivism, social adaptation, prisoners, crime prevention programmes, resocialization, crime prevention, state reintegration programmes, crime in the United States of America, crime in Canada, correction of convicts.

References

Vorob'ev, Yu. A. 2018, 'National features of the process of convicts' re-socialization in the Penal system of Germany at the present stage', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 3, pp. 285–289.

Gachava, M. L. 2013, 'Humanization of serving a sentence as the main condition for ensuring the legal status of convicts in places of deprivation of liberty', *Penal system: law, economics, management*, no. 5, pp. 2–4.

Reshetnikova, A. I. & Vasil'eva, T. V. 2016, 'Problems of legislative regulation of social adaptation of persons released from prison', *Bulletin of the Altai Academy of Economics and law*, no. 2, pp. 32–35.

An Outcome Evaluation of the Challenge Incarceration Program – October 2006 (Minnesota DOC Study) 2017, viewed 11 November 2018, https://mn.gov/doc/assets/Challenge%20Incarceration%20Program-Aug2017_tcm1089-308975.pdf.

'Cory Booker, Rand Paul push to overhaul criminal justice system' n. d., *New Jersey Politics*, viewed 11 November 2018, https://www.nj.com/politics/index.ssf/2015/03/booker_and_paul_re-introduce_legislation_to_overha.html.

Just of Do Page n. d., viewed 11 November 2018, <http://www.justofdopage.org/financial.html>.

Minnesota Department of Corrections 2017, viewed 11 November 2018, <https://content.gov-delivery.com/accounts/MNCORR/bulletins/16cfd41>.

Nicholson, L 2015, 'Prison reforms attempt to tackle high recidivism rate, get former convicts hired', *Russia Today*, viewed 11 November 2018, <https://www.rt.com/usa/312504-prison-reforms-recidivism-hiring>.

'Reintegration of Ex-Convicts into Canadian Society' 2017, *Schoolworkhelper*, viewed 11 November 2018, <https://schoolworkhelper.net/reintegration-of-ex-convicts-into-canadian-society>.

MANAGEMENT VECTOR

Dmitriy Aleksandrovich Babichev, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of judicial and law enforcement activities department, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, e-mail: babichev-lavd@inbox.ru.

PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE FIELD OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES: EXPANSION OF LAW ENFORCEMENT BOUNDARIES

Recommended citation

Babichev, D. A. 2019, 'Prosecutorial supervision in the field of operational-investigative activities: expansion of law enforcement boundaries', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 47–51, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.047-051.

Abstract. The article deals with the provisions established by the legislator on the limits of prosecutorial supervision in the field of operational-investigative activities, in particular, a critical analysis of the Federal law "About operational-investigative activities". According to this law, information on persons providing assistance to bodies realizing operational-investigative activities on a confidential basis shall be submitted to prosecutors only with their written consent (except in cases requiring criminal prosecution). It is specified that in operational-investigative practice there are facts when the persons, providing assistance because of personal interest, distort motives and circumstances of a crime. This leads to inappropriate operational investigative measures and examinations, entails a waste of time, effort and money, and sometimes non-disclosure of the crime. In this regard, it is proposed to expand the rights of authorized prosecutors in terms of information requirement about the identity of the confidant without his consent (if it is objectively necessary).

Keywords: prosecutorial supervision, operational-investigative activity, operational-investigative decision, operational-investigative practices, confidant, law, tacit cooperation, operational-investigative activity, information, crime.

References

Lugovik, V. F. & Lugovich, S. M. 2018, *Legal status of an officer of the criminal investigation department*, Moscow.

Markushin, A. G. 2016, *Operational-investigative activity*, 3th edn, Moscow.

Definition and classification of persons assisting operational investigative bodies n.d., viewed 28 August 2018, <http://textbook.news/rozyisknaya-deyatelnost-operativno/ponyatie-klassifikatsiya-lits-sodeystvuyuschih-115131.html>.

Goryainov, K. K., Ovchinskiy, V. S. & Sinilov, G. K. 2007, *Theory of operational-investigative activity*, Moscow.

Halikov, A. N. 2017, *Operational-investigative activity*, 2d edn, Moscow.

Andrey Nikolaevich Kimachev, PhD (Law), associate professor of organization of regime and supervision in penal system department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kimachevandrei@mail.ru;

Dmitriy Vladimirovich Gorban', PhD (Law), senior lecturer of organization of regime and supervision in penal system department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: dimas8807@mail.ru.

RELEVANT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INTERNAL WORK RULES IN CORRECTIONAL COLONIES

Recommended citation

Kimachev, A. N. & Gorban', D. V. 2019, 'Relevant problems of legal regulation of internal work rules in correctional colonies', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 52–58, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.052-058.

Abstract. The process of execution of punishment in the form of deprivation of liberty in respect of minors convicts, as well as persons who have reached legal age, but left in a correctional colony, has a number of features. This is due to the specifics of the personal development of minors. The legislator regulates the procedural rules of execution and serving of punishment in respect of minors by a separate departmental normative legal act – internal work rules in correctional colonies of penal system.

The problematic issues of regulation of minors convicts' legal status are analyzed in the article. A number of problems are determined, for which the following solutions are proposed:

to change the way of treatment to minors convicts;

to regulate in more detail the Internal regulations of the provisions of the Federal law No. 15 "About the protection of public health from the effects of tobacco smoke and the consequences of tobacco consumption" (adopted on 23.02.2013);

to specify the rules of personal hygiene for minors convicts;

to clarify the rules of the internal regulations of correctional colonies controlling convicts' presence at night;

to reveal the features of convicts' detention in strict conditions of serving punishment;

to change the internal regulations of correctional colonies, determining convicts' behavior outside the correctional colony, as well as providing them with the right for movement and living outside the educational colony without escort.

Keywords: internal work rules, regime, correctional colonies, correctional process, minors convicts, preferential conditions.

References

Kimachev, A. N. 2017, 'Certain issues of correctional colonies' regime organization in the internal regulations', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, no. 3, pp. 27–34.

Kimachev, A. N. 2013, *Organizational and legal basis for the provision of regime in correctional institutions intended for the detention of persons who have committed crimes at a minor age: PHD thesis (Law)*, Ryazan.

Prokudin, V. V. & Stepanenko, V. I. 2015, 'Internal regulations as the most important element of the regime in correctional institutions of Russia and the Republic of Belarus', *International penitentiary journal*, no. 3, pp. 74–80.

Belova, E. Yu. 2014, *Legal regulation and organization of social adaptation of minors convicts in favorable conditions of serving the sentence*, Pskov.

Gorban', D. V. 2017, 'Current trends in penal policy in the field of prevention of recidivism', *Sheets of penal system*, no. 2(177), pp. 5–9.

Yuzhanin, V. E & Gorban', D. V. 2018, *Regime and measures of offences prevention among convicts in the system of execution of punishment in the form of imprisonment*, Moscow.

Aleksey Viktorovich Ogryzkov, adjunct, scientific and pedagogical personnel training department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ogryzkov-91@mail.ru;

Talyat Alievich Suleymanov, PhD (Law), Associate Professor, professor of criminal procedure and criminology department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation.

THE PRACTICE OF CONSIDERING THE RECEPTION AND REGISTRATION OF CRIMES REPORTS IN THE ACTIVITIES OF DUTY SHIFTS OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Recommended citation

Ogryzkov, A. V. & Suleymanov, T. A. 2019, 'The practice of considering the reception and registration of crimes reports in the activities of duty shifts of correctional institutions', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 59–65, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.059-065.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of problematic issues relating to the order of reception and registration of crimes reports by employees of duty shifts, in particular the duty of the correctional institution. The object of the study is the procedural actions for the reception and registration of crimes reports. In case of preparation and commission of crimes by a convict, the priority task of employees of a shift is reception and registration of primary information about crimes. This procedural activity has a significant role in the criminal process, since the success of further investigation and decision-making in the criminal case depends on immediate reception of information about the crime, as well as the correctness of filling in registration documentation.

The aim of the research is to study the procedure of reception and registration of crimes reports by employees of the duty shift in correctional institutions in order to prevent or minimize the number of unregistered crimes in Penal system of Russia. Legal actions of employees of

duty shifts is a necessary condition for effective counteraction of crime, as well as guaranteed ensuring the constitutional rights of citizens to justice and implementation of criminal proceedings.

Keywords: security, duty shift, correctional institution, the book of crimes reports registration, condemned, law and order, reception and registration of crimes reports, penal system, registration documentation.

References

Suleymanov, T. A. 2014, 'Structure and content of criminal procedural activities in penal system', *Man: crime and punishment*, no. 2(85), pp. 125–128.

Shuruhnov, N. G. & Shuruhnov, V. A. 2010, 'Features of illegal activity of persons who have previously committed crimes and serving sentences in institutions of Penal system', *Man: crime and punishment*, no. 4(71), pp. 66–69.

Averkin, S. D. 2017, 'The role of regime measures in the process of initiation of criminal proceedings', in *III international penitentiary forum "Crime, punishment, correction" (to the 20th anniversary of entering into force of the Penal code of the Russian Federation) in 8 vols: collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryan, November 21–23, 2017)*, vol. 2, pp. 119–121, Ryazan.

Malysheva, O. A. 2013, 'Features of reception and registration of crimes reports in institutions of penal system', *Collection of materials of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, no. 1(25), pp. 47–49.

Pudakov, E. R. 2008, *Criminal procedural activity of bodies and institutions of the Russian Penal system: PHD thesis (Law)*, Vladimir.

Gavrilov, B. Ya. 2016, 'Criminal procedural activity of the bodies and institutions of the Federal penal service of Russia as one of the components of penal policy', in *Penal policy and the execution of criminal penalties: collection of materials of International scientific-practical conference (Ryazan, November 24–25, 2016.)*, pp. 63–69, Ryazan.

Medvedeva, V. V. 2011, *Criminal procedure order for adoption and consideration of crimes reports in the institutions of penal system and Internal Affairs bodies: PHD thesis (Law)*, Vladimir.

Krymov, A. A. & Sautiev, A. M. 2018, *Reception and consideration of crimes and incidents reports in institutions executing punishment*, Ryazan.

Sautiev, A. M. 2017, *Reception, registration and consideration of crimes and incidents reports in correctional institutions of the FPS of Russia (comparative legal research on the basis of the legislation of the Russian Federation and CIS countries): PHD thesis (Law)*, Nizhny Novgorod.

Krymov, A. A. 2017, *Criminal procedural activity of bodies and institutions of the Russian penal system*, Moscow.

Yakovenko, I. V. 2008, 'Features of development and practical implementation in the Federal penal service of Russia of Instructions about Reception, registration and verification of crimes and incidents reports in establishments and bodies of penal system', in *Features of criminal procedure in the bodies and institutions of the FPS of Russia: collection of materials of the International scientific and practical seminar (Vologda, June 1, 2007)*, pp. 11–16, Vologda.

Bednyakov, I. L. 2017, 'Problems in registration and verifying of crimes and incidents reports in correctional institutions', in *Criminalistic and procedural support of crime investigation in penal system: collection of materials of the Interuniversity scientific and practical conference (Vladimir, March 1, 2017.)*, pp. 28–32, Vladimir.

Shatalov, A. S. 2013, 'Investigation in Russian Penal system: problems, trends, prospects', in *International penitentiary forum "Crime, punishment, correction" (to the 20th anniversary of*

the adoption of the Constitution of the Russian Federation): collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryazan, 5–6 December 2013), pp. 87–93, Ryazan.

Brylyakov, S. P. 2009, *Establishment of grounds for initiation of criminal proceedings on crimes committed in places of deprivation of liberty*, Novokuznetsk.

Regina Maratovna Sultanova, adjunct, faculty of scientific and pedagogical personnel training at the department of constitutional and municipal law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID 0000-0002-0708-920X, e-mail: rs95@mail.ru.

TOPICAL ISSUES OF LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Recommended citation

Sultanova, R. M. 2019, 'Topical issues of law enforcement by public authorities of the Russian Federation', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 66–70, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.066-070.

Abstract. The article deals with the role of public authorities of the Russian Federation in the sphere of law enforcement. The problems arising in the process of realization of the powers conferred on public authorities in the subjects of Russia in this sphere are also discussed. The practice of application of different approaches in the subjects of Russia to the definition of the participants of coordination meetings on law enforcement is studied. It is noted that the main role in the process of law enforcement is assigned to the Internal Affairs bodies, as they are one of the specialized law enforcement bodies of the executive power of the Russian Federation. The possibility of independent and constructive interaction of public authorities of the Russian Federation with the institutions of civil society in order to ensure an appropriate level of law and order is also discussed. The novelty of the research is determined by the fact that in accordance with the modern Russian constitutional doctrine, a comprehensive scientific approach to the study of the constitutional and legal mechanism of law enforcement by public authorities of the Russian Federation is presented.

Keywords: state authorities, subjects of the Russian Federation, subjects of joint jurisdiction, law and order, law enforcement, subjects of law and order.

References

Bezrukov, A. V. 2015, *Constitutional and legal aspects of the legislative power to ensure law and order in Russia*, Moscow.

Bezrukov, A. V. 2015, 'Law enforcement by public authorities in the Russian Federation', *Collection of materials of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, no. 4(36), pp. 22–26.

Evdokimova, V. B. 2018, 'About formation of constitutional legality and unity of legal space in the Russian Federation', *Law and education*, no. 5, pp. 48–56.

Alekseev, S. N. 2011, *Effectiveness of the institutional and legal framework of law enforcement: PHD thesis (Law)*, Nizhny Novgorod.

Sultanova, R. M. 2018, 'Implementation of constitutional and legal powers to ensure public safety by state authorities of the Russian Federation', *Bulletin of economic security*, no. 3, pp. 48–53.

Stupachenko, E. V. 2014, 'The participants of constantly operating coordination meetings on law enforcement in subjects of the Russian Federation', *Legality*, no. 7, pp. 43–47.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Salih Habibovich Shamsunov, DSc (Law), Professor, chief researcher of SRC № 1, Scientific research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: shamsunov46@mail.ru;

Irina Aleksandrovna Lakina, researcher of SRC № 3, Scientific research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation.

MODERN PREVENTIVE MEASURES IN THE ACTIVITIES OF PENAL INSPECTIONS

Recommended citation

Shamsunov, S. H. & Lakina, I. A. 2019, 'Modern preventive measures in the activities of Penal inspections', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 71–75, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.071-075.

Abstract. The article is devoted to the preventive measures controlled by penal inspections: house arrest, prohibition of certain actions. The statistical information on execution of preventive measures in the form of house arrest is provided. Recommendations on carrying out preventive work with suspects (accused) are offered. According to the results of the study, it is concluded that: the main purpose of modern criminal and penal policy is to ensure the deterrence of crime by improving the efficiency of social and psychological work in places of detention; preparation of the individual for the post-adaptation period, as well as the formation of a positive attitude of convicts to employment and education; the creation of family relations; the development of law-abiding behavior. Such measures will help to improve the quality of social orientation of modern preventive activity controlled by penal inspections.

Keywords: penal inspections, preventive measures, house arrest, prohibition of certain actions, crime prevention.

References

Zubkova, V. I. 2018, 'To some questions of implementation of the Development Concept of Penal system of the Russian Federation till 2020', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 3, pp. 294–298.

Dyurkgeym, E. 1966, 'Norm and pathology', *Sociology of crime. Modern bourgeois theories: collection of articles*, translated from English, pp. 39–44, Moscow.

Useev, R. Z. 2018, 'From the conditions of freedom to individuals isolation in the system of punishments and preventive measures', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 3, pp. 289–293.

Ol'ga Ivanovna Nesterova, DSc (History), chief inspector for special assignments of the department of penal legislation, planning and conducting official inspections of the legal department, the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: nolga.777@yandex.ru;

Natal'ya Petrovna Gnedova, chief researcher of SRC № 1, Scientific research institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: gnedova.74@mail.ru.

USE OF OPERATIONAL-SEARCH DATA IN ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES TO BE PROVED IN THE INVESTIGATION OF PRISON BREAKS

Recommended citation

Nesterova, O. I. & Gnedova, N. P. 2019, 'Use of operational-search data in establishing the circumstances to be proved in the investigation of prison breaks', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 76–79, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.076-079.

Abstract. Prison break is one of the most common crimes committed by convicts. Every year the percentage of convicts' escapes is about 17 % of the total number of registered crimes. If the decision to Institute criminal proceedings is taken immediately after the escape application reception, detection of crime traces is made in the shortest possible time, measures to find and arrest the escaped will be quickly organized.

Keywords: search, seizure, correctional institution, convict, crime, operational search activities, investigative actions, operational search data, forensic characteristics.

References

- Gryazeva, N. V. 2014, *Methods of prison breaks investigation: PHD thesis (Law)*, Moscow.
- Mal'chuk, O. I. 2017, 'Preventive measures against prison breaks', in *Legal science and practice: almanac of scientific works of Samara law Institute of the FPS of Russia*, pp. 176–178, Samara.
- Nuzhdin, A. A. 2016, 'Structure of tactical operations carried out for crimes prevention with use of telecommunication systems in correctional institutions', *Law and right*, no. 10, pp. 125–126.
- Ponkratov, V. A. 2005, *Organization of correctional institutions and pre-trial detention centers activities for escape prevention: PHD thesis (Law)*, Ryazan.
- Sokolovskiy, V. I. 1983, *Investigation of escapes from correctional-labour colonies*, Leningrad.

Elena Vladimirovna Nechaeva, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of criminal law disciplines department, Chuvash state university named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russian Federation, e-mail: nechaeva_ev@mail.ru;

El'vira YUr'evna Latypova, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of criminal law and procedure department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russian Federation, e-mail: elatypova@ieml.ru;

Eduard Magasum'yanovich Gil'manov, senior lecturer of criminal law and procedure department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russian Federation, e-mail: elegys@mail.ru.

ATTACKS ON DIGITAL INFORMATION: THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM

Recommended citation

Nechaeva, E. V., Latypova, E. Yu. & Gil'manov, E. M. 2019, 'Attacks on digital information: the current state of the problem', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 80–86, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.080-086.

Abstract. The current state of the problem of criminal liability for attacks on digital information, their dynamics and impact on the technological and industrial potential of Russia, as well as the negative consequences of crimes in the field of digital information are discussed in the article. The widespread use of information and communication technologies is an essential requirement of the time, representing an indicator of economic development. However, the progressive development of information and communication technologies is prevented by the increase of information crime percentage.

Statistical data on crimes committed with the use of computer and telecommunication technologies are analyzed; it is concluded that their number constantly increase. The priority tasks in this sphere are defined as following: the need to correct the current legislation as it does not comply with requirements of the information space development, in particular, the consolidation of the term «digital information» instead of the outdated “computer information”; to research the ways of using digital information in commission of crimes of a number of other groups (incitement to suicide, insurance fraud, drug trafficking, etc.); the use of mathematical methods to predict crime in the field of digital information; consideration of the possibility of using mandatory, corrective and forced labour penalties against persons who have committed attacks on digital information; discussion of the problem of using malicious software that is installed without the user's knowledge, as well as the possibility of bringing to disciplinary responsibility for the imprudent actions of a person obliged to comply with the necessary requirements of the user; coverage of the problem of depersonalization of information collected and transmitted by various messengers; potential of foreign States as a threat to national interests in the field of information and communication technologies.

Keywords: digital information, computer information, crime, Internet, malware program, covert information, information, unauthorized access to computer information.

References

Begishev, I. R. 2017, *Concept and types of crimes in the sphere of digital information circulation: PHD thesis (Law)*, Kazan, viewed 28 October 2018, http://kpfu.ru/dis_card?p_id=2404.

Mochalov, I. A. & Shalaginova O. B. 2016, 'Crime in the field of information and telecommunication technologies as a threat to the national security of the country', *Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, detection and investigation of crimes*, no. 1, pp. 131–136.

Bastrykin, A. I. 2017, 'Crimes against minors in the Internet space: on the issue of victimological prevention and criminal law assessment', *Russian journal of criminology*, vol. 11, iss. 1, pp. 5–12, doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).5-12.

Bychkova, A. M. & Radnaeva, E. L. 2018, 'Incitement to suicide through the use of Internet technologies: socio-psychological, criminological and criminal law aspects', *Russian journal of criminology*, vol. 12, iss. 1. pp. 101–115, doi: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).101-115.

Latypova, E. Yu. 2017, 'Insurance fraud as an infringement on consumer rights: problems and prospects', in G. P. Kuleshova & I. G. Garaev (eds), *Relevant problems of legal regulation and law enforcement practice in the field of consumer protection: collection of materials of the Russian scientific and practical conference*, pp. 78–81, Moscow.

Umarov, M. R. & Nechaeva, E. V. 2015, 'Drug trafficking on the Internet', in *Criminal law prevention in the field of trafficking in narcotic drugs or psychotropic substances, alcohol and alcohol-containing products (regional aspect): collection of materials of the Russian scientific and practical conference*, pp. 349–353, Cheboksary.

'Statistics and Analytics' n.d., *Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, viewed 28 September 2018, <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>.

'General information on the state of crime' n.d., *State of crime in Russia in January-December 2017*, viewed 28 September 2018, https://file:///C:/Users/123/Documents/Downloads/Sostoyanie_prestupnosti_yanvary-dekabry_2017.pdf.

'General information on the state of crime', *The state of crime in Russia in January-August 2018*, viewed 28 September 2018, https://file:///C:/Users/123/Documents/Downloads/Sb_1808.pdf.

Suhodolov, A. P. 2018, 'Digital criminology: mathematical methods of forecasting. Part 2', *Russian journal of criminology*, vol. 12, iss. 3, pp. 323–329.

Krymov, A., Rodionov, A. & Skiba, A. 2017, 'Certain Aspects of the Interbranch Regulation of the Convicts' Labour Organization in France', *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, vol. VIII, iss. 1(23), pp. 97–102, doi: 10/14505/jarle.v8.1(23).11.

Krymov, A. A., Rodionov, A. V. & Skiba, A. P. 2017, 'Legal regulation of convicts work organization in German penal institutions', *Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1, pp. 41–46.

Gil'manov, E. M. & Latypova, E. Yu. 2016, 'Some problems of punishment for illegal search and (or) removal of archaeological objects from places of occurrence', in N. V. Huras'kina (ed.), *Legal and moral aspects of personal and state security at the present stage of political and economic sanctions: collection of materials of the Russian scientific and practical conference*, in 2 vols, pp. 361–363, Moscow.

Nechaeva, E. V. 2018, 'Prospects of punishment transformation in the form of forced labor', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 45–49.

How to find out that you are listening to through your gadgets n.d., viewed 5 November 2018, <https://hi-tech.mail.ru/review/proshchaj-lichnoe-prostranstvo-kto-i-kak-proslushivaet-nashi-gadzhety/#a02>.

Yarusova, A. S. & Latypova, E. Yu. 2016, 'Motive of national or religious hatred or enmity as an element of terrorist crimes', in N. V. Huras'kina (ed.), *Legal and moral aspects of personal and state security at the present stage of political and economic sanctions: collection of materials of the Russian scientific and practical conference*, in 2 vols, pp. 593–597, Moscow.

Maksimov, S. V., Vasin, Yu. G. & Utarov, K. A. 2018, 'Digital criminology as a tool to fight against organized crime', *Russian journal of criminology*, vol. 12, iss. 4, pp. 476–484, doi: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).476-484.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Aleksandr Mihaylovich Kiselev, DSc (Pedagogic), Associate Professor, professor of mobilization and tactical and special training department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kamkis@bk.ru.

CRITERIA AND INDICATORS OF LAW ENFORCEMENT PERSONNEL LEVEL OF READINESS TO ACT IN CRISIS SITUATIONS

Recommended citation

Kiselev, A. M. 2019, 'Criteria and indicators of law enforcement personnel level of readiness to act in crisis situations', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 87–93, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.087-093.

Abstract. The article is devoted to the topical problem of identifying the optimal criteria of law enforcement personnel readiness to work in crisis situations. Analysis of previous studies showed that in the development of criteria for assessing any quality it is advisable to identify those that objectively reflect the characteristics inherent in the studied quality. With regard to the process of formation of skills and qualities necessary for action in a complex operational environment, it is advisable to consider the concept of "criterion" as an element of monitoring the effectiveness of skills and qualities formation. The functioning units experience of various domestic and foreign government law enforcement agencies gives the right to assert that to assess the level of personnel readiness in law enforcement agencies for action in crisis situations there are several generalizing criteria: motivational, activity-based and effective. In the rank of the components of the criteria are the evaluation indicators that contribute to a more objective assessment of a particular direction of students' activity from the variety of factors of professional readiness to act in crisis situations Using indicators, it is much easier to determine its final level. The experiment revealed the indicators, a characteristic feature of which (unlike traditional ones used in departmental educational organizations) is not an assessment of the acquired knowledge, skills and abilities, but the determination of ability level of law enforcement workers to effectively perform their duties in crisis situations.

The identified criteria and indicators for assessing the readiness of law enforcement personnel to act in crisis situations were successfully tested during tactical and special exercises. The scientific approach to the development of the criteria and indicators presented in the article, their approbation during training activities, tactical and special exercises, conducted within the framework of official training, allowed giving an objective and comprehensive assessment of the special skills and qualities formed by employees. It also allows determining the system of organizational and pedagogical measures that can significantly increase the level of personnel readiness in law enforcement agencies to work in crisis situations.

Keywords: law enforcement agencies, personnel, crisis situations, evaluation criteria and their indicators, professional activities, service training.

References

Endal'cev, B. V. & Nesterov A. A. 1986, *Performance of military personnel and ways of its increase by means of physical training*, Leningrad.

Dem'yanenko, Yu. K. & Meerson, A. M. 1969, 'Factor analysis of the connection study between physical training and professional skills', *Theory and practice of physical education*, no. 7, pp. 2–5.

Brient. G. 1978, *Psychology in modern sport*, Moscow.

Vasilii Vasil'evich Fomin, PhD (Law), Associate Professor, leading researcher of the research department of the scientific center, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

SOME PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE SEARCH AND ITS EFFICIENCY

Recommended citation

Fomin, V. V. 2019, 'Some psychological aspects of the search and its efficiency', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 94–97, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.094-097.

Abstract. Carrying out such investigative action as a search, it is necessary to apply psychological methods and methods. These include the study of the identity of the searched, watching him, his behavior, and reactions. In psychological terms, conducting a search, the investigator, having the reflexivity of thinking, has to guess to know where the desired object or values are hidden. In addition, the investigator must have the necessary professional skills, organize a search and behave professionally, be able to act in a conflict situation, carry out a psychological impact on the searched person and use it for productivity search. The success of the search depends on the intellectual and volitional qualities of the investigator: the flexibility of his intellectual activity, endurance, perseverance, professionalism, self-control and ability to long-term stress in overcoming difficulties. These psychological qualities must be constantly developed and improved.

Keywords: psychological features of the investigator, psychology of search activity, psychological characteristics of a searched, thorough search.

References

Lucenko, O. A. 2005, *Search and seizure, procedural order, tactics and evidential importance*, Rostov-on-Don.

Enikeev, M. I. 2004, *Psychology of search*, Moscow.

Chufarovskiy, Yu. V. 2016, *Psychology of operative-search and investigative activities*, Moscow.

Enikeev, M. I. 2004, *Psychology of the investigator*, Moscow.

Tamara Nikolaevna Demko, PhD (Philosophy), Associate Professor, associate professor of philosophy and history department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: luscha1882@mail.ru

ABOUT THE USE OF INTERACTIVE METHODS IN CONDUCTING HUMANITARIAN DISCIPLINES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Recommended citation

Demko, T. N. 2019, 'About the use of interactive methods in conducting humanitarian disciplines in educational institutions of Federal Penitentiary Service of Russia', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 1, pp. 98–107, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.098-107.

Abstract. Humanitarian training of young specialists of the FPS of Russia is a necessary condition for successful activity. In this area, not only professional competence and skills are involved, but also the entire personal resource in the form of culture, spiritual and moral reflection, the ability to think broadly, etc. This is a professional resource that is extremely important in working with people.

The article focuses on the need to develop independent and creative thinking of graduates of specialized universities, which in the future should be used in practice as the ability to rely on the acquired knowledge and the ability to work with them: to replenish, correct, refute, and apply them to specific situations. Thinking is considered as a dialectically developing process, the stimulus and condition of which is the communicative factor.

In order to overcome the negative trends in the development of thinking requires the teacher to continuously search for new tools, ways and methods of learning subjects. The article presents the author's method of studying the topics included in humanitarian courses. It is called "intellectual play" or "a method of intellectual drama". This technique provokes a lot of different reactions not only of a purely mental nature, but also of a spiritual-moral, aesthetic, heuristic and cognitive structure of personality. The topics, with help of which the plans were written and the classes were held using this interactive technique, are given.

Keywords: humanitarian courses, teaching methods, development of independent thinking, interactive techniques, methods of intellectual drama, plan, atmosphere of communication.

References

- Adorno, T. 2016, *The study/research of the authoritarian character*, Moscow.
- Gegel', G. V. F. 1970, *Science of logic*, vol. 1.
- Zautorova, E. V. & Bryzgalova I. V. 2018, 'The use of interactive learning in the educational process of departmental higher educational institutions, *Law and education*, no. 9, pp. 11–16.
- Klinberg, L. 1984, *Problems of teaching theory, translation from German*, Moscow.
- Kokorin, A. K. 2007, *Greetings from Stanislavsky*, Moscow.
- Kochergin, A. N. 2018, 'Education as a factor of national security', *Alma mater (High School Bulletin)*, no. 9, pp. 21–23.
- Krivicun, O. A. 1988, *Aesthetics*, Moscow.
- Mihal'skaya, A. K. 1996, *Basics of rhetoric. Thought and word*, Moscow.
- Rakitov, A. I. 2017, 'Philosophy of education and higher school', *Higher education in Russia*, no. 5, pp. 88–96.
- Tolstoy, L. N. 1991, *Reading circle: selected, collected and arranged for every day by Leo Tolstoy thoughts of many writers about the truth of life and behavior (January 9)*, vol. 1, Moscow.
- Shencova, O. M. & Veremey O. M. 2018, 'Formation of the educational environment of universities of creative orientation including subject and spatial components', *Alma mater (High School Bulletin)*, no. 9, pp. 115–120.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *О. А. Кейзина*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 28.03.2019. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 7,88. Усл. печ. л. 7,33. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1